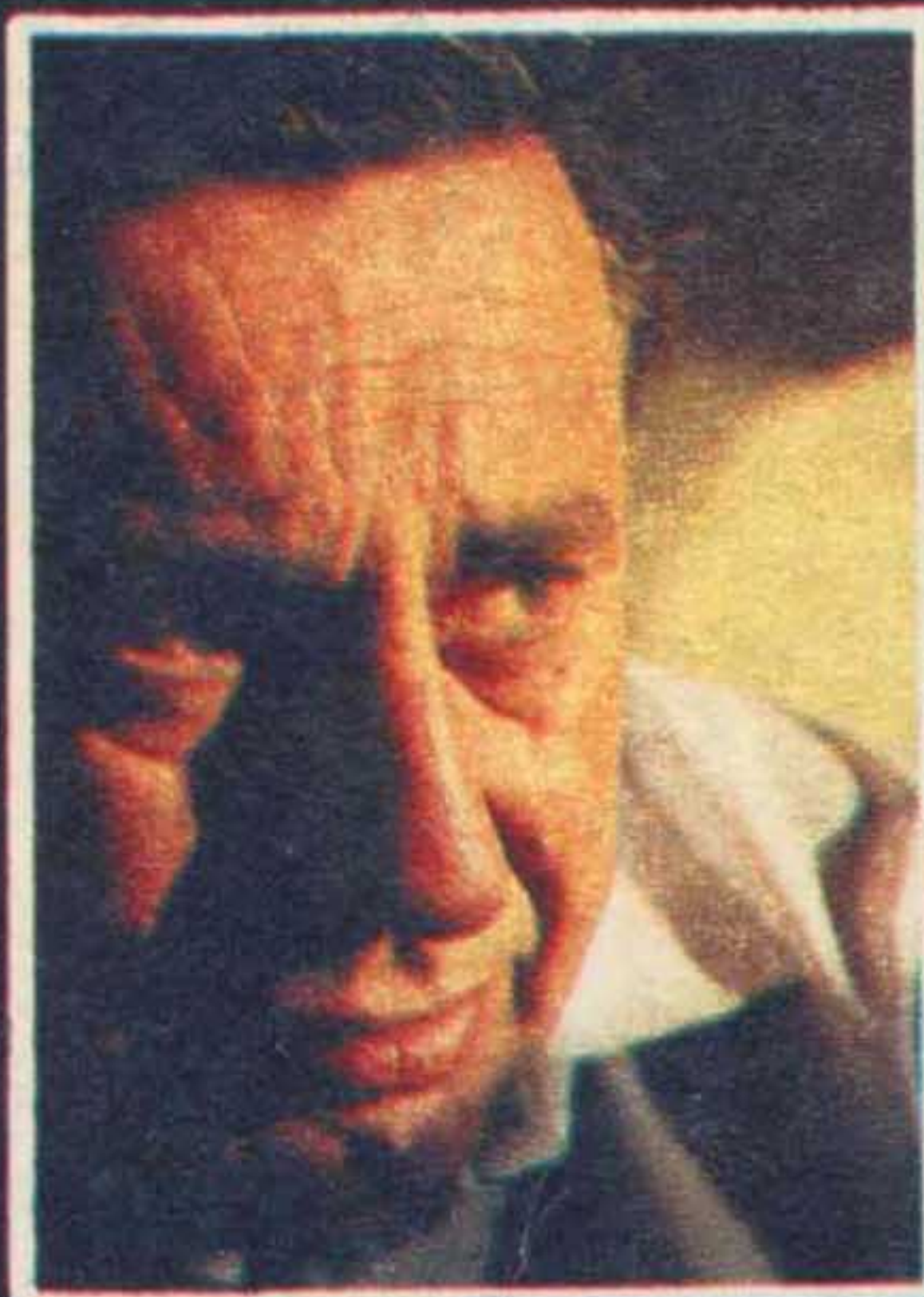

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 27 ИЮЛЬ 1987

ДОКТОР КАСЬЯН:
ИЗЛЕЧЕНИЕ
БЕЗ ОПЕРАЦИИ

ДИАЛОГ
С ЛАРИСОЙ
ДОЛИНОЙ

ЮБИЛЕЙ
МАРКА ШАГАЛА

НА ТИХОЙ СОСНЕ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан
1 апреля

№ 27 (3128)

1923 года

4—11 ИЮЛЯ

© Издательство «Правда», «Огонек», 1987.

Главный редактор — В. А. КОРОТИЧ.

Редакционная коллегия:

Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ,
Д. В. БИРЮКОВ,
Л. Н. ГУЩИН
(первый заместитель
главного редактора),
К. А. ЕЛЮТИН,
В. П. ЕНИШЕРЛОВ,
Н. А. ЗЛОБИН,
Д. К. ИВАНОВ
(ответственный
секретарь),
А. Ю. КОМАРОВ,
Ю. В. МИХАЛЬЦЕВ,
В. Д. НИКОЛАЕВ
(заместитель
главного редактора),
Ю. В. НИКУЛИН,
А. Г. ПАНЧЕНКО,
А. Б. СТУКОВ,
С. Н. ФЕДОРОВ,
Ю. Д. ЧЕРНИЧЕНКО.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Все готово к празднику. Бабушка Татьяна Васильевна Чернякова и внучка Лариса. (См. в номере материал «И это все нетленно».)
Фото Павла КРИВЦОВА

Оформление А. А. КОВАЛЕВА
при участии Г. Н. СИДОРОВОЙ.

Телефоны редакции: Секретариат — 212-23-27;
Отделы: Публицистики — 212-21-88; Коммунистического воспитания — 250-38-17; Международный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства — 212-15-39; Писем и массовой работы — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Оформление — 212-15-77; Литературных приложений — 212-22-13.

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Сдано в набор 12.06.87. Подписано к печати 30.06.87. А 05091. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 500 000 экз. Изд. № 1795. Заказ № 796.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда», 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Адрес редакции: 101456, ГСП,
Москва, Бумажный проезд, 14.

ИНФОРМА СООБ о Пленуме Центра Коммунистич Советско

25 июня 1987 года начал работу очередной Пленум Центрального Комитета КПСС. На рассмотрение Пленума внесен вопрос «О задачах партии по коренной перестройке управления экономикой». С докладом по этому вопросу выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев.

Участникам Пленума была предоставлена возможность предварительно ознакомиться с тезисами доклада товарища Горбачева М. С., а также с обзором писем трудящихся по вопросам перестройки управления народным хозяйством.

На заседании в прениях по докладу выступили: тт. В. В. Щербицкий — первый секретарь ЦК Компартии Украины, В. И. Воротников — Председатель Совета Министров РСФСР, Б. Н. Ельцин — первый секретарь Московского горкома КПСС, Е. Е. Соколов — первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии, В. Т. Адылов — бригадир токарей Ташкентского авиационного производственного объединения имени В. П. Чкалова, Г. П. Богомяков — первый секретарь Тюменского обкома КПСС, Л. Н. Зайков — секретарь ЦК КПСС, Г. В. Колбин — первый секретарь ЦК Компартии Казахстана, В. П. Никонов — секретарь ЦК КПСС, В. К. Месяц — первый секретарь Московского обкома КПСС, Н. В. Талызин — первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, председатель Госплана СССР, М. Г. Вагин — председатель колхоза имени В. И. Ленина Ковернинского района Горьковской области, А. А. Логунов — вице-президент Академии наук СССР, ректор Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, П. М. Телепнев — первый секретарь Архангельского обкома КПСС, Д. И. Патиашвили — первый секретарь ЦК Компартии Грузии, Ю. П. Баталин — заместитель Председателя Совета Министров СССР, председатель Государственного строительного комитета СССР.

26 июня 1987 года на Пленуме ЦК КПСС продолжалось обсуждение доклада Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева «О задачах партии по коренной перестройке управления экономикой».

В прениях выступили: тт. Ю. Ф. Соловьев — первый секретарь Ленинградского обкома КПСС, Б. И. Гостев — министр финансов СССР, Ю. И. Лобов — секретарь парткома производственного объединения «Ижмаш» имени Д. Ф. Устинова, Удмуртская АССР, А. П. Филатов — первый секретарь Новосибирского обкома КПСС, Л. А. Воронин — заместитель Председателя Совета Министров СССР, председатель Госнабза СССР, Б. М. Володин — первый секретарь Ростовского обкома КПСС, К. Г. Вайно — первый секретарь ЦК Компартии Эстонии, А. Я. Колесников — бригадир комплексной бригады горнорабочих шахты «Молодогвардейская» производственного объединения «Краснодонуголь», Укра-

ЦИОННОЕ ЩЕНИЕ

льного Комитета

еской партии

го Союза

инская ССР, А. А. Хомяков — первый секретарь Саратовского обкома КПСС, Н. С. Конарев — министр путей сообщения СССР, Н. Н. Щербакова — ткачиха московского хлопчатобумажного комбината «Трехгорная мануфактура» имени Ф. Э. Дзержинского, С. А. Шалаев — председатель ВЦСПС, П. С. Федирко — первый секретарь Красноярского крайкома КПСС, А. Д. Лизичев — начальник Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота, И. С. Белоусов — министр судостроительной промышленности СССР, М. И. Клепиков — бригадир колхоза «Кубань» Усть-Лабинского района Краснодарского края.

С заключительным словом выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. Горбачев М. С.

Пленум принял по обсуждавшемуся вопросу развернутое постановление, которое публикуется в печати.

Пленум утвердил представленные Политбюро ЦК КПСС «Основные положения коренной перестройки управления экономикой».

Пленум одобрил доработанный с учетом всенародного обсуждения проект Закона СССР о государственном предприятии (объединении) и поручил Совету Министров СССР внести его на рассмотрение Верховного Совета СССР.

На Пленуме принято решение созвать XIX Всесоюзную конференцию КПСС 28 июня 1988 года в г. Москве в Кремлевском Дворце съездов.

На Пленуме ЦК КПСС рассмотрены организационные вопросы.

Пленум перевел тт. Слюнькова Н. Н. и Яковлева А. Н. из кандидатов в члены Политбюро ЦК КПСС.

Пленум избрал секретаря ЦК КПСС т. Никонова В. П. членом Политбюро ЦК КПСС.

Пленум перевел из кандидатов в члены ЦК КПСС т. Язова Д. Т. — министра обороны СССР и избрал его кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС.

Пленум освободил т. Соколова С. Л. от обязанностей кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС в связи с его уходом на пенсию.

Пленум перевел из кандидатов в члены ЦК КПСС тт. Брызгу Л. Д. — оператора машинного доения колхоза-комбината «Память Ильича», Белорусская ССР, Павлова Н. А. — оператора по добыче нефти и газа управления «Сургутнефть» имени 50-летия СССР, Тюменская область.

Пленум вывел из состава ЦК КПСС т. Кунаева Д. А. за серьезные недостатки, допущенные в руководстве республиканской партийной организацией в бытность первым секретарем ЦК Компартии Казахстана.

На этом Пленум ЦК КПСС закончил свою работу.

СЛЮНЬКОВ Николай Никитович

Тов. Слюньков Н. Н. родился в 1929 году, белорус, член КПСС с 1954 года, образование высшее — окончил Белорусский ин-

ститут механизации сельского хозяйства.

Трудовую деятельность начал в 1950 году помощником мастера на заводе. Работал начальником цеха, председателем заводского комитета, директором завода, генеральным директором Минского производственного тракторостроительного объединения.

С 1972 года первый секретарь Минского горкома Компартии Белоруссии.

С 1974 года заместитель председателя Государственного планового комитета СССР.

В 1983—1987 годах работал первым секретарем ЦК Компартии Белоруссии.

С 1987 года — секретарь ЦК КПСС.

С 1986 года — член ЦК КПСС, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС. Депутат Верховного Совета СССР 7-го, 10-го и 11-го созывов, член Президиума Верховного Совета СССР с 1983 года.

Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии СССР.

ЯКОВЛЕВ Александр Николаевич

Тов. Яковлев А. Н. родился в 1923 году, русский, член КПСС с 1944 года. Окончил Ярославский государственный педагогический институт, Академию общественных наук при ЦК КПСС. Доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент Академии наук СССР.

В 1941—1943 годах служил в Советской Армии. Участник Великой Отечественной войны. После демобилизации по ранению учился в институте, был слушателем Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б). С 1946 года — на партийной работе: инструктор, заместитель заведующего, заведующий отделом Ярославского обкома КПСС. С 1953 года работает в аппарате ЦК КПСС инструктором, заведующим сектором, первым заместителем заведующего Отделом пропаганды.

В 1973—1983 годах — чрезвычайный и Полномочный Посол СССР в Канаде. С 1983 года работал директором Института мировой экономики и международных отношений Академии наук СССР.

В 1985—1986 годах — заведующий Отделом пропаганды ЦК КПСС, с 1986 года — секретарь ЦК КПСС.

В 1971 году А. Н. Яковлев избирался членом Центральной Ревизионной Комиссии КПСС, а в 1986 году — членом Центрального Комитета КПСС. На январском (1987 года) Пленуме ЦК КПСС А. Н. Яковлев избран кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС. Депутат Верховного Совета СССР.

НИКОНОВ Виктор Петрович

Тов. Никонов В. П. родился в 1929 году, русский, член КПСС с 1954 года, образование высшее — окончил Азово-Черноморский сельскохозяйственный институт по специальности агроном-полевод высшей квали-

фикации. С 1950 года, после окончания института, работал главным агрономом МТС, заместителем директора агрономической школы, директором МТС в Красноярском крае.

С 1958 года на партийной работе: заместитель заведующего, заведующий сельскохозяйственным отделом Красноярского крайкома КПСС, инструктор Отдела партийных органов ЦК КПСС. В 1961—1967 годах — второй секретарь Татарского обкома КПСС.

С 1967 по 1979 год работал первым секретарем Марийского обкома КПСС, затем председателем Всесоюзного производственно-научного объединения по агрохимическому обслуживанию сельского хозяйства — заместителем министра сельского хозяйства СССР. С 1983 года — министр сельского хозяйства РСФСР.

На апрельском (1985 г.) Пленуме ЦК КПСС избран секретарем Центрального Комитета КПСС.

В. П. Никонов с 1971 года кандидат в члены ЦК, а с 1976 года — член ЦК КПСС.

Депутат Верховного Совета СССР (6-й — 11-й созывы).

29 и 30 июня в Большом Кремлевском дворце состоялась седьмая сессия Верховного Совета СССР одиннадцатого созыва.

Были рассмотрены вопросы:

1. Об изменениях в составе Президиума Верховного Совета СССР.
2. О перестройке управления народным хозяйством на современном этапе экономического развития страны.
3. О проекте Закона СССР о всенародном обсуждении важных вопросов государственной жизни.

4. О проекте Закона СССР о порядке обжалования в суд неправомерных действий должностных лиц, ущемляющих права граждан.

5. Об утверждении Указов Президиума Верховного Совета СССР.

Сессия приняла Закон СССР «О государственном предприятии (объединении)», который вводится в действие с 1 января 1988 года.

Фото Алексея ГОСТЕВА

ВМЕСТЕ ПРОТИВ ВОЙНЫ

12 дней продолжался советско-американский «Поход за мир и ядерное разоружение», который был организован по инициативе антивоенных организаций США и Советского комитета защиты мира.

Ни дождь, ни холодные ветры не смогли повлиять на настроение его участников, потому что буквально каждый километр их пути щедро одаривал теплом встреч с советскими людьми.

Фото Игоря ГАВРИЛОВА

РАЗЛУКА НЕ ДОЛЖНА СТАТЬ ДОЛГОЙ

Уважаемая редакция!

Вынуждены обратиться в связи с тревожным положением, которое складывается из-за закрытия Большого зала консерватории.

Здание Московской консерватории является историческим памятником русского зодчества. В его ансамбле особую ценность имеет Большой зал — украшение столицы. Всемирная слава его связана также и с уникальной по богатству концертной жизнью международного значения. Без преувеличения можно сказать, что любой прославленный артист считает для себя честью выступить на сцене этого зала. Подлинным храмом музыки становится он также и в дни Международных конкурсов имени Чайковского, которые стали традицией в концертной жизни последних десятилетий.

Большой зал — наша гордость и любовь — сегодня в аварийном состоянии. Он нуждается в бережном, высококвалифицированном ремонте специалистов не только строительного дела, но и мастеров акустики. Неповторимая по своим высоким качествам акустика Большого зала может быть легко повреждена при неосторожном вмешательстве.

Поэтому наша первая, настоятельная просьба связана с необходимостью поручить ремонт Большого зала специалистам мирового класса, мастерам самого высокого ранга, даже если это будет связано с определенными валютными государственными расходами. Мы убеждены, что экономия валюты в данном случае обернется невосполнимой утратой бесценного отечественного достояния.

Необходимо вместе с тем, чтобы ремонт был произведен в наиболее сжатые сроки, так как Большой зал в столице, к сожалению, единственный для полноценного исполнения классической музыки. При реконструкции нужно предусмотреть расширение закулисных помещений, которые не соответствуют современным требованиям.

ПРОБЛЕМЫ, ПОДНЯТЫЕ В ПИСЬМЕ МУЗЫКАЛЬНЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ СТОЛИЦЫ, ВОЛНУЮТ И МНОГИХ ЛЮБИТЕЛЕЙ МУЗЫКИ. ВОТ ОДНА ИЗ ХАРАКТЕРНЫХ ТОЧЕК ЗРЕНИЯ.

Сложную гамму чувств переживали слушатели последнего концерта сезона в Большом зале Московской консерватории. И причиной тому не только потрясение от фантастического исполнения Наталией Гутман концерта Альфреда Шнитке для виолончели с оркестром. Геннадий Рождественский включил в эту программу и Сорок первую симфонию Гайдна. Хорошо, что не «Прощальную» — пощадил, очевидно, публику, и без того перенапряженную предстоящей разлукой с классикой. Нет, это не было обычным завершением сезона, которое традиционно бывает в июне...

Этот зал — мировой шедевр архитектуры и акустики. Его величавая, преисполненная достоинства простота, строгость и деликатность интерьера формируют совершенно особый духовный настрой, необходимый для высокого соприкосновения с классикой.

Выступая на торжественном открытии Большого зала 7 апреля 1901 года, инициатор его создания В. И. Сафонов сказал: «Отныне музыка в нашей столице имеет приют, представляющий исключительные удобства для исполнения образцовых произведений музыкального творчества и тех великих созданий человеческого гения, исполнение которых до сих пор было недоступно... Пожелаем же нашему залу служить на славу родного искусства, пожелаем, чтобы великие люди, изображаемые которых украшают этот зал, служили примером многим поколениям».

Зал был построен по проекту архитектора В. П. Загорского и в основном сохранил до нашего времени свой изначальный облик. Здесь свободно разместится и прозвучит в полный голос оркестр в составе 130 человек и хор в 250 участников. И в любом уголке, на самом скромном месте балко-

на будет услышано тишайшее пианиссимо.

В этих стенах выступали почти все величайшие исполнители XX века.

Большой зал долгие годы честно выполнял свою почетную, но не легкую работу. С утра здесь хозяином был Государственный симфонический оркестр — это его репетиционная база, оттачивали мастерство студенты консерватории, потом готовились к выступлению участники вечерних концертов. В зале были постоянно «прописаны» работники радио, телевидения. Ночью вела интенсивную деятельность фирма «Мелодия» — шла звукозапись на грампластинки.

Естественно, что за 86 лет напряженной работы зал обветшал. Об этом было давно известно. Но время упущено. Сейчас нет проекта реконструкции, не определена строительная организация, способная выполнить такую ответственную и сложную работу.

Если принять во внимание и то, что еще не завершено строительство нового здания Третьяковской галереи, в высшей степени стеснены многие музеи, закрыт Большой театр, в плачевном состоянии и многие другие очаги культуры, судьба высокого искусства в столице вызывает тревогу.

Конечно, много легче, чем с требовательной классикой, иметь дело с вокально-инструментальными ансамблями и рок-группами — они привольно чувствуют себя и в небольшом кафе, и на стадионе. А музыкальной классике не в меньшей степени, чем хорошие инструменты, необходимы прекрасные залы. К сожалению, их почти не строили в последние десятилетия, хотя всевозможных клубов, дворцов культуры возводилось немало. Может быть, пересмотреть намеченные планы и вместо двух-трех обычно пустующих заводских храмов с транспарантами на актуальные темы и монументальными столами президиума построить в кратчайшие сроки современный Дом музыки? Ведь успели же построить уникальные объекты к Московской Олимпиаде.

Чтобы не ушли годы на разработку проекта, может быть, вос-

Во время ремонта, когда Большой зал будет закрыт, концертная жизнь столицы не должна остановиться. Камерные залы и Зал имени Чайковского недостаточны, чтобы вместить весь объем артистической музыкальной жизни столицы. Реальная опасность, что ее тонус будет значительно понижен, и это, естественно, скажется на мировом престиже Москвы, городе культурных, музыкальных международных связей.

Поэтому наша вторая просьба — предоставить для проведения концертов Московской филармонии Колонный зал Дома союзов, находящийся в ведении ВЦСПС, который наиболее близок Большому залу и по своим музыкально-акустическим достоинствам, и по своему интерьеру. Думается, что необходимые заседания, совещания и прочие мероприятия ВЦСПС можно безболезненно проводить в любом новом зале столицы.

Мы надеемся, что наше письмо не будет отправлено для формального ответа в Министерство культуры СССР и что журнал примет самое деятельное участие в решении жгучей проблемы. Ведь речь идет о культурных ценностях нашего народа.

Мы убеждены, что это письмо найдет широкий отклик среди читателей.

В. Горностаева, заслуженная артистка РСФСР,
профессор Московской консерватории;
Н. Дорлиак, народная артистка РСФСР,
профессор Московской консерватории;
З. Соткилава, народный артист СССР;
В. Федосеев, народный артист СССР

произвести какой-либо из известных в мире залов, построенных в последнее время? А на будущее объявить конкурс на оригинальный проект Всесоюзного концертного зала. Если в довоенные годы у нас хватало средств и раскованности воспользоваться идеями Корбюзье, то неужели сейчас возможности уже? Мировой опыт нужно использовать и для разработки и реализации проекта реконструкции Большого зала.

Вместе с тем необходимо решить ряд новых задач. Большой зал изначально не имел хороших закулисных помещений. Если один состав исполнителей готовился к выходу на сцену, другой стоял в это время на служебной лестнице. Есть всего лишь две небольшие артистические комнаты. Сейчас непосредственно к Большому залу примыкают помещения других организаций, для которых можно без особого труда подыскать подходящее место. А эти помещения, если их соответствующим образом переоборудовать, вполне удовлетворили бы потребности музыкантов. Нужно сказать и о необходимости сохранить сложившийся, искушенный в непрестом общении с музыкантами и любителями классики коллектив работников Большого зала. Их опыт — также ценное достояние.

Даже при полном понимании остроты проблемы, всемерной поддержке самых высоких инстанций строительство нового зала и реконструкция консерватории потребуют немало времени. А меры, чтобы хотя бы отчасти компенсировать закрытие Большого зала, нужно принимать незамедлительно. Иначе на долгие годы Москва может оказаться отлученной от большой музыки. Заключен, например, договор о гастролях в нашей стране Нью-Йоркского симфонического оркестра — неужели Москва его не услышит? Не за горами IX конкурс имени П. И. Чайковского, где он состоится?

В последнее время любители классики с тревогой отмечают, что многих советских мастеров за рубежом слушают больше, чем на родине. Одна из причин — отсутствие хороших залов, непомерная

конкуренция на столичных сценах. Неужели положение еще более осложнится?

В создавшихся условиях специалисты видят лишь один выход — передать филармонии Колонный зал на время реконструкции Большого зала.

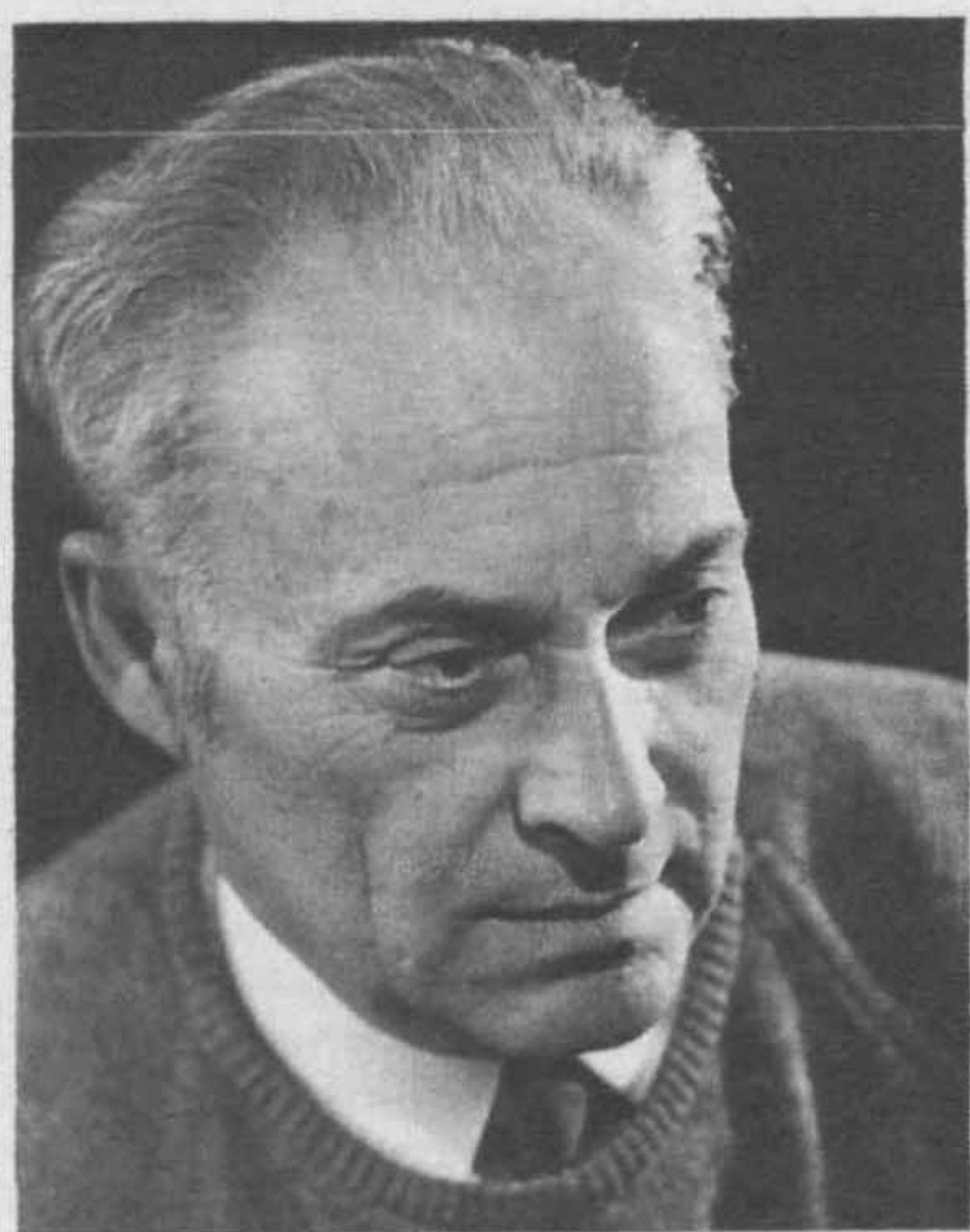
Одно из препятствий в реализации этой идеи — финансовые трудности: устроители собраний и церемоний в Колонном зале платят за аренду такие деньги, которые недоступны филармонии. А повышать цены на билеты нельзя, это неминуемо отразится на посещаемости. Может быть, ВЦСПС компенсирует недостающие средства? Разве не его благородная задача — забота о нравственном, духовном здоровье народа?

Вообще всей стране предстоит огромная работа по созданию необходимой материальной базы для классики. Понятно, что для всего этого потребуются средства, и немалые. Почему бы в дополнение к государственным ассигновкам на строительство музыкального центра, на реконструкцию консерватории Советскому фонду культуры и Всесоюзному музыкальному обществу не организовать сбор средств с этой целью? Широкая публика с пониманием отнеслась бы к «суперценам» на концерты в фонд развития классики. Можно организовать и лотерею, и продажу абонементов. А что если привлечь и кооперативные средства?

Нужно привлечь к решению вопроса широкие слои общественности, творческие союзы. Горячо откликнулся на призыв о помощи избранный несколько дней назад первый секретарь Союза архитекторов СССР Ю. П. Платонов. Нужна поддержка всех, кто в ответе за нравственное здоровье народа, за духовный мир современников. Музыке сегодня нужны свои Залыгины и Распутины.

Особая просьба к журналистам. Классика нуждается в вашем внимании не меньше, чем рок-музыка и джаз, она сегодня у нас отнюдь не процветает.

Леонид ГОЛЬДИН, профессор

«ДЕТИ АРБАТА»

ПИСЬМА АНАТОЛИЮ РЫБАКОВУ

В № 11 «Огонек» опубликовал фрагменты нового романа А. Рыбакова «Дети Арбата». Только что роман вышел полностью — в журнале «Дружба народов».

Мы встретились с Анатолием Наумовичем РЫБАКОВЫМ в Переделкине.

— Над «Детями Арбата» я начал работу в самом конце 50-х годов, — сказал писатель, — впервые роман был анонсирован в журнале «Новый мир» в 1966 году, А. Т. Твардовский очень хотел его напечатать, я услышал от него много добрых слов, но сделать это не удалось. Второй раз «Дети Арбата» были заявлены «Октябрем», шел уже 1978 год, но это тоже окончилось неудачей. А работа продолжалась. А. Т. Твардовский имел в руках только первую часть романа, потом, когда стало ясно, что опубликовать «Дети Арбата» не удастся, я стал работать над второй частью, а когда роман был вторично «закрит», написал третью его часть. Никто уже не верил, что «Дети Арбата» когда-нибудь будут напечатаны, даже мой самый большой друг, жена, не верила, а я не останавливался: все дела нужно доводить до конца. Полностью роман был закончен в 1982-м...

Безусловно, публикация «Детей Арбата» является одним из знаменитых времени. Не было бы марта 1985-го, не было бы у читателей и этого романа.

Мы великая держава, великий народ. И таковыми должны себя сохранять. В тридцатые годы экономика развивалась прежде всего административно, силовыми средствами. Люди стали всего бояться. Старались не принимать самостоятельных решений и ждали лишь, что скажут «сверху». Ростки, пущенные тогда, в большой мере сохранились до наших дней. Боязнь «кабы чего не вышло» существует и поныне. Сегодня это мешает нам как никогда. Сейчас все усилия партии направлены прежде всего на создание нового психологического климата в стране. Единственный путь к нему — гласность. А если гласность, значит, нужно говорить всю правду. И прежде всего правду историческую. Обманывать людей на своей собственной истории, воспитывать их на лжи и полуправде — значит, никогда и ничего не добиться. Обществу, воспитанное на полуправде, безразлично.

Конечно, для меня «Дети Арбата» — книга всей моей жизни. Но стоять на месте я не могу и не буду. Задумана, пишется новая работа — роман, который условно называется так: «1935-й и другие годы». Он анонсирован в шестой книжке «Дружбы народов». Роман тяжелый, тяжелые годы... Написать обо всем, что происходило тогда, очень сложно, психологически сложно, но — надо. Раз уж говорить правду, то нужно говорить ее до конца...

Уже сейчас Анатолий Рыбаков получил огромное количество писем от своих читателей — они идут к нему со всего света. Десятки зарубежных издательств выразили желание опубликовать «Дети Арбата». Но раньше всех, к концу года, роман выйдет отдельной книгой у нас, ее готовит к печати издательство «Советский писатель». Все это еще и еще раз свидетельствует о том, что роман Рыбакова стал одним из самых значительных событий в нашей литературе последнего времени.

А первыми откликнулись на роман коллеги — писатели, деятели искусства. Они прочли роман еще в рукописи, до решения о его публикации. Письма, которые были написаны тогда Рыбакову, — это не просто письма. Даже короткие послания, как правило, эмоциональны и глубоки. Мы решили, что они не могут быть достоянием только самого писателя — слишком серьезные, слишком важные вопросы в них подняты. Редакция «Огонька» благодарит А. Н. Рыбакова за то, что он ознакомил нас со своей почтой.

Дорогой Анатолий Наумович, вчера я прочитал Ваш роман «Дети Арбата». Что Вам можно сказать в этом коротком письме? Вы написали грандиозное произведение о 30-х годах, дали углубленный разрез общества от ЦК партии «до самых до окраин», показали многие стороны жизни того времени, почти не отраженные в литературе. Именно в этой Вашей попытке мне видится подлинное новаторство романа. Уже одно это делает роман очень ценным, важным для современной литературы. Но, может быть, самая главная его ценность в том, что подано все это с позиций правды, без утайки, оправданий, не закрывая глаза на трудное, ужасное, а то и преступное.

Это эпическое произведение о времени уже уходящем, и спасибо Вам, что Вы, участник его и свидетель, засвидетельствовали о нем в литературе, сделав это честно, умно и художественно. В литературе Ваш роман останется при любых обстоятельствах, и останется надолго.

Будьте здоровы и бодры, дорогой Анатолий Наумович.

Обнимаю с благодарностью
Ваш Василь БЫКОВ

Дорогой Анатолий Наумович!

...Вы ни с кем не спорите, никого не опровергаете, нигде не излагаете какого-либо кредо и не «черните» время, а, напротив, стремитесь придать ему натуральный естественный цвет.

Я бы сравнил роман с холстами наших лучших передвижников — Сурикова, или Ге, или Ярошенко. Та же спокойная, трезвая живопись, та же поэзия реальности, такое же богатство художественной идеи, та же точность деталей, та же содержательность правды.

Прежде всего: это объемный роман. Объемный не в смысле количества страниц — их могло бы быть много меньше или больше. А в том смысле, что каждое событие в нем рассматривается объемно, со всех мыслимых точек зрения, во всех ракурсах, предлагаемых или бесспорных. Сюда просится термин «исследовательский роман». Но исследование должно предполагать позицию автора. И эта позиция — есть. Книга написана человеком, который понимает, что самая большая ценность — жизнь. Что надо всегда находиться в «кругу нравственной оседлости», со-

стоящей из любви к своим родным, к своему городу, к своей родине...

Предмет Ваших исследований — время. Сравнительно короткий период — 1932—1934 годы. Портрет времени, его сущность и цвет — люди. Перед читателем проходит галерея характеров — их много, и ни один ничем не напоминает другой. Они связаны, и эта связь построена искусно — она свидетельствует о стройности композиции романа. На протяжении короткого времени трудно показать развитие характера. Тем не менее автору это удается, и — что особенно важно — удается в истории главных героев. Характер Сталина написан отчетливо, глубоко, зримо. Он не написан, а воплощен — подчас кажется, что это перевоплощение произошло с самим автором, превратившимся в одного из основных героев. Так говорят о блестяще сыгранной актерской роли — Вам удалось то, что для любого писателя (для меня, например) является непосильной задачей. В чем секрет этого перевоплощения? В том, что автор решительно отклоняет от себя роль судьи. Он не оправдывает и не обвиняет — и это относится к любой странице романа. Его единственная цель — рассказать правду. Но ее надо рассказать так, чтобы ей поверили — и тут на сцену выступает искусство... Везде чувствуется невидимый взгляд автора, ничего не стремящегося доказать. Подчас кажется, что он рассказывает о себе, что это — не художественная проза, а простой, откровенный разговор с читателем, к которому обращена вся книга. И чем скромнее звучит голос автора, тем отчетливее вырисовываются перед нами тридцатые годы. Быть может, в этой скромности, незаметности и кроется сила выразительности, которой отмечен любой характер — от незначительного до основного, которому отданы целые главы. Я не знаю в советской литературе другого произведения, которое было бы основано на таком страстном стремлении рассказать правду. И это стремление отнюдь не уменьшает силу художественности романа. Напротив, оно усиливает ее, потому что никогда писатель не выдумает ничего более прекрасного и мощного, чем правда. Роман окажет несомненное положительное влияние на нашу литературу. Роман прогрессивен. Без знания и понимания прошлого нельзя двигаться вперед. Это неопровержимо установил еще Пушкин, взявшись за перо историка и понимая, что

изучение прошлого — порука за развитие литературы. Убежден, что роман «Дети Арбата» будет высоко оценен в нашей стране и принесет ей несомненную пользу.

Вениамин КАВЕРИН

Дорогой Анатолий Наумович!

Прежде, чем изложить мнение свое о Вашем романе «Дети Арбата», я хочу заметить, что приступая к чтению, уже зная о существовании этого романа, знал давно. Знал от людей, которые его читали, знал из литературной молвы, которая несколько лет толкует о Вашем произведении. Суждение мое, конечно, было подогрето всякого рода разговорами и ореолом трудной судьбы этой вещи. В таких случаях опасаться разочарования. Во всяком случае, поначалу. Но тут признаюсь, что с самых первых страниц происходящее настолько увлекло, что я позабыл о всяких опасениях и никакого противоборства ожидания и действительности не получилось.

Роман прежде всего интересный. Он интересен от начала до конца. Жизнь институтской молодежи, всей этой арбатской компании Саши разворачивается с нарастающим интересом для современного человека. Подробности материальной и духовной жизни тех лет, а главное — кипение политических, идейных страстей откликается волнением и какими-то жгучими сопоставлениями. Историческую вещь так не читаешь.

В чем тут секрет? В чем секрет нашего горячего сопереживания? Я не берусь разгадывать художественной тайны этого романа. Достаточно опытный читатель, я, во всяком случае, давно уже не поддаюсь на заманки ловко построенного сюжета. То, что происходит с Сашей, — это не сюжетные находки, а правда недавнего времени, которая еще болит и ноет в душе каждого человека. И далее — все расщепление судеб детей Арбата — Вери, Нины, Юры Шарока и других, жизнь, которую они себе выбирают, обстоятельства, с которыми сталкиваются их характеры, — во всем этом очень точно и серьезно выявлено Время. Конфликт, в который попадает Саша, его исключение из института, а затем арест, — все это порождает круги. Они ширятся, и один за другим разные слои общества предстают в этих разбегающихся волнах. Сашу уже приговорили к

БАТА»

ссылке в Сибирь, а круги все еще идут, и эта частная история открывает историю общую...

Вопрос публикации романа — это прежде всего вопрос отношения к XX съезду партии и его решениям. Если мы признаем историческую необходимость проблем, поднятых XX съездом партии, со всеми последствиями разоблачения культа личности Сталина, тяжелыми преступлениями, связанными с этим, то, несомненно, роман «Дети Арбата» оправдан и необходим. В нем нет никаких перехлестов и излишеств злости. Он исторически честен, идейно точен, ратует за правду и за те высокие идеи советского строя, какие были и остались для главного героя незлыблемыми. Он — против всех искажений и бесчестностей людей, пользующихся высокими понятиями во имя собственных интересов и так искаживших ленинские идеи.

Конечно, если считать XX съезд партии и проблемы, поднятые им, ошибочным курсом, если отказаться от него, от тех надежд и чаяний, которые он породил и которые по сей день живут среди нас, — тогда можно продолжать утаивать такие романы от широкого читателя.

Думаю, что в романе «Дети Арбата» счастливо совпадают высокий идейный замысел и совершенство художественного воплощения. Как бы там ни было, жизнь этого романа уже началась, продолжается и стала общеизвестной. Мы допускали немало ошибок, когда пытались запрещать те или иные крупные произведения нашей литературы. В отношении романа «Дети Арбата» — это было бы огорчительнее, потому что перед нами та вещь, которая давно может уже работать, очищая и просветляя человеческие души своей верой и мужественной правдой. И факт существования этого романа, мне кажется, должен быть признан и переведен из полузаконного в законный и желанный.

Дорогой Анатолий Наумович! Поздравляю Вас и благодарю за те часы, которые я провел с этой вещью!

Даниил ГРАНИН

Дорогой Анатолий Наумович!

С волнением и радостью читал твой роман «Дети Арбата». Слишком много значила эта эпоха в истории нашего народа, в жизни каждого из нас, как же может не волновать суровое, честное повествование. А радость оттого, что это — произведение искусства, оттого, что достало у Тебя мужества мысли, мужества духа с такой силой и проникновением рассказать о том, чего почти не касалась или слишком робко касалась наша литература.

Ты создал прекрасные образы чистых, честных людей, преданных революции. Это и Саша, и Лена Будягина, и отец ее, старый большевик Будягин, и чекист Березин. В их трагедии — трагедия народа. И все же самый сильный образ романа — Время, Сталин, олицетворявший Время, все то, что в дальнейшем, два десятилетия спустя, будет названо «культом личности»...

Рано или поздно великие события находят своего исследователя. Но

этот роман нужен сегодня, на нынешнем этапе, когда страна начинает революционные преобразования. Их невозможно осуществить, цепляясь за догмы.

Люди молодые, не пережившие всех трагедий прошлого, должны знать и понимать, что есть причина, где корни, а что — лишь отдаленные последствия. Такое ясное понимание дает Твой роман. Нет, это не историческое повествование, которое читают со спокойной душой. И боль, и страсть книги не только в дне минувшем, но и нынешних днях. К ним обращен роман «Дети Арбата», написанный с верой в политическую зрелость читателя, с верой в то, что лишь правда воспитывает людей мужественных, преданных и честных.

Григорий БАКЛАНОВ

Многоуважаемый
Анатолий Наумович!

Перевернута последняя страница Вашего гигантского калейдоскопического произведения, а каждый образ, как живой, перед глазами. Это бывает редко.

Ваш роман — это масштабное историко-социальное полотно, написанное неторопливой реалистической кистью художника, поставившего перед собой трудную, но благородную, а подчас и мучительную задачу исследования «белых пятен» на карте истории. Такие пятна недопустимы, ибо сама их незаполненность волевым образом заполняется при помощи воображения — либо опасной, искусственно взвинчиваемой страшилкой, либо не менее опасной идеализацией.

В романе нет никакого самозданного нажима — он естествен, и авторская позиция не навязывается читателю, а исподволь проступает из ситуаций и лиц. Она, эта позиция, не прячется ни за какие подтексты, ею пронизан весь текст. Это — позиция писателя, который не скрывает своих мыслей, считая передачу даже самого трагического опыта своего поколения долгом перед настоящим и будущим. Это — позиция писателя, который написал свой роман прежде всего с намерением на то, чтобы напечатать его в собственной стране, для того, чтобы наше общество могло развиваться без тормозящего комплекса «белых пятен», переходящих в пятна на совести при их трусливом неисследовании. Мы никогда не сможем решить экономических проблем, стоящих перед нашим народом, если мы не решим проблему нравственной памяти, от которой неотделим мужественный анализ совершенных ошибок, порой перераставших в трагедии. Для сильного человека, как и для сильного общества, вопрос, что скажет княгиня Марья Алексевна, собственная или заграничная, если он будет открыто говорить о своих ошибках, несуществен. Откровенность есть признак силы.

Ваш роман может и должен быть напечатан, потому что он прибавит силы нашему обществу, поднимет его престиж небоязливо умолчания. Положительное решение о напечатании этого романа явится крупной патристической акцией, ибо умолчание о трагедиях тридцатых годов приводит к тому, что наше молодое поколение невольно начинает идеализи-

ровать те годы в ущерб настоящему. Если же молодое поколение узнает горькую правду, то лишь тогда оно оценит произошедшие перемены.

Многослойность романа, галерейность образов, вся сложная и в то же время классическая, непереусложненная структура восходит к традициям русского письма девятнадцатого века. Роман написан без модернистских ухищрений, без щеголяния стилистикой — его язык демократичен, сюжет увлекателен, и, без сомнения, его будут читать многие миллионы — и рабочие, и крестьяне, и интеллигенция. Но самое главное, что в нем есть, это два урока — урок истории и урок нравственности. Главная мысль романа — надо жить так, чтобы история и нравственность были неотделимы. Педагогический гуманизм этой мысли неопровержим.

Евг. ЕВТУШЕНКО

Уважаемый Анатолий Наумович!

Ваши «Дети Арбата» — горькая и мощная книга. Горькая — описаниями нагнетенной атмосферы жизни 30-х годов, созданной культом Сталина, а мощная — образами С. М. Кирова, Будягина, Саши, Вари и других подобных действующих лиц романа, которым веришь, на которых надеешься и которые, в конечном счете, выстояли.

Горькие уроки культа Сталина слишком страшны, чтобы их можно было предать забвению, и то, что Вы, Анатолий Наумович, поднимаете в Вашем романе именно те нелегкие страницы нашей истории, говорит о Вашей, а вместе с Вами и нашей читательской вере в правду.

Гласность — кислород общественной жизни.

С уважением

Михаил УЛЬЯНОВ

Дорогой Анатолий Наумович!

Читал Ваш роман с чувством огромной радости, что наконец-то нашелся среди нас человек, который осмелился сказать подлинную правду о времени и тем исполнить ту главную нравственную писательскую задачу, стоящую перед всеми нами, но выполняемую нами слабо, уклончиво и — я бы сказал — малодушно...

Главная удача, нет, здесь надо какое-то другое слово — может, открытие (и оно слабое!) — это создание живого, полнокровного образа Сталина. Вы сделали это первым! Очень здорово, что коснулись детства, истока закомплексованности «неблагополучного ребенка», одинокого, без друзей и товарищей. Все внутренние монологи Сталина настолько достоверны, что вызывают странное ощущение сопричастности автора, словно подслушал он их каким-то нездешним способом...

Труд Вы совершили колоссальный. Роман полон человеческих характеров в чем-то новых для нашей литературы, обрисованных ярко и зримо. Он вызвал потрясение и столько мыслей, о которых рассказать на нескольких страницах просто невозможно.

Спасибо огромное!

Ваш

Вячеслав КОНДРАТЬЕВ

Дорогой Анатолий Наумович!

Читать роман — страшно.

Как же было его писать?

Но если мы не научимся думать, говорить и писать правду — ту и так правду, которую мы выносили и выстрадали, то гибель идеи социализма, России, СССР, а значит, и планеты Земля неизбежна.

Спасение только в нашем мужестве.

Ему учит Ваша книга...

Вера автора в победу разума и добра у нас в стране в этом страшном романе пронизывает текст от первой до последней строки.

Это оптимистическая книга.

И напечатана она должна быть в Союзе ССР.

Виктор КОНЕЦКИЙ

Уважаемый Анатолий Наумович!

Хочу Вас сердечно поблагодарить за возможность прочесть рукопись Вашего нового романа.

Огромное впечатление!

Появление этого романа станет великим событием нашей жизни.

Дай бог, чтобы это случилось!

С самыми лучшими пожеланиями глубоко уважающий Вас

Георгий ТОВСТОНОГОВ

Многоуважаемый
Анатолий Наумович!

Я познакомился с романом и считаю, что в прозе более яркого художественного памятника трудным и трагическим годам нашей жизни еще не было в отечественной литературе.

Среди многочисленных подделок, фальсификаций, мнимо объективных «правд», которые лишь искажают нашу историю, вырабатывают цинизм и равнодушие, — это произведение, отмеченное ярким талантом, — точная, непредвзятая, не злобствующая, а справедливая и гуманная летопись.

Мы боремся за высокую нравственность наших молодых поколений, вспоминая трагические обстоятельства истории, в основном связанные с войной, забывая, что «чистилище» было шире по своим масштабам и многозначнее. Было. Его нельзя вытравить из сознания, оно живет в рассказах свидетелей, оно пропитывает нашу духовную жизнь, оно неминуемо присутствует в наших размышлениях об истории и судьбах отечества, и тем страннее его завуалированное, стыдливое, третьестепенное существование в художественной литературе, что вызывает не только недоумение, но и порождает всяческие фантастические домыслы, отчуждает нас друг от друга.

Булат ОКУДЖАВА

Дорогой Анатолий Наумович!

Большое Вам спасибо за возможность прочитать «Дети Арбата». Читал их с огромным интересом. Кто-то когда-то должен был написать такое или подобное произведение. Вы отважились и написали его. Прочитав его, я будто пережил целую эпоху, в которой два времени — одно светлое, другое — смутное и драматическое.

При чтении, не скрою, иногда мне приходилось преодолевать свое внутреннее сопротивление в восприятии отдельных мест, тех или иных частей. Вы поймете, что я ведь, как и Вы, формировался на энтузиазме и вере того времени. Но дело не в этом субъективном восприятии. Дело в объективной правде, которой Вы следуете.

Вы сделали серьезную работу — писали раскованно, размашисто, местами даже озорствуете.

Пусть бог даст Вам много силы, а талант у Вас дерзкий.

Обнимаю Вас

Мустай КАРИМ

Дорогой Анатолий Наумович!

Вот уже два месяца нахожусь под огромным впечатлением — и художе-

Окончание на стр. 26.

чем месте. Эти данные, так же как и ряд других показателей, автоматически обрабатываются, и, исходя из них, электронный мозг начисляет зарплату. Соответствующую информацию компьютер предоставляет руководителю учреждения — ему не важно, когда кто-то пришел и ушел в конкретный день. Главное — ты должен хорошо выполнять порученную тебе работу. Высокой эстетикой и рациональностью отличаются и рабочие помещения. У каждого служащего, включая младшего бухгалтера, свой хотя бы символически (но и психологически) отгороженный уголок, на столе — персональный компьютер и почти никаких бумаг... Тщательно продуманы освещение рабочего места, окраска стен, конторской мебели (в основном преобладают цвета белый и светло-зеленый).

Рыбный рынок в центре Хельсинки на набережной Финского залива. Крытые и открытые торговые ряды, фантастически широкий выбор рыбы: свежей, соленой, малосоленой,

ПО ДОРОГАМ Ф

От Шереметьева до Хельсинки лету чуть больше часа.

Близка нам Финляндия и территориально, и исторически, и во многом другом, а все-таки это другая страна, другой строй, другие нравы. Но именно в этих совпадениях и несовпадениях и заключена та прелесть взаимодомолнения, которая делает друзьями совершенно непохожих друг на друга людей. Отношения наших двух стран — давно уже образцовый пример выгодных обоим народам равных и добрых связей.

В газетных сообщениях о Финляндии мы сталкиваемся преимущественно с экономической хроникой. И это, в общем, понятно. В финляндской внешней торговле СССР занимает первое место, а в нашей — Финляндия — вторая среди развитых капиталистических стран. За последнее время еще более обогатились двусторонние политические связи. Но удовлет-

воряет ли важная официальная информация интерес наших людей к северному соседу? Наверное, не до конца. И вот здесь мне хотелось бы остановиться на такой проблеме: «витринный уровень» знакомства многих советских людей с Финляндией, а финнов — с СССР. Витрина далеко не всегда дает точное представление о том, что кроется за нею. Не буду спорить: торговля, качество товаров, обслуживание людей — важный, но неисчерпывающий показатель состояния экономики, образа жизни в стране, ее нравов. Плохая витрина и бедный ассортимент в магазинах, дороги с ухабами скрывают от глаз иностранцев многочисленные наши преимущества и достижения в самых различных сферах, рассказать о которых «Интуристу» порой то ли недосуг, то ли слишком трудно. А ведь когда это удается — прежде всего во время встреч со специалистами и простыми советскими людьми да и просто в результате высокой квалификации гида-переводчика, —

мнения и суждения иностранцев о социализме в СССР разительно меняются, сам не раз замечал это.

С другой стороны, «витринные» впечатления советских туристов о Финляндии тоже далеко не адекватны реальной ситуации. Споры нет, наш сосед — развитое промышленное государство да еще рванувшее в последние десятилетия вперед. Это нас, друзей Финляндии, искренне радует.

Бесспорно, многому хорошему мы у финнов можем научиться. Например, организации и культуре труда. В Турку довелось побывать в одном из советско-финляндских коммерческих учреждений. Никаких сторожей при входе нет. Каждый служащий имеет магнитную карточку: опустил в прорезь — и дверь открывается. А заодно компьютер отмечает в своей «памяти» время прихода и ухода. Хочешь — приходи в восемь, хочешь — в одиннадцать да и уходи по своему усмотрению. Но в конце недели электронный мозг точно подскажет, сколько времени ты находился на рабо-

вленной, копченой... Посреди рынка огромная рыжая палатка — там продрогшие покупатели, сидят вокруг стола, пьют горячий кофе и едят пирожки. И хотя в палатке работают всего две официантки, свой заказ (и улыбку в придачу) получаешь максимум через минуту после прихода.

Как я понял, на рынке действуют две системы торговли — частная и кооперативная. В первом случае рыбаки (чаще всего это семейный подряд) с ночи выходят в море и где-то около 5 утра уже продают свой улов посредникам, а те, получив свою долю, — продавцам. В результате (учитывая налог с оборота) рыбаков обирают, что называется, «как липку». Правда, судя по выражению лиц большинства покупателей, с наслаждением поедающих ломтики нежнейшей семги, они об этом как-то не задумываются.

Финские водители. Наверное, по части шоферского мастерства наши ничуть не хуже. Но вот вежливость, вежливость... На дорогах царят два культа — пешехода и взаимоуступчивости. Близ так называемых нерегулируемых переходов (есть ли «зебра», нет ли), видя, что ты собираешься переходить улицу, водитель уже за десяток метров тормозит, с улыбкой приглашая тебя перейти дорогу. Он тронется, лишь когда ты ступишь на тротуар. «Подрезание», лихой обгон

справа, прочее хулиганство на дорогах здесь вообще исключено. Шоферы как бы соревнуются друг с другом во взаимных уступках. Здесь учитывается и мнение психологов: от хамства одного водителя стрессовое состояние возникает у обоих, а отсюда недалеко до аварии. С другой стороны, взаимная вежливость и подчеркнутое радушие водителей создают приятный фон любому путешествию. Вежливость возникает не сама по себе, ей учат в семье, в школе, по телевидению; наконец, культура вождения — один из важнейших учебных курсов для начинающих автомобилистов.

Конечно, нарушения на дорогах здесь тоже случаются, но за них жестоко налагает полиция. Штрафы могут достигать половины среднемесячной зарплаты, а то и больше.

Чувствую нарастающее недоумение части читателей: не стал ли сам автор жертвой «витринной пропаганды»?

Нет, не стал. Как и в любой стране, в Финляндии немало проблем, противоречий. Их тяжесть усугубляется капиталистическим характером производственных отношений, господствующей идеологией.

Блеск финляндских витрин — в большой степени лишь отражение, пожалуй, самых высоких в западных странах цен и на промышленные, и продовольственные товары. Жизнь в Финляндии очень дорога. Средняя зарплата — около 5 тысяч финских марок в месяц. В то же время однокомнатная скромная квартира обходится в 1600 марок, питание — в среднем свыше 1700, налог — 1500. Сами посчитайте, что остается. Выход — подрабатывать на стороне, брать сверхурочные, что и делают финны.

Не обошла Финляндию и свирепствующая на Западе безработица — лишенных права на труд насчитывается здесь 7 процентов. Безработным в Финляндии платят небольшие пособия, но постоянная опасность оказаться без работы отравляет в этой стране жизнь многим и многим.

Что больше всего волнует сегодня финнов? Вот как выстраивают их тревоги социологи:

- 1) проблема войны и мира,
- 2) безработица,
- 3) состояние здоровья,
- 4) будущее детей,
- 5) жилищная проблема.

Справедливости ради необходимо

речь о Шюцкоре» — буржуазной воезированной организации фашистского толка, распущенной в соответствии с советско-финляндским перемирием. Именно они упорно пытаются разжигать в Финляндии антисоветизм.

Рост антисоветизма в Финляндии? Это что-то новое! Но новое лишь для тех, кто не бывал в последние годы в этой стране... «Академическая книга» — крупнейший книготорговый центр в Хельсинки. Глаза разбегаются от великолепия полиграфии, широты ассортимента. Ноги сами несут советского туриста в раздел русской книги. Но что это? 80 процентов выложенной на огромный прилавок литературы — эмигрантская антисоветчина самого низкопробного пошиба. Изданные в СССР (в большинстве своем далеко «не первой свежести») книги теснятся где-то по углам. Раздел литературы по истории и социальным проблемам, географии: и здесь глянец тома западных «советологов» задавили, затерли невзрачные наши учебнички и путеводители 5—10-летней давности. В этом магазине регулярно проводятся Дни, Декады советской книги (по случаю различных общих для наших стран праздников). Тогда эмигрантщину и «советологию» убирают с глаз долой. Но вот кончился праздник, и все возвращается на круги своя...

Один из крупнейших газетно-журнальных киосков расположен в Хельсинки в здании вокзала. На прилавке, так, чтобы «броситься» в глаза покупателю, стелет со свежим номером американского «Ньюсуика». Рядом финское издание американского же «Ридерс дайджеста» — одного из самых консервативных журналов, издаваемого здесь тиражом в 320 тысяч экземпляров. Есть и несколько советских изданий, в том числе на финском. Долго-долго надо разглядывать стелет, чтобы обнаружить их. Здесь говорят, нас подводит полиграфия. Может быть, это действительно одна из причин...

При всем этом финляндская буржуазная пресса уделяет сегодня очень много места освещению политики Советского Союза. Особенно заметным это стало в последнее время, когда после апрельского (1985 года)

так называемых «позитивных статей» о красивых советских городах и замечательном балете подчас в сознании читателя намеренно перечеркиваются одной столь же бойкой, сколь и подлой статейкой о «кровавой диктатуре». При этом сами финляндские буржуазные журналисты, выполняя нехитрый социальный заказ, в своих публикациях на советскую тему работают примерно по такой схеме:

— капитализм в принципе система хорошая, но в ней есть отдельные недостатки,

— социализм в принципе система порочная, хотя у социалистических стран вопреки этому имеются и отдельные успехи.

Часто в этих газетах перепечатывают статьи из советской прессы. Разумеется, преимущественно о недостатках.

...Спустившись здесь же, у вокзала, в подземный переход, натыкаешься на одну из видеотек. Еще при входе вас встречает вырезанный из картона Сильвестр Сталлоне в натуральную величину с автоматом в руках — это, конечно же, всем известный «Рэмбо». Набор почти типичен для любого западного заведения подобного рода: немного антисоветщины (типа «Секретной войны КГБ»), много насилия, еще больше эротики и порно, «звездные войны»... Отличие от Англии и США, пожалуй, в том, что там в видеопронате все больше и больше появляется серьезных произведений, киноклассики, образовательных лент. Здесь тоже создана специальная фирма «Классик видео», но больно уж неприхотлива, скучна ее продукция. Спрашиваю у парня, работающего в видеотеке: «Сколько всего лент в пронате и каних?» Ответ: «Около 800, из них примерно 790 — американских, 8 — финских, 2 — советских («Броненосец «Потемкин», «Чайковский»).

В домах у финнов сегодня уже более 400 тысяч видеомагнитофонов. По популярности среди молодежи видео давно уже вышли на первое место, отеснив телевидение, кино и уж, разумеется, книги, одновременно в обороте в Финляндии около 5 тысяч полнометражных видеофильмов.

В Финляндии две государственные телепрограммы и один частный, коммерческий канал. Доля зарубежных материалов на государственном телевидении — 37 процентов, из них более половины — из трех стран НАТО, в рекламном телевидении — 90 процентов, в кабельном — почти 100.

Кино. Всего на финляндских экранах в 1985 году шло 227 кинофильмов, из них — 128 американских...

Ну, наверное, хватит статистики. Поговорим о результатах. Вот уже несколько лет подряд финские социологи проводят среди молодежи страны опросы: что она думает о Советском Союзе.

Недавний опрос группы старших школьников показал, что в их представлении Советский Союз — это «деревня», а Москва — никакой не «сити». Основаны такие представления на элементарном незнании вкуче с предубеждениями. Ни один из опрошенных школьников никогда не читал советских книг или газет. Вот другой, «положительный» ракурс взгляда финской молодежи на нас: СССР — большая страна, там много народа, хорошая водка, хорошая хоккейная команда, красивые девушки. Лишь в самом конце списка — нет безработицы и забастовок.

Да, так думали и еще продолжают думать в этой стране многие, и не только молодые люди. Но те же социологи констатируют: в последний год-два наряду с заметным повышением интереса к СССР в стране растет чувство симпатии и уважения к нашей стране. В прошлом году молодым финнам задали вопрос: кто, по вашему мнению, больше борется за мир: Рейган или Горбачев? Ответ: Рейган — 3 процента, Горбачев — 71 процент. И хотя в то время еще 18 процентов опрошенных считали, что СССР по-прежнему угрожает миру, 44 процента уже были уверены: он борется за мир! Характерно, что после Рейкьявика, после московского форума, после Заявления М. С. Горбачева по средним ракетам число наших северных соседей, верящих в нас и доверяющих нам, еще возросло. А это значит, что постепенно рушатся

антисоветские, антирусские стереотипы и предубеждения.

Огромной силы удар по антисоветским предубеждениям наносят происходящие в нашей стране процессы демократизации. Их пытаются искажать, заявляя, что это не что иное, как «отход от социализма» (ведь по всем «канонам» буржуазной пропаганды социализм и демократия — «две вещи несовместные»). И все же правда пробивает себе дорогу, «макет» тоталитарного Советского Союза начинает в сознании многих финнов чернеть и оседать, как снеговик под весенним солнцем.

Экономика СССР. Интерес к ней здесь велик, хотя бы потому, что огромное число финнов тем или иным образом участвует в торговле и промышленном сотрудничестве с СССР. Они коренным образом заинтересованы в процветании нашей экономики, для них это работа, доход, стабильность, большинство здешних людей уверены: глубокая экономическая реформа в СССР — в интересах обоих народов.

В общем, настроение здесь меняется к лучшему. Два примера. В Турку владелец одного из отелей по «экономическим», как он утверждает, причинам попытался закрыть двери перед советскими туристами. Это заурядное вроде бы дело мелкого антисоветчика вызвало бурную реакцию осуждения по всей стране, почти всех политических партий, общественных организаций. Отелю объявили бойкот. Уже через две недели хозяин заявил, что советские для него — желанные гости.

Более чем в 20 населенных пунктах Финляндии принимают сегодня по системе кабельного телевидения первую программу ЦТ СССР. Платят за это деньги и смотрят с удовольствием, хотя знают новости из СССР из первоисточника. Да и считают, что вообще-то наше телевидение очень интересно.

Советская культура. Несомненно, и здесь в настроениях финнов заметны положительные сдвиги. С огромным успехом прошел в Хельсинки фильм «Мой друг Иван Лапшин». Буквально через несколько месяцев после первой журнальной публикации в Союзе местное издательство выпустило в свет в переводе на финский «Плаху» Айтматова, сразу же ставшую бестселлером. Вопреки опасениям некоторых наших товарищей новые явления в советской культуре находят широкий отклик за рубежом.

А вообще-то не надо забывать о том, что культурные корни наших двух народов тесно переплетены. Мы владельцы немалого общего наследия. Библиотека и архив Хельсинкского университета являются крупнейшим зарубежным собранием исторических и литературных памятников России. Памятников, во многом не исследованных нами, не вовлеченных во всенародную работу по реконструкции нашей исторической памяти. В Финляндии жили и творили великие наши соотечественники. Но даже проведенную большую работу по теме «Ленин в Финляндии» далеко нельзя считать завершенной. Что уж говорить о творчестве работавших здесь русских художников, поэтов... В общем, мудро поступил бы, на мой взгляд, Советский фонд культуры, если бы одной из первоочередных целей своих зарубежных изысканий наметил близкую нам Финляндию.

Другая страна, другой язык, иные нравы, во многом непримиримые отличия. И как много общего, связывающего нас не только по-соседски, но единым общечеловеческим интересом, — экология и культура, экономика и энергетика, масса столь похожих житейских забот. А над всем этим главная, связывающая всех нас единой цепью задача из задач — сохранить этот мир, обеспечить выживание человечества.

ИНЛЯНДИИ

Леонид ДОБРОХотов

отметить, что финское государство да и все общество прилагают немало усилий для решения экономических и социальных проблем страны. Во многом благодаря этим усилиям в последнее время в стране обеспечивался сравнительно устойчивый экономический рост (3—4% в год) при снижающихся темпах инфляции; медленно, но повышался жизненный уровень основной массы населения. Однако следствием «обуржуазивания» новых, сравнительно широких, социальных слоев и неверия обездоленных в обещания правящего большинства решить их проблемы стало сегодня смещение стрелки компаса во внутренней политике к центру и правее.

Правые — меньшинство на финляндской политической арене. Но меньшинство все более громкое, имеющее своих депутатов в парламенте, и свои органы печати, и своих идеологов. Именно они, правые круги, затеяли недавно скандальную инициативу сооружения памятника «ге-

Пленума ЦК КПСС резко возрос интерес к нашей стране. Но как пресса это делает? Такой вопрос недавно был предметом специального семинара редакторов финляндской печати, в котором мне довелось участвовать. На семинаре отмечалось, что в отличие от большинства других западных стран объективных, доброжелательных материалов о Советском Союзе в прессе Финляндии несомненно больше. Характерен и тот факт, что здесь часто и много публикуются советские журналисты.

Но говорилось на семинаре и о другом. О том, что финляндская печать — одна из самых «американизированных» в Западной Европе («Кока-кола» — напиток свободных людей) — один из образчиков американской «торговой» рекламы). О многих новостях из СССР финны почему-то узнают из сообщений только лишь западных информационных агентств, а анализируются эти события преимущественно американскими, английскими и прочими советологами. Сто

ПОЛЕТ МАЭСТРО

Юрий ТЮРИН,
кандидат искусствоведения

Он, подобно Тициану, одолел долгую жизнь. И, подобно великому венецианцу, был обласкан славой, слыл европейской знаменитостью. До последних дней он сохранил дар живописца, неутолимый интерес к краскам многоликого мира, жажду творить. На протяжении лет он ценил уединение и радовался возможности рано утром затвориться в своей мастерской и работать. Жизненная сила просто кипела в нем, и те, кто видел его, всегда восхищались его энергией и жизнелюбием. С шапкой седых волос, он чем-то напоминал ветхозаветного пророка.

Он был еще жив, когда в Реймсе я встретил его Христа. Первое, что на площади перед собором бросилось в глаза, — праведный меч святой Жанны, а с величавой своей высоты смотрели на всадницу химеры и праведники древнего собора, над украшением которого трудились поколения средневековых зодчих и камнетесов. Под стрельчатыми сводами собора, в перспективе, в алтаре, где много веков венчались коронами правители католической Франции, светится красно-зелено-синий витраж, величественное создание мастеров готики. Национальное достояние, гордость французского искусства...

Все элементы композиции сходятся, стремятся, устремляются к фигуре распятого Христа. Спаситель уже умер. Безжизненно упала голова, раскинулись плечи рук. Марк Шагал увидел в распятии богочеловека не грядущее ликование вознесения, а скорбь жертвенности. Христа заклали. В этой жертве-заклании художник, используя вечные мотивы мифа, выразил послевоенное настроение тысячи тысяч, переживших чуму фашизма. Плач по усопшим в недавнюю войну Шагал переносит и на жертв кровавого сражения на Марне, которое кипело недалеко от Реймса еще осенью четырнадцатого года.

Франция доверила иностранцу плакать ее слезами. Позади собора, на зеленой лужайке, шелестели ранней листвой три или четыре березки — родные наши деревца, бог весть как очутившиеся здесь, в сердце винодельческой Шампани. Цвет белой березы был любимым цветом живописца Шагала. Он считал белое цветом счастья.

Годы первой мировой войны Шагал провел в родном Витебске, не так-то и далеко от линии фронта. Он был уже знаменит, этот молодой по нынешним меркам художник, он не достиг тогда тридцати лет. Дважды я приезжал в Витебск, но не знал, что жил Шагал на бывшей Второй Покровской улице, в доме номер 19. Теперь думают создать дом-музей художника. А вот я-то и хотел посмотреть, найти город-образ, сотворенный личным опытом и воображением Шагала, но не нашел, признаться. Фашизм ударил по Витебску со всем зверством геноцида. Сохранялся еще древнейший собор, но и тот приказали снести в конце 60-х годов (против этого архитектурного варварства су-

мел слабо протестовать «Фитиль»). Двухэтажный город с его унылыми заборами, печальными скрипачами, беременными коровами, наклоненными церковками, бородатыми дворниками, намалеванными вывесками («Лафка»), мудрыми козлами и летающими влюбленными парочками, конечно же, исчез. Этот образ-мираж сохранился лишь на холстах и листах Шагала.

В красный Витебск к Шагалу приезжал Малевич, в местной типографии московский авангардист напечатал свою дешевую брошюру о супрематизме. Кажется, это было в 20-м году, я давно не перечитывал эту редкостную брошюру-манифест, помню только серенькую мягкую обложку и грубую пожелтелую бумагу, на которой Малевич увлеченно излагал принципы новой живописи. А рядом с Витебском, ниже по течению Западной Двины, в городке Верхне-двинске начинал юный Эйзенштейн, художник революционного агитационного театра.

Шагалу исполнилось тридцать, а критики уже делили его творчество на три периода: витебский, парижский и снова витебский. Многие художники пишут любимые сердцу места: Венецианов разглядел красоту села Сафонково под Вышним Волочком, Иванов рисовал Рим, Ван Гог истово живописал южнофранцузский Арль. Шагал всю почти столетнюю жизнь помнил мир своего провинциального детства, предместья Витебска, который был для него сразу явью и сном.

Шагала называли вундеркиндом, а у него, как заметили наиболее наблюдательные очевидцы, рано стала пробиваться седина. Через десятки лет эмиграции Шагал, всемирно известный маэстро, приехал в Ленинград и первым делом поклонился рабочему кабинету Николая Рериха: Рерих был первым учителем Шагала. Ученик из Витебска боготворил декоратора Бакста, но через несколько лет скажут, что Шагал превзошел его. Судьба Шагала не закончилась местечковым Витебском, бурным и скандальным дебютом 10-х годов. Он не провинциален, он среди тех, кто держит свод всевропейской культуры. Поэтому не ради скандала или политической подачки его пригласили работать в священном Реймском соборе, изготовить витражи для собора в Меце, в Лотарингии, расписать потолок изысканной парижской Оперы.

Бесплоден был спор, кому принадлежит великий художник: России или Франции? Было время, когда мы его забыли. Он был тогда для нас авангардистом и эмигрантом. Тридцать лет назад я видел его работы лишь в репродукциях, да и то потому, что во ВГИКе преподавал зарубежное искусство поклонник и знаток новой живописи Илья Цырлин и в библио-

теке института оказались роскошные альбомы издательства Скира, которые из-за их полиграфической ценности нельзя было выносить из читального зала. Листая «закрытые» для публики альбомы, мы готовились к экзаменам. Репродукции из этих же альбомов Цырлин показывал нам, закрывая рукой имя автора, и строго спрашивал: это кто? И мы, порой наигранно путаясь, говорили: Мане, Пикассо, — и более уверенно: Дали, Кандинский, Шагал. Довольный Цырлин лукаво морщился...

Подлинники Шагала были давно спрятаны в запасы. В Третьяковке мне удалось их посмотреть в 60-е годы, драгоценные холсты ожидали своей судьбы вместе с многострадальными картинами Кандинского и Малевича.

В 61-м Ахматова поклялась Царскому Селу:

Но тебя опишу я.
Как свой Витебск — Шагал.

Тогда же она ностальгически вспомнила Париж 1911 года: как бушевал в городе недавно победивший кубизм, как в Люксембургском саду непризнанный нищий Модильяни декламировал наизусть стихи Верлена. «Марк Шагал уже привез в Париж свой волшебный Витебск...» Надо отдать должное смелости юного художника. У него не было Дягилева, как у Бакста или Анны Павловой, сделавшего русский балет в Париже «изысканной традицией» (Ахматова). Он сам завоевал столицу европейской живописи. Выставившись в осеннем салоне, где сверкали столпы авангардизма, Шагал был замечен, подхвачен, воспет.

Его вещи повезли в Амстердам, Брюссель, Берлин. Что-то купил то ли Мамонтов, то ли Морозов. Наверное, Шагал заказал фрак для вернисажей. Ахматова вспоминает, что католическая церковь канонизировала тогда Жанну д'Арк. Шагал будет писать святую Жанну. Но это после выезда из России, о красоте и таинственности которой будет он гадать, изображая Давида и Христа, крест и летящую рыбу — символ раннего христианства, показанный нам в шифре абуладзевского «Покаяния».

Еще десятилетия назад, когда Шагал жил в своем Витебске, один из критиков заметил: «Искусство Шагала — ночное». В его картинах, иллюстрациях, скульптурах, витражах — и такой художественной мощью он действительно напоминает гениев Возрождения — воплощаются некая мечта, крылатые аллегории сновидений, бред одаренного ребенка, наивность созерцателя.

Шагал может нарисовать семь пальцев на своей руке. Может окрасить ее красным или зеленым — такого не бывает! Может напаять на обыкновенную кошку женское лицо. Может забросать холст свадебными цветами, но может тут же перевернуть же-

лезную Эйфелеву башню. Он волшебник, средневековый маг, при сем колорист и поэт.

Когда юноша из Витебска рисовал своих земляков, свой город, к широкой публике вышла русская икона. Культ превратился в культуру. Древнерусская иконопись благодаря подвигу реставраторов и собирателей обернулась первоклассной живописью. Всем известно потрясение Матисса, когда он познакомился с древнерусской живописью, представленной новгородской школой и Рублевым. Иконопись показала таинственную силу горячих красок, духовное горение красного и белого, возможность уйти от чисто литературных приемов отображения реальности, освятить бытие традицией.

Вероятнее всего, влияние древнерусской темперной живописи сказало в самоощущении Шагала. Что по-своему сближает его с иконописью, так это уход от индивидуализированных портретов. Шагал пишет автопортреты, пишет стариков и девушек, циркачей и прохожих, но про него нельзя сказать, как про Релина, к примеру: вот он нарисовал Мусоргского, Леонида Андреева, Пирогова... У Шагала нет портретов в буквальном смысле этого слова. Как в древнерусской иконе нет портретов святых Бориса и Глеба, Николая Чудотворца, Василия Великого, Александра Невского. Есть образ, есть следование канону, есть духовное наполнение цвета, но нет живописной фотографии, фантазия Шагала безудержна. Древняя мистика отозвалась в Шагале. И она помогла ему полюбить людей, животных, природу, цветы...

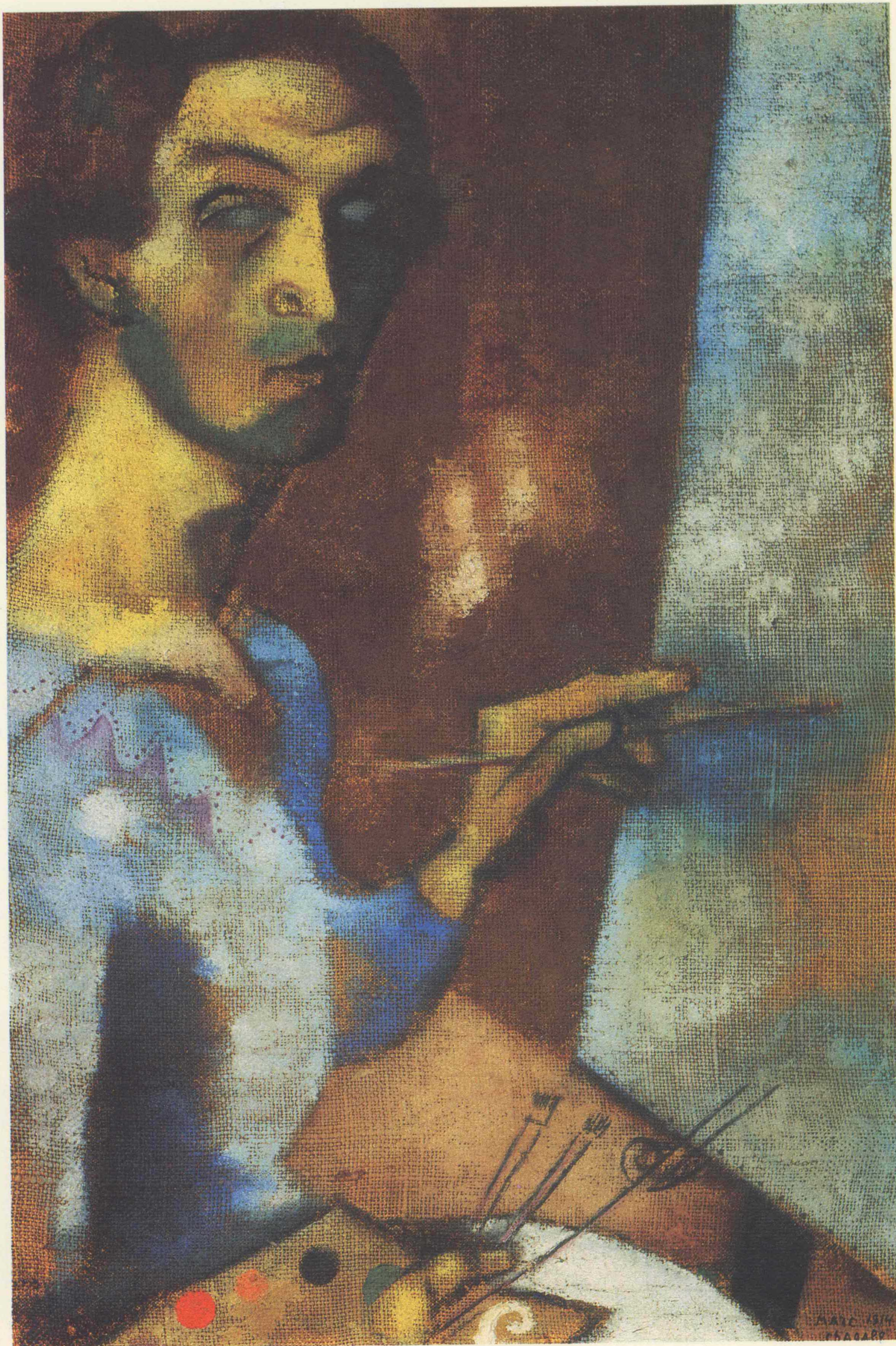
В центре Парижа пугает новичков современное здание — культурный центр имени Жоржа Помпиду. Оно втиснулось в старую застройку, как наглый скандалист. Правда, на площади, выложенной по старинке гладким камнем, течет вполне традиционная жизнь — парочки сидят, обнявшись на глазах сотен зевак и туристов, пожиратель огня в угольном трико, как во времена Виктора Гюго, изрыгает столб пламени, предварительно собрав несколько франков со зрителей, торгуют лотки и киоски, продают кофе, упаковки с бутербродами, мороженое. Эскалатор втягивает в чрево современного здания неостановимый поток зрителей.

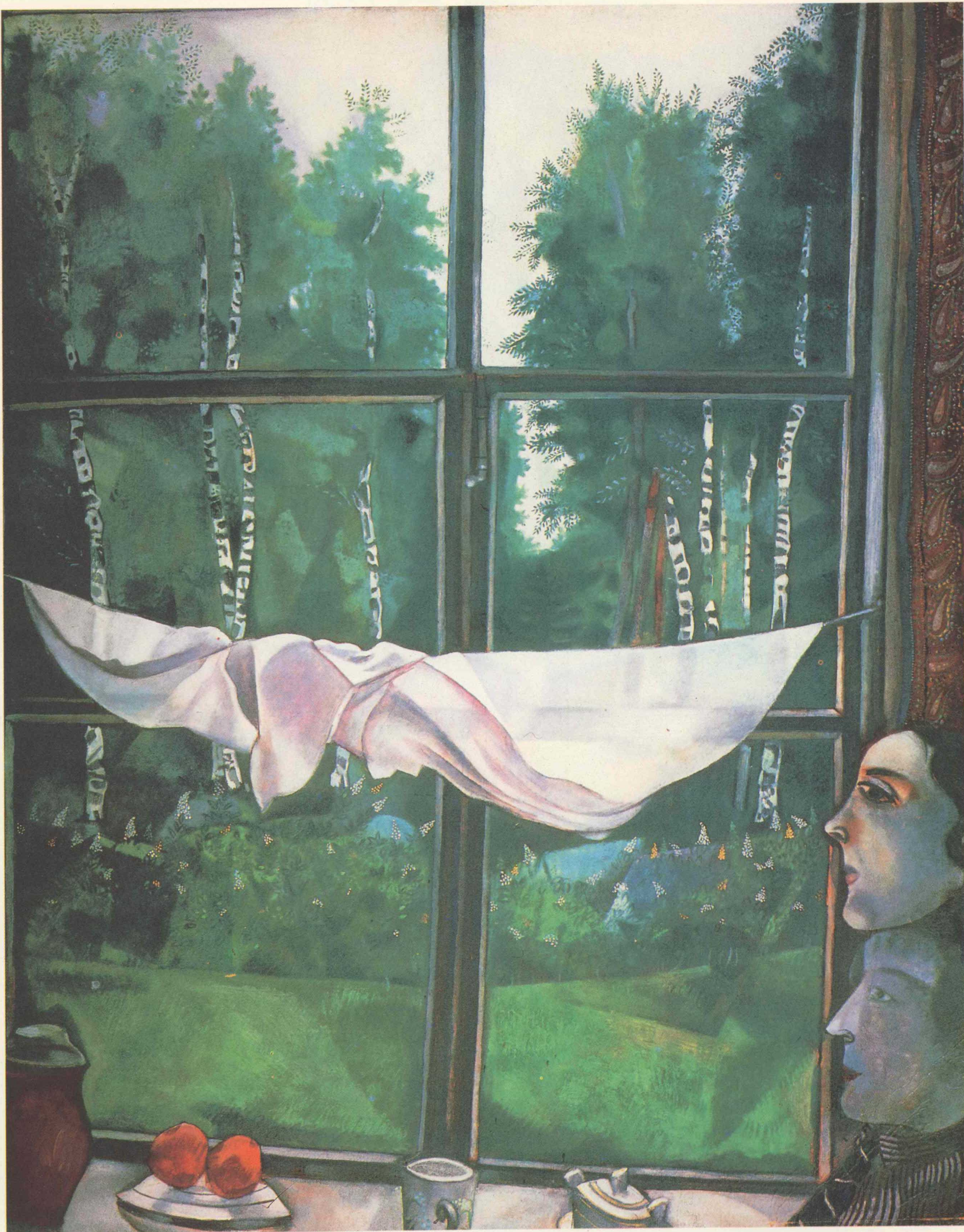
Европейский авангард, некогда пугавший или раздражавший, обруганный и поднятый критикой, ныне стал достоянием огромного музея, слава которого приравнивается к популярности Лувра. Там — Леонардо, Скопас, Энгр. Здесь — корифеи модернизма: Клее, Миро, Матисс, Дали, Брак, Руо. И среди них мастера из России: Кандинский, Малевич, Архипенко, Лисицкий, Шагал.

Уверяют, что авангард сейчас выдохся, даже умер. Не думаю. Он стал другим, вот в чем секрет. Но тот, из 10-х или 20-х годов, действительно неповторим. В нем был особый аромат, который кружил голову.

Шагал поразительно целен. Он не сгорел, подобно Модильяни или Ван Гог, и прожил жизнь живописца.

М. З. ШАГАЛ. 1887 — 1985. АВТОПОРТРЕТ. 1914.

ОКНО НА ДАЧЕ. 1915.

Василий Александровский, Василий Князев, Алексей Крайский были одними из зачинателей пролетарской поэзии, воспевая рабочего человека и его право на свободу еще до революции. Их поэзия резко противостояла «салонности», пахла дымом фабричных труб, свежей металлической стружкой. Если этой поэзии порой не хватало тонкости, то в ней зато была гневная мощь заводского гудка, призывающего к забастовке. После революции на их поэзию, к сожалению, наложила свой отпечаток пролеткультизм, размытая человеческое «я» во имя абстрагированного от личности «мы».

Николай Полетаев, печатавшийся с 1918 года и ставший постоянным автором пролеткультистской «Кузницы», все же выбрался из-под глыб космической индустриальной риторики и создал подлинный шедевр «Портретов Ленина не видно».

Наиболее крупным поэтом из этой плеяды был, без сомнения, Василий Казин, начавший печататься еще в 1914 году, но раскрывшийся как поэт в сборнике «Рабочий май», где в отличие от пролеткультистского гомогенизма вдруг зазвучала лирическая окраинная мелодия. На протяжении долгих лет своей жизни Казин был неутомимым воспитателем литературной молодежи и, хотя писал трудно и мало, порадовал нас всех под конец своей жизни несколькими прекрасными стихами, как, например, «На могиле матери».

Василий КАЗИН
1898—1981

ГАРМОНИСТ

Было тихо. Было видно дворнику,
Как улегся ветер под забор
И позевывал... И вдруг с гармоникой
Гармонист вошел во двор.

Вскинул на плечо ремень гармоники
И, рассыпав сердце по ладам,
Грянул,— и на подоконниках
Все цветы поплыли по лугам.

Закачались здания кирпичные,
Далью, далью опьянясь,
Ягодами земляничными
Стала сладко бредить грязь.

Высыпал народ на подоконники,—
И помчался каждый, бодр и бос,
Под трезвонами гармоники
По студеному раздолью рос.

Почтальон пришел и, зачарованный,
Пробежав глазами адреса,
Увидел, что письма адресованы
Только нивам да лесам.

1921.

НА МОГИЛЕ МАТЕРИ

Сквозь гул Москвы, кипенье
городское
К тебе, чей век нуждой был так тяжел,
Я в заповедник вечного покоя —
На Пятницкое кладбище пришел.

Глядит неброско надписи короткость.
Как бы в твоём характере простом
Взяла могила эту скромность,
кротость,
Задумавшись, притихнув под крестом.

Кладу я розы пышного наряда.
И словно слышу, мама, голос твой:
— Ну что так тратишься, сынок?
Я рада
Была бы и ромашке полевой.

Но я молчу. Когда бы мог, родная,
И сердце положил бы сверху роз.
Твоих забот все слезы вспоминая,
Сам удержаться не могу от слез.

Гнетет и горе, и недоуменье
Гвоздем засело в существо мое:
Стою — твоё живое продолженье,
Начало потерявшее свое.

Николай ПОЛЕТАЕВ
1889—1935

Портретов Ленина не видно:
Похожих не было и нет.
Века уж дорисуют, видно,
Недорисованный портрет.

Перо, резец и кисть не в силах
Весь мир огромный охватить,
Который бьется в этих жилах
И в этой голове кипит.

Глаза и мысль нерасторжимы;
А кто так мыслию богат,
Чтоб передать непостижимый,
Века пронизывающий взгляд?
1923.

Алексей КРАЙСКИЙ
1891—1941

ЗАВЕРТЕШНИКИ (Фрагмент)

У гудящего, звенящего столба
Больше нет безвольного раба:

Захочу — трамвай птицей
Полетят по деревьям,
Захочу — и свист синицы
Музыкою по камням!

Захочу — и вечеринка...
Захотеть ли сгоряча?...
И пойдёт плясать в обнимку
С памятником каланча!

И в присядке перед Смольным
Развернется толстый дом,
И замашет колокольня
Красным флагом-рукавом!

Василий АЛЕКСАНДРОВСКИЙ
1897—1934

Да, такие бывают напасти,
Что на сердце ложатся как ночь,—
У веселой уборщицы Насти
Умерла в понедельник дочь.

ПОЭТИЧЕСКАЯ АНТОЛОГИЯ

РУССКАЯ МУЗА XX ВЕКА

Ведет Евгений ЕВТУШЕНКО

Да железная над крышей
Замельтежит стрекоза
Завертешному парнишке
В завертешные глаза.

1918.

Я частенько захаживал к Вере,
И ко мне приходила она;
Палец в рот, и станет у двери
Или сядет на стул у окна.

(Знала, знала, что я скукаю:
Угадывала по лицу...)
«Вера, хочешь сладкого чаю?...»
И сквозь острые зубки:
«Хоцу...»

А когда я читал о Донбассе,
О финансах, о кровном враге,
Приходила и...

«Дядя Вася,
Покадай меня на ногу».

«Сколько лет тебе, Вера?» — «Двести...»
— «Что сегодня?» — «Сегодня — вчера...»

Сколько раз коротали мы вместе
Незаполненные вечера.

Да, такие бывают напасти,
Что на сердце ложатся как ночь,—
У веселой уборщицы Насти
Умерла в понедельник дочь.

1924.

Василий КНЯЗЕВ
1887—1938

ПУГОВИЦА ОТ БРЮК

№ 1-й
В Домкомбед. Председателю,
Эдуарду Петровичу Пукк.
Дорогой сосед
И горячоуважаемый друг!
Оборвалась у меня пуговица от брюк,
А ниток нет.
Нельзя ли дать выписку

на сей предмет!
Петр Саввич Бравич.

№ 2-й
Домкомбед свидетельствует,
что у гр. Бравича
Действительно оторвалась пуговица
давеча

От его новых брюк,
И в нитках он остро нуждается,
Что приложением печати

и подтверждается!
Преддомкомбеда:
Эдуард Пукк.

№ 3-й
В Петрокоммуну.
Отдел распределения.
Прошение

Прилагая при сем выписку
из Домового комитета,
Прошу обратить внимание на это
Прошение
И дать соответствующее разрешение.
(Прошу поторопиться,
Ибо брюки могут свалиться!!)

Петр Саввич Бравич.

№ 4-й
Градкоммуна. Отдел распределения
Предметов среди населения.

№ талона —
4 биллиона, 44 миллиона
В склад,
Где нитки лежат.
Выдать гр. Бравичу катушек ниток —
одну.

Оный.
Сей.
(И еще — 11 000 подписей).

Ну и ну!!

№ 5-й
Петрокоммуна. Склад,
Где нитки лежат.

Счет
№ (не считаешь в год!)
На основании талона
4 биллиона, 44 миллиона
Выдано гр. Бравичу катушек ниток...
одна.

(На копии):
«Катушку ниток получил сполна
Петр Саввич Бравич».

№ 6-й
Петрокоммуна. Склад,
Где нитки лежат.

Пропуск № ...
(Еще длиннее номера счета!)

Выдано на предмет проноски
одной катушки ниток через ворота.
Завед. складом: Федот...

(а далее сам черт не разберет!)
Эпилог

Тети и дяди!
Не верьте тому, кто говорит, что
бумаги нет в Петрограде!!!

1919.

**ТРИНАДЦАТЬ
СЕКУНД-
И ВСЯ
ЖИЗНЬ**

ВСЕ, ЧТО ГОВОРЯТ О КАСЬЯНЕ ДОБРОГО, — ПРАВДА.
ГОВОРЮ ЭТО ОПРЕДЕЛЕННО И УВЕРЕННО.
ЗА КАСЬЯНОМ — ДЕСЯТКИ ТЫСЯЧ СПИН ТЕХ,
КОМУ ОН СОБСТВЕННОРУЧНО ПРИНЕС ОБЛЕГЧЕНИЕ.

Лев ШЕРСТЕННИКОВ,
специальный
корреспондент «Огонька».
Фото автора

Пискнули часы на руке: смена суток. В темноте гостиничный номер едва угадывается. Встревоженно бьется сердце. За окном робкий весенний дождик. А от двери ползут какие-то чуть различимые звуки: далеко, в чреве здания, кто-то осторожно открывает дверь, движется сторожкой походкой по коридорам. Один прошелестел, второй...

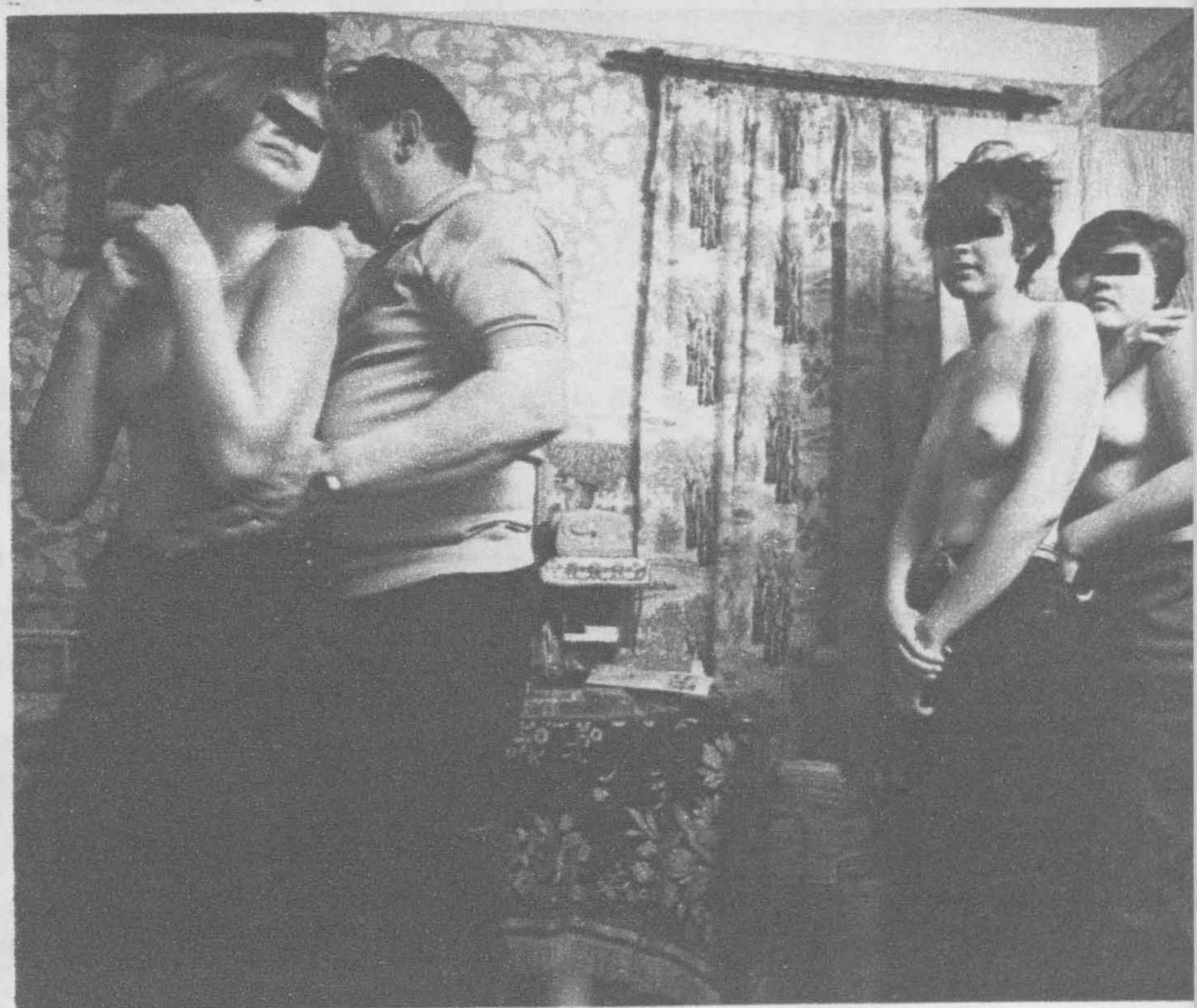
Встаю и я.

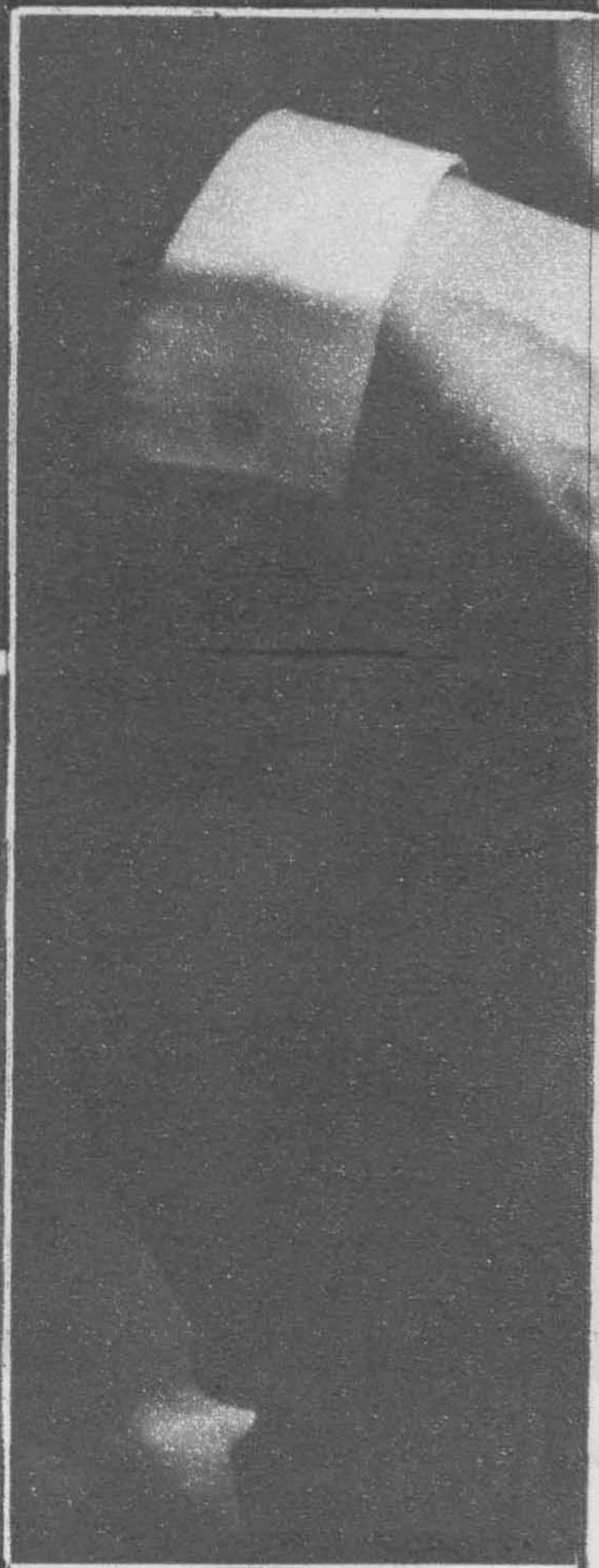
На улице замечаю: не один полуночничаю. По тротуару движется с палочкой человек. Вдали угадываются еще двое. Идут в обнимку, поддерживая друг друга. Я иду быстрым

шагом, обгоняя одну группу, другую. В первой несут малышей. Во второй взрослая женщина и девушки-подростки. Все мы поворачиваем в переулок, в конце которого горит фонарь. По обочинам узенькой дорожки чуть не сплошняком легковые машины. Засветло их здесь не было. Как не было и этих людей. Безмолвная огромная толпа; человек триста, а может, и вся тысяча — в темноте не разберешь. А народ все подходит и подходит. Меня, видно, запомнили по прошлым ночам, знают — корреспондент. И на этот раз не останавливают. Только одна женщина сказала: «Вы уж, пожалуйста, его не отвлекайте...» Не буду. Я уже познал цену этих секунд.

Прохожу последний кордон — калитку. И на этот раз опоздал: прием идет.

В крохотном коридорчике людей ровно столько, сколько может побыстрее раздеться, снять лишнее с малыша. В комнате полужесткая кровать, диван, столик. В углу бумажные мешки, в них письма. Письма, туго перевязанные бечевкой, и рядом со столом. Одна такая пачка — корреспонденция за день. На стенах, как в деревенском доме, фотографии.

Мужчина и женщина, снятые вместе; чья-то свадьба; простенькие сувениры, наверное, подарки. Один из них — срез рыбьего позвонка размером в тарелку — изображает восточное лицо. Это с Чукотки.

— Побystрее, мамаша, побystрее. Что ж ты его так укутала?

Возникла пауза. Касьян присел, опустив руки на колени. И, словно угадывая мой вопрос, сказал:

— Я специально без халата. Маленькие, увидев халат, пугаются, начинают плакать.

Я уже убедился в этом. Стоит попасться одному реве, как все остальные малыши начинают тереть глаза и кривить рты. Секунда — и такой концерт. Но сейчас тихо. На диванчике мамаша одна за другой распаковывают грудничков. На кровати — процедуры. Улыбается девочка месяцев пяти. Касьян пробежал руками вдоль тельца, словно оправлял распашонку, погладил ножки — забирай, мамаша.

— Доктор, нам еще приходить?
— А зачем?

позвоночник. Следствие подчас так далеко от причины, что даже опытные врачи с помощью сложной диагностической аппаратуры не могут установить связь между ними. А неверный диагноз — неверное лечение.

Касьян пальцами многое «считывает» с позвоночника. Он ищет одно: его болезнь или нет? Его болезнь — это случай, когда в позвоночнике что-то не на месте. «Выпал» ли диск, хрящевая прослойка между позвонков, «выскочил» ли сам позвонок, началось ли искривление позвоночника — сколиоз, или привязался радикулит, остеохондроз. «Прочитав» позвоночник, он тут же начинает его править. А если позвоночник деформируется, что причина заболевания не его, Касьяна, то целитель говорит: «Не ко мне». Что это может быть? Опухоль, инфекция, воспалительный процесс, болезнь кости... И рассеянный склероз — не «его». Пальцы Касьяна ищут аномалию, и она, обнаруженная, сама подсказывает пути ее устранения.

...Грудничков сменили дошкольники. Четыре года, шесть лет, а уже

острове, на дереве, не спускаясь на землю? А ведь жили отец с дочерью среди людей. И среди врачей. И не поверю, что никогда не обращались они ни к одному из них. Но ясно, никто не помог. И отец с дочерью поехали в городок Кобеляки, что на Украине, к доктору Касьяну, и, отстояв немыслимые очереди, попали наконец на прием... А всемогущий целитель не помог. Не он унес последнюю надежду, последний шанс. Их унесло время...

Стрелки приблизились к четырем часам утра. Прошли два часа приема — не менее двух сотен больных. Но у калитки за забором их не стало меньше. «Доктор, примите только одного человека...» Сколько тысяч просьб: только одного!..

Николай Андреевич идет под душ, переодеться, я остаюсь в кабинете. В углу мешки с почтовыми конвертами. Чтобы прочесть письмо, нужно три минуты. И столько же, чтобы ответить хотя бы одной-двумя фразами. Итого пять-шесть минут — триста шестьдесят секунд — это время исцеления тридцати больных, которые уже здесь, на улице, на костылях, на носилках, в автомобилях...

Я разрываю тесемку почты последнего дня.

«Мне в этом году исполняется 38 лет. Около двадцати лет я страдаю остеохондрозом. Со временем я стал болеть в году по нескольку раз. Чем только я не лечился, кажется, перепробовал все, что мог.

Очень переживаю, что я единственный взрослый мужчина в семье, а ничем не могу помочь... Разрешите приехать к вам на лечение...»

«Лет пять назад я занимался легкой атлетикой, и вот после одной тренировки (прыгал по залу со штангой на шее) я, наверное, плохо размялся и стал играть в волейбол. Высоко выпрыгнул, ударил по мячу и опустился с болью в позвоночнике. Первое время даже повернуться не мог. Обращался в физдиспансер. Делали мне там сеансы элентрофореза. Диагноз был: травматический радикулит. Потом обращался к невропатологу. Диагноз: остеохондроз.

Немного о себе. Мне 26 лет, работаю в органах ВД Мосгорисполкома. Я не могу стопроцентно заниматься своей работой, хотя и на Доске почета, и задержаний у меня хватает, а полноценной жизни нет...»

«Я сравнительно молода, у меня двое детей... Три года назад сама себе свернула шею. После утреннего пробуждения я резко повернулась, у меня что-то щелкнуло в шее. Боль была очень сильной, голова не поднималась.

Страдаю каждодневными головными болями, подключается сердце, не могу наклонившись читать литературу, что необходимо по работе. Нельзя сказать, что я не обращалась к медицинской помощи. Но четыре раза принятый массаж с перерывами в полгода дает лишь временное облегчение...»

«Я страдаю остеохондрозом... В год нахожусь на больничном почти до трех месяцев. И поверьте мне, не хочется быть инвалидом в сорок лет...»

«У меня сколиоз второй степени поясничного отдела, мне 18 лет. Так хочется быть здоровой девушкой...»

«Мне 48 лет... Боли позволяют мне пройти не более 50 метров. Чтобы пройти дальше, нужно где-то присесть. Расстояние от дома до работы в 300 метров я преодолеваю с четырьмя посадками. Испробовано все... Положение критическое.

«...мне еще 15 лет работать, другой специальности у меня нет. И мне бы очень не хотелось висеть тяжким грузом на дочкиной шее — сделать из нее сиделку. Умоляю Вас, помогите выкарабкаться из этих «лап»!..»

«Мне 38 лет, но я уже полукалека...»

«...я фронтовик, прошел от Дона всю Украину. Освобождал в том числе и ваш родной город Кобеляки...»

Боль, страдания, отчаяние. Писем столько, что в их потоке Касьян не может отыскать письма родственников, и они тоже остаются непрочитанными...

Касьян прогревает мотор машины, сейчас поедет. На улице по-прежнему темно; половина пятого, а в пять начинается прием больных в кабинете мануальной терапии. У входа невысокого здания под одинокой лампочкой чернеет толпа, границы ее теряются в темноте. Народу много. В помещении уже ждут больные.

Первыми пойдут самые тяжелые: одних вносят на носилках, на кусках брезента, на одеялах; других — на руках... Рядом в очереди те, кто может стоять, точнее, висеть на костылях. Первыми из тяжелых идут женщины.

Касьян раздевается до майки, надевает халат, и нескончаемый поток начинает течь... Касьян не спрашивает ни имени, ни на что жалуется пациент. Рука следует по хребту, ему ясно. Пальцы в работе: то мнут, то простукивают, то ощупывают. Теперь больной должен встать. Доктор берет его сзади под мышки и рывком встряхивает. Каждого. Сорокакилограммовую девушку и мужчину на полтора центнера. Каждый день «рвет» тридцать-сорок тонн. Спина все время согнута, руки в работе. Кто-то подсчитал: за день его руки принимают семьдесят тысяч ударов. Это не робкое постукивание по пальцам. Удар должен быть достаточно крепким, чтобы вернуть на место позвонок. И таких ударов семьдесят тысяч! Кисти рук разбухли, набрякли. Двигается очередь. Стоп! «Вы не мой больной... Да, напрасно приехали. Это я не лечу».

Касьян, если и сердится, то недолго. Когда болит — а надо думать, болит у каждого так, что мочи нет, — то помогает шутка. Шутка помогает снять стресс.

— Замуж-то пойдешь? — спрашивает Касьян очередную красавицу, которую во все стороны повело. Она с признательностью смотрит доктору в глаза, а в собственных закипает влага:

— Кому я нужна така кривоногая?..

Комок подкатывает к горлу.

— Вы обязательно запишите, — тербит меня за рукав женщина. — Я мать семерых детей. Меня вот такую сюда привезли, — показала на неподвижную больную на носилках. — А теперь хожу. А все он... А как я сюда добиралась! Из Якутии... Я Метлицкая Лидия Ивановна. Усть-Майский район, Айлахунь... Прямо запишите: благодарна я от всей души...

Течет очередь, и время идет. Касьян пользуется передышкой: сидит, курит. Что ж ты делаешь, Николай Андреевич? Остановись! Разве забыл, как помирал с дырами по кулаку в каждом легком, которые прогрызла чахотка? Его из армии комиссовали, где служил по специальности санитарным врачом, и с жизнью рвались последние нити. Не жить, а помирать приезжал тогда в родительский дом. Врачи — коллеги — не могли ничем помочь.

Избавление пришло в образе бабки. Она его почти полгода отпаивала травами, барсучьим жиром. А помогала ей мать, что сердцем выхаживала и выходила сына, отняла у смерти... Я знаю, когда он закурил. Это было тогда, когда колебался, пойти учиться «на писателя» или «на врача». Стихи в центральных газетах печатали, и можно было бы рискнуть. Но рядом отец — знаменитый по своей округе костоправ! Перебей лапу собаке — и той все косточки до единой, как надо, сложит, сделает ей из щепочек лубок: выздоравливай! Отец образования был невеликого. Класс, полтора? Но косточки-то человеческие все до единой знал. Не по латинским названиям, а по месту и назначению, по форме и существу. Недаром в доме и скелеты, и черепа как пособия. Ну, о его руках Николай Андреевич помнит сам — хребтом прочувствовал. Это когда «рванул» очередную больную, что была пудов на восемь, а «диск» выскочил. Отец вправил. Да так надежно, что до сих пор — тыфу, тыфу, тыфу... Да, были черепа в доме, а вот покойников младший Касьян не любил. Не то что боялся, а к духу не привыкнешь... И тогда сказал ему будущий учитель — преподаватель по институту: «А ты закури — легче будет привы-

В глазах матери и счастье, и слезы. Так просто — и все обошлось. Что было с малышкой? Не успеваю спросить...

Я все пытаюсь сосчитать, сколько проходит больных, и сбиваюсь со счета. Наконец остается хвостик очереди — семь человек. Засаека времени. Прошел последний. На человека — тринадцать секунд. Себе не верю, однако это так...

Несколько слов о методе необычного целителя. Касьян вправляет на место то, что было не на месте. Это может касаться любого сустава, но основная его забота — позвоночник. Хребет — не только ломота и недомогание в нем самом, это пустяки; можно было бы махнуть рукой даже на боли, так и делает большинство из нас, тем более что посещение врача облегчения не приносит. Но вот когда начинаешь отниматься ноги, когда ты начинаешь слепнуть, когда в руках не остается сил, чтобы поднести стакан с водой ко рту, и когда ты не ты, а беспомощный инвалид, тогда все и в тебе самом и мир вокруг настолько меняются, что жизнь не радуется. Позвоночник — это все. Позвоночник — это все каналы, связи: нервы, «системы управления». Работа внутренних органов и органов чувств — все это он,

сколиоз. Откуда он? Одна из причин — малоподвижность, ослабленная мускулатура; есть и другая — неправильная поза, посадка. Ну, казалось бы, не прям мальчишка твой, не стрелочка, и такого полюбят. Но вот ход болезни: привычная, но неправильная поза ведет к искривлению, меняются положение и форма позвонков. Человек ищет щадящую позу, как ему удобнее, менее болезненно, а щадящая поза ведет к развитию процесса — к необратимой деформации позвоночника, нарушению естественных связей и отставанию роста руки или ноги, «усыханию», параличу, нарушению работы внутренних органов. И все это происходит лавинообразно, с ускорением летящих с горы камней.

— Где ты раньше был, папаша? Что ж не вез свою дочь?

Девочке — шестнадцать, но на вид больше тринадцати не дашь. Слово невидимым панцирем скованы грудная клетка, все тело. Когда девочка повернулась спиной, я чуть не вскрикнул: между позвоночником и тем, что можно еще было назвать лопаткой, была вмятина, в которую бы мог войти мяч. До пределов запущенный сколиоз! И правда, где же он был, отец? Наверное, жил на необитаемом

ка...» Хотя, конечно, Минздрав не советует...

В предбаннике теперь мужчины, обнаженные по пояс. В толстую книгу заносят фамилии — и вся канцелярия. Девушка проворно водит пером. Тихо наклоняюсь к девушке: «Очередники? И много их?»

— На день я выдаю по сто семьдесят, сто восемьдесят талонов. Это к Николаю Андреевичу. Но у нас еще три врача. Правда, каждый принимает не больше тридцати пациентов в день. А к Касьяну, сейчас скажу, талоны выдаем уже на лето следующего года. Пятьдесят тысяч человек только в официальной очереди...

Сколько же их, больных, прошло с двух часов ночи? А репродуктор только что принес бой кремлевских курантов — шесть утра! Волосы на лбу доктора взмокли, лицо в испарине, а сам улыбается, даже вспомнил какой-то анекдот...

Отговорила Москва, теперь наигрывало мелодию городское радио. Эту мелодию я уже слышал и вчера, и позавчера. «Кобеляки мои...» — вызывает какой-то инструмент в ритме вальса. Мы переглянулись с Касьяном. Мы знаем, а больные — нет: это его мелодия, касьяновская. Я прослушал запись концерта, сделанного в Киеве. Перед исполнением песни Иосиф Кобзон сказал два слова: «Касьян — замечательный врач! Сегодня я его представляю как автора песни — поэта и композитора...» И вот полилась мелодия, подхватил ее и повел известный голос. Надо сказать, сам я с предубеждением относился к доморощенным музыкантам. Но сейчас думаю, что иным композиторам и поэтам придется потесниться, если Касьян вздумает сменить профессию...

Третью ночь на ногах, я уже пошатываюсь. А Касьян? Полтора часа сна в сутки. Из дня в день, из года в год... Я выхожу на улицу. Рассвело. В свете подмигающего дня толпа не кажется столь безмерно большой и грозной. Впрочем, погодим с прогнозами...

— Пишете о Касьяне? Лучше напишите, как он взятки берет!

— Вы ему давали?

— Нет!

— На примете кто-то есть или кого подозреваете?

— А вы не видите, как через ту дверь к нему идут?

Немного, редко, но действительно идут. Как объяснишь толпе страдающих людей, что врач не может отказать другу, или другу родственника, или родственнику родственника? Это в конце концов его право. И напротив, ни у кого из «обиженных» нет ни юридического, ни морального права хотеть долю внимания у Касьяна требовать. За лечение всех пяти-шести сот больных, принимаемых ежедневно (кроме суббот и воскресений), он не берет ни копейки. Ни тайно, ни явно. Ни из рук в руки, ни из государственной кассы. Все, что он говорит, — бескорыстное благодеяние.

А живет на оклад заведующего психиатрическим отделением Лещинского дома-интерната для инвалидов. Но кто из больных об этом знает?

Всю жизнь правил людей отец Андрей Иванович Касьян. Семь раз его за то лечение арестовывали. А он усмехался только, как усмехается теперь его сын: «В тюрьме тоже люди, и там страдают, и в тюрьме надо лечить...» И лечил. И многие приходили, «даже прокурор», как в песне Высоцкого! Но от судьбы не уйдешь. Тот, кто всю жизнь вправлял людям кости, складывал переломы, избавлял от недугов, сам умер от жестоких побоев, от сокрушительных травм. А было Андрею Ивановичу за семьдесят...

Ну, а каково сыну пришлось? — В восемьдесят втором году, последнем, когда на меня особенно наседали, тридцать две комиссии приезжали проверять! Тридцать две.

В Полтаве мне позже сказали: на-выдумывал! Ну, была, может быть, парочка проверяющих.

И все-таки я склонен верить Касьяну. Проверили его методы: не антинаучны ли, не вредят ли? Проверили его помыслы и чист ли на руку. Приносит благодарная женщина букет тюльпанов — взятка! А сколько такой бунет стоит? Сейчас я думаю: зачем было вести мышиную возню? Именно возню! Касьян неуязвим. Не только потому, что уже в семидесятые годы тысячи больных, безымянных, которых либо изувечила своими методами, либо вовсе отрубила официальная медицина, которые приползли к Касьяну, может, и не надеясь ни на что, и обрели кто исцеление, кто облегчение, кто надежду. Но потому неуязвим, что уже тогда среди излеченных насчитывалась большая прослойка людей, известных в обществе, занимающих высокие посты.

Закончив прием в кабинете около восьми, Касьян направляется в гостиницу. До девяти успеет принять больных, которые живут в номерах.

Счастливицы! Попасть в гостиницу, в которой полсотни мест, — крупное везение. Альбине Корецкой из Туапсе, бывшему инженеру-технологу, на этот раз повезло... Вот вкратце ее история.

Когда Альбине было 23 года, она подняла двухлетнего сына — ударило в спину. Обратилась к невропатологам в Туапсе, те посоветовали ехать в Краснодар. Краснодарские невропатологи направили к специалистам по сосудистым заболеваниям. Поясница болела все больше, нарушилось кровообращение, отнимались ноги. Ничто не приносило избавления. Так длилось больше десяти лет. В 1984 году, когда она пробыла на больничном восемь с половиной месяцев, когда ее уже скрутило настолько, что стакана воды удерживать не могла, когда начало отказывать сердце, а втэковская комиссия сказала, что долго ей не протянуть, тогда она прослышала про Касьяна. До того была огромная переписка с Минздравом РСФСР, многочисленные консультации, очные и заочные. А она уже была не жила; организм, отравленный лавиной лекарств, рассыпался... Как она добиралась в Кобеляки, лучше не вспоминать! Сейчас за несколько приездов двести сеансов у Касьяна прошла. Давно разогнулась спина! Касьян возвратил на место два позвоночных диска. Не в полную силу, но стали работать ноги — можно ходить, можно стоять. Руки делают все, что необходимо человеку, чтобы обслужить себя.

— Многие больные меня давно знают, иногда слышу о себе: та самая, которую привезли полумертвой. Тогда я руки хотела на себя наложить... Помню, как нейрохирург в столичной Боткинской больнице сказал: «К шарлатану едете лечиться? Ну-ну...»

Таких историй я знаю несколько. Общая схема такова: несчастье, бесчисленные кабинеты врачей, лечение, не приносящее облегчения, вспышка отчаяния — и Касьян. Как последняя надежда. Мне пришлось побеседовать с людьми, так сказать, «ответственными». Высказав суждение, они, как правило, добавляли: «Но это мое личное мнение, это неофициально». Я не стану называть их, а суммирую в единый образ, собрав воедино все претензии к Касьяну.

Касьян не такой, как все. Это почему-то раздражает. Вот воображаемое интервью, которое дает корреспондент, а спрашивает его Некто (впрочем, все вопросы подлинны):

НЕКТО: Что это за мистика, почему прием больных среди ночи?

КОРР.: Потому что день у него занят оплачиваемой работой. И потому что он работает по двадцать часов в сутки. Потому, наконец, что чувствительность пальцев Касьяна — единственного его инструмента — особенно велика в ночные часы, после короткого отдыха. Поэтому-то он и принимает в первую очередь малышей, грудничков, ясельников, дошкольников...

— Но ведь нужно же соблюдать элементарную гигиену, руки мыть после каждого больного!

— Руки он моет перед началом приема. Представьте ситуацию: жен-

щина сорвалась в пропасть, но еще держится за слабенький пучок травы. Чтобы спасти, нужно протянуть руку. Вы протягиваете, а она говорит: «Вы помыли ее?» Каждый раз мыть руки — уйдет времени больше, чем на прием больного...

— Не вести подробных записей? Не рассматривать рентгеновские снимки, не читать анализы?

— Метод мануальной терапии, как вам известно, обрел уже права гражданства. Это подтверждено и приказом министерства, и созданием по стране ряда центров, в которых применяется этот метод. Но во многих местах есть специалисты, способные поставить точный диагноз, используя одни лишь руки! В Касьяне сплелись опыт, талант, знания. Так, как Шалаяпин, пел только Шалаяпин, и Пикассо был один, да и хирург Пирогов — исключение, а не правило. Комиссия «уличающих, разоблачающих» были десятки, но не было ни одной, которая бы попыталась уяснить существо кобелянского метода! В тысячной толпе не найдешь ни единого, кто бы, испытав руки удивительного врача на себе, почувствовал разочарование. За ним именно тысячи исцеленных...

О его лечении говорят, что никто не знает отдаленных результатов. Но большинство его пациентов были уже «списаны» медициной. Облегчить страдания — уже великое дело! Но Касьян излечивает. Ученые мужи предлагают операцию, а Касьян — прикосновение руки. После операции — неподвижность травмированной части позвоночника, частичная утрата его функций. А после коstopрава — восстановление утраченных функций, частичная или полная реабилитация.

Не хочется вспоминать, как за полным отрицанием вдруг пошло «признание». И вполне достойные по ученым званиям люди, не стеснясь, предлагали «соавторство». Те, кто вчера был категорически «против», становились вдруг категорически «за». Передо мной две книжечки. Первая выпущена в Киеве. И другая — «Мануальная терапия при остеохондрозе позвоночника» Н. А. Касьяна, вышедшая в 1985 году в издательстве «Медицина» (Москва). Первую подписали доктор, профессора, кандидаты — свыше дюжины фамилий наберется. Нет там только одной — неостепененного врача Касьяна. Но в вышедшей чуть раньше книжечке киевлян — его мысли, его методы, его соображения. Даже рисунки, иллюстрирующие текст, перерисованы со снимков, на которых изображен либо сам Касьян, либо его руки. Секрет прост. Пока рукопись рецензировалась в Киеве и отлеживалась в издательстве в Москве, идеи успели «прорасти» на чужой почве...

Только что Н. А. Касьян справил свое пятидесятилетие. Друзья поздравили, посвящали стихи! «Чужие» министры прислали адреса! Свои «не заметили». Ни слова приветствия от коллег-медиков. Ни грамоты именем республики, ни медали, ни ордена... Да кто, собственно, такой Касьян? Не академик, не доктор наук, не кандидат даже... Чудак-одиночка. Народ лечит? Пустое... Может, у него звание народного врача? Существует, говорят, и такое. Так нет у него этого звания. Да и вообще, если хотите знать, он и работает-то не в системе Минздрава, а в Министерстве соцобеспечения.

Обидно? Обидно. Не Касьяну обидно, а за него.

Кому же, как не таким людям, присуждать награды Отечества? За беззаветное служение людям, за каждодневный подвиг!

А здравотделы района, области, Министерства здравоохранения УССР простых теплых слов не могли выразить юбиляру? Кто-то искал доктора, чтоб поздравить, да не нашел. Кто-то «забыл»... Да что там говорить, не успел я уехать из Полтавы и доехать до Москвы, как меня слух догнал: а корреспондент-то у Касьяна дни и ночи пьянствовал! Стало быть, рыльце в пушку...

Уезжая из Полтавы, я сказал, что противника Касьяна в моем лице они не найдут.

Так кто же эти они? Те, кому страшно исключительно за свое кресло. И от этого страха должностные ли-

цо превращается в бюрократа, перестраховщика, человека, не способного и не желающего принимать какие-либо самостоятельные решения. Человека, внутренне ненавидящего всех, кто своей одержимостью вносит дискомфорт, а главное — долю риска в установившееся благополучие. В атмосферу ничегонеделания! Не говоря уж о том, что существование рядом человека повышенной творческой энергии — постоянно сосущий упрек собственной совести, собственному благополучию.

Поделись Касьян идеями, трудами собственными с тем, у кого не хватает своих, возьми этих людей в соавторы — пожалуйста, путь на Олимп ускорится. Правда, там ты не будешь в числе «богов», а только в свите! Отступишь на время от своей идеи, прикинься слабеньким! Найди ученого дядю, который станет твоим руководителем по научной теме, в которую ни ты, ни он не верят, но остепенись — стань кандидатом, стань доктором! И потом с позиций завоеванного авторитета двигай науку вперед...

Но зачем же предавать собственные идеи? Зачем же тратить бесценную жизнь на вымаливание степеней и званий? А разве не так поступают тысячи молодых аспирантов? Находят тему, загораются ею, но в аспирантуре попадают к тому руководителю, который «молится иному богу». И будущий кандидат предает свою научную идею ради «верняка» — диссертации, которая ни в науке ничего нового не открывает, ни соискателю ничего не добавит.

...Появится эта публикация, хлынет поток писем в редакцию, к Касьяну. Хлынут просьбы помочь.

Не пишите.

Не в состоянии помочь ни журнал, ни доктор. Есть один путь: написать районному главврачу Кобеляк и выслать направления от своих лечащих врачей, а также выписку из истории болезни. Но не ждите скорого ответа: разве может справиться райздрав или даже облздрав с нуждами больных со всех концов страны?

Как же помочь всем страждущим? Никак. Если не взяться всем миром. Если союзное Министерство здравоохранения на основании ваших писем не возьмется во всем объеме за решение этой задачи.

Много ли надо для создания лечебного центра в Кобеляках? Много. Самому Касьяну не надо ничего. Но больным нужны палаты, номера, столовые, места отдыха, как и положено, чтобы отдыхать между процедурами.

Нужны оснащенные диагностические кабинеты. Не для Касьяна, повторяю. Его опыт, талант в конце концов позволяли обойтись без дорогостоящей техники. А вот для тех врачей, которых будут сюда направлять на стажировку. Только в этом случае практиканты будут обретать свой собственный опыт, что называется, с широко раскрытыми глазами. Кстати, о врачах-стажерах. Опыт Касьяна далеко не каждому желающему может быть передан. Что можно легко исправить прикосновением пальцев, можно столь же легко загубить неумелым прикосновением. И такие случаи есть, когда прослышавший о методе Касьяна или даже видевший манипуляции самого врача говорит: «Я сам все умею...» И тут можно наломать дров. Отбор талантов должен быть ничуть не мягче, чем отбор перспективных учеников к профессору-музыканту. У такой подход не должен никого ни корчить, ни обижать. Массовая подготовка искусных хиропрактиков может сочетаться только со строгим индивидуальным отбором, жестким просеиванием кандидатов.

...И снова наступает ночь. И опять я не могу уснуть. Жду, когда разольется шелест открываемых дверей, неровная поступь шагов. Напрягшись, я лежу в темноте. В голове крутятся строки, которые друзья посвятили Касьяну:

В лапах прихоти-судьбы,
В зной и в дождь.

В мороз и в слякоть
Позвоночные столбы
Зашагали в Кобеляки...

Ольга
БЕРГГОЛЬЦ

ЗАТЕМ, ЧТО НЕ МОГЛА ИНАЧЕ

* * *

Еще и еще петухи
Пропели у нас во дворе,
А тополи так тихи,
Что любо на них смотреть.
Занималась, чтоб сдать зачет,
Учила лист за листом...
Вдруг дум потеряла счет
И думаю
О другом...
О том, что поеду в село,
Недели так через три...
А в памяти встало весло
И тихий уключин скрип...
Что работа в селе — нелегка,
Читальня, ячейка ждет...
А в тетради чертила рука
Чей-то знакомый рот...
Чердак еще шепчет сны,
Я в доме не сплю одна...
А тополи так зеленые
И так тихи у окна...

1926—1927 гг.

МИЛЫЙ СНЕГ

Посвящается деду

Я хочу глядеть на милый снег —
В час вечерний синь его голубит,—
Думать: есть на свете человек,
Обо мне он думает и любит.
Ни отцу, ни маме, ни сестре
Ничего об этом не сказала...
Хорошо на блещущем дворе
Так луна ни разу не сверкала...
Я сказала б только одному,
Старику хорошему, родному,
Умершему деду моему,
Старому такому и седому.
Но ему не скажешь: воротись...
Он в земле холодной, безучастной.
Милый дед! Прости и не сердись
На меня за радостное счастье!..
За тебя, в сияющем снегу,
Звездам ночи кланяюсь все ниже,
Завтра с «ним» далеко побегу
На скрипучих, шепчущихся лыжах.

Тетрадь 1925—1926 гг.

ЗАСТАВСКАЯ

Русые закручивая челки,
Шарфы развевая свои,
Пропадают пропадом девчонки,
Тезки и ровесницы мои.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ — СЕСТРЕ.

Милая моя Ольга! Сейчас благодаря открывшейся гласности появились многие драгоценные листы — стихов, прозы, — лежавшие под спудом вынужденного многолетнего молчания...

Это прекрасно.

И не «в назидание потомкам» о прошлых ранах нужны эти подборки: назидания никогда и ничему не помогали. А сами поэты, выразители духа народного: Ольга Берггольц, Александр Твардовский и многие милые нам имена никогда не хвалились ранами, а целомудренно берегли свою боль, зная, что это боль бедь на родной.

Для чего же мы (я, в частности) собираем и публикуем подборки этих стихов, писем, дневников? Я хочу, чтоб это поняли, особенно молодые, бросающие иногда упрек нам: «А как же вы тогда...» и т. д.

Подборки эти — живые, кровавые куски души — нужны для открытия великой непрестанной силы духовного сопротивления. Сопротивления злу, которое мы до сих пор деликатно называем «нарушением советской законности». Писать даже «в стол» тогда было очень опасно. Но писали. Но рискованно выступали — на пленумах и других форумах (я сейчас собираю стенограммы твоих речей для собрания сочинений).

Присылая мне стихи, ты требовала: «Сжечь!» Но если я уничтожала некоторые письма, то на стихи не подымалась рука: хранила или мама переписывала их своей рукой, увозила в деревню. Позже, обладая уникальной памятью, ты восстановила все.

А что «в стол» писали, это было мучением, но не напрасным: печатаем свидетельства тех не угасающих никогда сил народа

(поэт — его выразитель), которые и создали возможность сегодняшней революционной ситуации.

Комментировать стихи нет нужды, они сами говорят за себя. Добавлю только ответ на вопрос, звучавший и в статьях о тебе, и устно: «Чем она, эта хрупкая женщина, держала дух блокадных ленинградцев?» Материнством. Его великой изначальной силой. Материнство — неотъемлемый элемент той х и м и души, которую мы зовем гражданственностью. Именно в эту сильную, фундаментальную часть души ударила тебя так называемая Судьба (у которой, конечно, есть имена, фамилии и названия учреждений). Выйдя на волю, ты пыталась, рискуя жизнью, одолеть нанесенный тебе шок. Обиду одолела — любовью к Родине. А материнство было загублено навечно.

Но то, что можно убить физически, — нельзя убить в душе Поэта: для тебя всегда ка ж д ы й был Дитя Человеческое. Всех ты прижала к своему сердцу.

Пусть знают потомки одно: Родину любят не только, когда она кормит пряниками, а все г д а.

Твоя М.

Р. С. Я помню, как мы любили с тобой повторять финал «Тили Уленшпигеля»: вот, героев убили, зарыли в землю, затоптали ее, но... «Разве можно убить Душу и Сердце Фландрии? Земля зашевелилась, — Тиль встал и подал руку Неле. Они отряхнули прах и пыль, взялись за руки и вновь пошли по дорогам любимой Фландрии!» ...Как невыносимо жаль, что Ты не дожидая до наших дней! Но это тоже не случайно...

М. Ф. Берггольц

Их папаши падают, что груши,
Прямо от полочки дотемна,
Ухажеры прожужжали уши:
Новый быт — сознательность — весна.
Для того ль Бавария¹ краснеет,
Та страна, где шумно и тепло,
Чтобы тело девичье, чернея,
Кровью зараженной изошло?
Опытная бабушка не струсит,
Ухажеры скрипнут гармозой...
— ...Пожалей, мамашенька, Марусю,
Длинной, купоросною слезой!..

Март 1929.

* * *

Рассчитывалась я
десятилетиями
Безмолвия.
На мне — его печать.
За то, что все заметное — заметила
И стала — что же стала я?
Ах, да — молчать.

ИЗ ТРИПТИХА 1949 ГОДА

Я не люблю за мной идущих
следом
по площадям
и улицам.
Мой путь —
мне кажется тогда —
стремится к бедам:
Скорей дойти до дома
как-нибудь.
Они в затылок дышат горячо...
Сейчас положат руку
на плечо!
Я оглянусь: чужими
притворятся,
прохожими...
Но нас не обмануть: к беде —
к БЕДЕ —
стремглав
идет мой путь.
О, только бы: скорей. Домой.
Укрыться.
Дойти и запереться
и вернуться.
Во что угодно сразу
погрузиться:
в вино!
В заботы!
В бесполезный труд...

¹ Все многочисленные пивные за Невской заставой назывались «Красная Бавария».

Но вот уж много дней,
как даже дома
меня не покидает страх
знакомый,
что по следам
идущие —
придут.

ИЗ ЦИКЛА «РОДИНЕ»

* * *

Гнала меня и клеветала,
Детей и славу отняла,
А я не разлюбила — знала:
Ты — дикая. Ты — не со зла.
Служу и верю неизменно,
Угрюмой стала и сильней.
...Не знай, как велика надменность
Любви недрогнувшей моей.

* * *

Нет, судьба меня не обижала,
Щедра выдавала, что могла:
И в тюрьму ежовскую сажала,
И в психиатричку привела.

Провела меня через блокаду,
По смертям любимейших вела,
И мою последнюю отраду —
Радость материнства отняла.

Одарила всенародной славой,—
Вот чего, пожалуй, не отнять.
Ревности горячею отравой,
Сердцем, не умеющим солгать,

В скудости судьбу я упрекнуть
не смею,
Только у людей бы на виду
Мне стихами б рассчитаться с нею,
Но и тут схитрила: не дадут.

* * *

Где жду я тебя, желанный сын?!
— В тюрьме, в тюрьме!
Ты точно далекий огонь, мой сын,
В пути, во тьме.
Вдали человеческое жилье,
Очаг тепла.
И мать пеленает дитя свое,
Лицом светла.
Не я ли это, желанный сын,
С тобой, с тобой?

Когда мы вернемся, желанный сын,
К себе домой?
Кругом пустынно, кругом темно,
И страх, и ложь,
И голубь прочит за темным окном,
Что ты — умрешь...

Март 1939.

* * *

Нет, не из книжек наших скудных —
Подобья нищенской сумы,
Узнаете о том, как трудно,
Как невозможно жили мы.
Как мы любили горько, грубо,
Как обманулись мы любя,
Как на допросах, стиснув зубы,
Мы отрекались от себя.
Как в духоте бессонных камер,
И дни, и ночи напролет
Без слез, разбитыми губами
Твердили «Родина», «Народ».
И находили оправданья
Жестокой матери своей,
На бесполезное страданье
Пославшей лучших сыновей.

О дни позора и печали!
О, неужели даже мы
Тоски людской не исчерпали
В открытых копиях Колымы!
А те, что вырвались случайно,
Осуждены еще страшней:
На малодушное молчанье,
На недоверие друзей.
И молча, только тайно плача,
Зачем-то жили мы опять,
Затем, что не могли иначе
Ни жить, ни плакать, ни дышать.
И ежедневно, ежечасно,
Трудясь, страшились тюрьмы,
Но не было людей бесстрашней
И горделивее, чем мы!

Но наши цепи и вериги
Она воспеть нам не дала —
И равнодушны наши книги,
И трижды лжива их хвала.
Но если скрюченный от боли,
Вы этот стих найдете вдруг,
Как от костра в пустынном поле
Обугленный и мертвый круг,
Но если жгучего преданья
Дойдет до вас холодный дым,—
Ну что ж! Почтите нас молчаньем,
Как мы, встречая вас, молчим!

1941, март.

И ЭТО ВСЕ НЕТЛЕННО

Николай РЯПОЛОВ,
Павел КРИВЦОВ (фото)

Три с половиной века стоят на белгородской земле, на меловых угорах три деревни колхоза имени Ленина: Стрелецкое, Казацкое, Малобыково (бывшее Пушкарное). Асфальтированные дороги, добротные дома, школы, больницы, магазины, Дворец культуры, библиотеки, стадион. Во многих домах цветные телевизоры, во дворах — легковые автомобили. Приемы современного быта замечаешь сразу. Однако ни эта всепроникающая урбанизация, ни достаток не «перекроили» душу местного жителя. Ломать не строить, но здесь старое ломать не торопятся. Плохо, когда на поле смотрят только как на полигон, на котором можно заработать. Здесь милые мне селяне живут, не утратив в душе народного представления о земле как о кормилице. Такое миропонимание питается широко бытующими в этих краях самобытными песнями, сказками, обычаями. Вот почему и старым деревням их лета не в тягость, а в помощь.

«Правда в памяти. У кого нет памяти, у того нет жизни», — сказал Валентин Распутин. У долгожителей колхоза память крепкая, а потому и добрая жизнь.

Юбилей трех деревень в колхозе имени Ленина отметили хорошо. Собрались на главной площади Стрелецкого — и загудело, заиграло ярмарочным многоцветьем все окрест! Четыре грузовика с откинутыми бортами образовали помост под чистым небом. Фольклорные хоры, певцы-солисты, гармонисты, танцоры показали и мастерство, и удал, и талант. «Ты Россия, ты Россия, мать Россия, ты — земля...» — поплыли голоса в синеву небес. Протяжно спели женщины один из вариантов сказа времен Отечественной войны 1812 года.

Триста пятьдесят лет назад были поставлены белобокие избы вдоль берега Тихой Сосны, притока Дона. В сохранившейся царской грамоте от 8 февраля 1637 года говорится:

«Слыша мы от басурман на православных крестьян разоренье и всякое зло полонское расхищение, указали, на Калмюской и на Изюмской сакме и на Муравском шляху, от татарские войны, поставить города и острожки жилые и стоялые и всякие крепости учинить, и жилацких людей в тех новых городех устроить, чтоб тем у татар в Русь приход огнять, а православных бы крестьян от войны и от разоренья и от полону «заступить»».

За околицей Малобыкова — насыпной оборонительный вал, некогда высоченный и широченный, а со временем осевший. Задичалый клочок земли; зато он сохранил повсеместно исчезнувшие травы, которыми умело врачуют местные старушки. К валу подступила пашня.

Недавно его самого чуть не сровняли с пашней. Небрежную резвость трактористов из районного отряда плодородия вовремя остановили жители Малобыкова. Их поднял бывший учитель истории, одержимый краевед, ныне заведующий отделом культуры Красногвардейского района Александр Тихонович Харибин.

— Не смейте, ребята! Эта земля — герой! Она должна оставаться при нас, — сказал тогда Харибин.

— Место, где мы стоим, — рассказывал мне Александр Тихонович, — называется Древний Курган. В ясный день с вала можно разглядеть округу аж верст на тридцать... За эту вы-

соту, за дали широкие сложили свои головы наши далекие пращурь. Наше Стрелецкое — это бывшая крепость Усёрд. Полтора века прослужила крепость, потом посадские люди перешли в пахари. Земледелие удержало наши деревни от исчезновения. В начале восемнадцатого века местным жителям указ Петра Первого предписывал построить сорок два струга. В заводях Тихой Сосны были две верфи. Рядом стеной стояла дубрава, остатки ее охраняются. Белый дуб, красный дуб — сорта эти ценятся в кораблестроении...

И начинаешь понимать, где истоки безудержной любви к морю у жите-

лей полустепных селений. Иногда кажется, что попал в дом рыбаков или поморов, а не землепашцев. Почти в каждой избе — увеличенная фотокарточка моряка. Порой на ленточках бескозырок читаешь названия легендарных кораблей: «Варяг», «Потемкин», «Бесстрашный», «Грозный»... И в наше время почти каждый допризывник этих деревень рвется на флот.

Особым почетом здесь пользуется бывший старший матрос минного тральщика Иван Михайлович Дрогоров. С 1941-го был на флоте, повидал море, океаны, многие заморские державы. Долго после войны бороздил Балтийское море, очищая его от мин. Был случай в конце войны, когда Дрогорову пришлось совершить кругосветное плавание, побывать в далекой Америке. По приглашению президента Рузвельта малобыковец в составе группы советских военных моряков участвовал в совместных учениях советского и американского флотов, осваивал новую американскую технику. Ее использовали впоследствии для разминирования водных территорий. — Ну, что сказать об Америке? Я бывал в крупных городах, в том числе Нью-Йорке, Вашингтоне, Сан-Франциско... В Нью-Йорке видел огромный щит, на котором огнями загоралась карта СССР. Мы с волнением всматривались в эту карту, радовались, что линия фронта передвигается на запад. Когда скончался Рузвельт, то мне, как и другим нашим матросам и офицерам, было предоставлено право стоять в траурном карауле у гроба президента...

...Праздник трех деревень был в разгаре. Как тут назовешь песню? Искусством? Бытом? Это жизнь. С высокого помоста рвалась озорная чапушка. Это Раиса Васильевна Колядинова, ветеран колхоза. Вызов землячки принял жалеечник из Казацкого, седоголовый Марк Васильевич Сынов. Скоро восемьдесят ему, а как бодр и подвижен!

Дома (в связке ценных бумаг) Марк Васильевич хранит письма, получаемые им из разных концов страны: «...Спасибо за помощь. Четыре ваших жалейки уже в работе. Оркестр наш не узнать теперь». «...К сожалению, встреча наша в Москве в Доме композиторов была так коротка, что я не успел расспросить вас о жизни. Больше говорили мы о народной песне, о музыке пастухов, а ваша конкретная жизнь неотделима от этих ценностей...» «Здравствуйте, дорогой Марк Васильевич! Не удивляйтесь, что письмо из Америки. Да, мы сейчас с ансамблем гастролируем по Штатам. Успех. Так что ваша жалейка служит добрую службу во взаимопонимании двух народов...» «Уважаемый Марк Васильевич! Кинопробы прошли хорошо, худсоветом вы утверждены на эпизодическую роль Пантелеймона-жалеечника в кинофильме «Василий и Василиса» по мотивам рассказа Валентина Распутина...»

Долго жаворонит жалейка старика. Ее простой камышовый звук, древний напев обращают душу из «суеты и нервности» нашего времени в далекое прошлое, такое близкое. Долгих лет жизни вам, добрый человек!

Белгородская область.

Механизатор Иван Иванович Красильников.

ТРИСТА ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ НАЗАД ВЫРОСЛИ
БЕЛОБОКИЕ ИЗБЫ ВДОЛЬ БЕРЕГА ТИХОЙ СОСНЫ,
ПРИТОКА ДОНА. СЕГОДНЯ ЗДЕСЬ ЖИВУТ КОЛХОЗНИКИ
СТРЕЛЕЦКОГО, КАЗАЦКОГО, МАЛОБЫКОВА (БЫВШЕГО
ПУШКАРНОГО) —
ТРЕХ ДЕРЕВЕНЬ, ЧЬИ ПРЕДКИ ВСТАЛИ
НА СТРАЖЕ ЮЖНЫХ РУБЕЖЕЙ РУСИ.

До ранней
звезды
длился праздник
на берегу
Тихой Сосны.
Бежала речка
в новый день,
к новым песням
и надеждам...

РАБОТА В РАЗЛИЧНЫХ
АНСАМБЛЯХ,
ТВОРЧЕСКИЕ ПОИСКИ
С САМЫМИ РАЗНЫМИ
МУЗЫКАНТАМИ —
ВСЕ БЫЛО
ДЛЯ ЛАРИСЫ ДОЛИНОЙ
ШКОЛОЙ.
ОНА ХОТЕЛА ИСПЫТАТЬ СЕБЯ
ВО ВСЕМ,
ПРЕЖДЕ ЧЕМ НАЙТИ
ЧТО-ТО СВОЕ НА ЭСТРАДЕ...
И КАК ПЕРВЫЙ ВАЖНЫЙ
РЕЗУЛЬТАТ —
ПРИСУЖДЕНИЕ МОЛОДОЙ
ПЕВИЦЕ
ГРАН-ПРИ НА МЕЖДУНАРОДНОМ
ПЕСЕННОМ КОНКУРСЕ
«ИНТЕРТАЛАНТ»
В ЧЕХОСЛОВАКИИ.

«ПРОСТЫХ ПЕСЕН НЕ ПОЮ...»

Наталья АЛЕКСЕЕВА

Фото Эдуарда ЭТТИНГЕРА

В одной из недавних газет я прочла о Ларисе Долиной: «Оригинальная исполнительская манера, «узнаваемость» голоса помогли ей довольно быстро из числа молодых исполнителей шагнуть в группу ведущих мастеров эстрады». Ничего себе, подумалось мне, «довольно быстро»! Ровно половину своей жизни, то есть шестнадцать лет из прожитых тридцати двух, Лариса прокладывала дорогу к своему слушателю, искала его, ибо шлягеров она принципиально не исполняла и все время считала себя певицей для весьма узкой аудитории. Особенно тогда, когда пела исключительно джаз, который не терпит фальши и примитивизма, который надо понимать и чувствовать, который требует высокой подготовленности как слушателя, так и, естественно, исполнителя.

Что касается подготовленности Ларисы, то сие, без сомнения, было запланировано еще и самой природой, так как в жанре джаза желая петь мало, и научиться, как говорят специалисты, нельзя. Можно только развивать и совершенствовать то, что дано от рождения. Чем и занималась одесская школьница Лариса Долина, вслушиваясь в магнитофонные записи, радиопрограммы, привозные диски. Армстронг, Элла Фицджералд, Стив Уондер... Лариса пробует петь некоторые темы «вместе с ними», постигая законы джазовой импровизации, сложности вокальной техники.

Сообщу сразу: петь ее нигде специально не учили. Музыкальную школу она окончила по классу виолон-

чели, попутно изучала на курсах английский язык и собиралась поступать в университет заниматься иностранным языком... Но поскольку выступала в самодеятельности и имела уже некоторую популярность, не очень удивилась, когда ее, шестнадцатилетнюю, пригласили на работу в местную филармонию, в вокальный ансамбль. Лариса думала недолго, согласилась. С большим трудом удалось уговорить родителей, учителей, по ее поводу собиралась комиссия по делам несовершеннолетних (10-й и 11-й классы проходила заочно).

Ей запомнились самые первые гастроли, на Украине, где юную артистку коллеги учили, как надо гримироваться, водили в магазин за пудрой и прочей косметикой. Беда только в том, что Ларисе скоро надоело работать на «подпеве» заунывных эстрадных песен, и она ушла из филармонии в Объединение музыкальных ансамблей. Поясню: это означает, что она стала петь в ресторанах, в кафе. И работала два года. Потому что никто здесь не мешал ей петь джазовую музыку. Она буквально окунается в нее с головой, растворяется, ничего другого не может ни воспринимать, ни исполнять. И о Ларисе стали всерьез говорить в городе как об интересной, яркой певице. Пошел слух и дальше. Долина получает официальное приглашение из Армконцерта.

Снова уезжать из родного дома, теперь уже в Ереван. Вновь родительские слезы, уговоры и упреки. «Мама! Я все равно уеду — без вещей, без денег. Ты же меня знаешь!»

У Ларисы Долиной такое правило: никогда ни от каких приглашений, связанных с творчеством, не отказываться: разные ансамбли, музыкальные руководители, разные жанры, уровни и качество — все стало для нее школой, она хотела испытать себя во всем, прежде чем найти что-то свое на эстраде. Только телевидение избегало приглашать молодую исполнительницу, потому что один из тогдашних руководителей музыкальных программ ЦТ назвал ее «кабацкой» певицей, проведая, что в ее творческой биографии был период работы

в варьете сочинского ресторана «Жемчужина». Руководитель и знать не хотел, что в тот ресторан в тот самый сезон стали ходить именно на Ларису Долину. Когда она пела, люди переставали танцевать, подходили к эстраде и слушали стоя...

Но такая ее безотказность, такая, добавим, удивительная работоспособность нередко и вознаграждались по заслугам. Вознаграждались не только конкретными успехами и победами на всевозможных песенных конкурсах, но и интереснейшими творческими встречами, общением с такими известными музыкантами, композиторами, как К. Орбелян, М. Кажлаев, Р. Амирханян и Г. Гаранян, А. Кролл, Ю. Саульский, Е. Дога, А. Шнитке...

— А помнишь, Лариса, — говорю я, — свою программу «Антология джазового вокала» у Анатолия Кролла, оркестр «Современник»?

— Конечно, помню. Пять лет я проработала тогда в Москве, из них три года пела джазовую ретроспективу, историю джазовой песни, где были собраны и спиричуэлс, и блюзы, соул...

— Ты еще и здорово танцевала! Легко и естественно...

— Спасибо. Танцевать я действительно люблю. И специально пластичкой занималась. Вот и в новой своей программе тоже стараюсь не упустить возможности подвигаться на сцене...

— А теперь ты обосновалась в Ленинграде.

— И надолго! Прошло четыре года, как я стала ленинградкой. Именно тут поняла: все! Созрела. Пора организовать свой ансамбль.

Не так-то просто было Ларисе Долиной осуществить свою мечту. В Ленконцерте особого энтузиазма не проявили. Но не так просто и обескуражить певицу, всякое испытывшую на артистическом поприще. Свой молодой коллектив — называется он «Эскорт» — она нашла и создала чуть больше года назад в Ульяновской филармонии.

В Ленинграде я попала на сольный концерт Ларисы. Отмечу, между прочим, что здесь ее застать так же трудно, как и в любом другом городе, тому причиной напряженный план гастрольных поездок.

Побывала я у Ларисы и дома, что тоже удивительно, так как долгие годы, по крайней мере те десять лет, что мы знакомы, такого у нее практически не было.

— Вот он, мой угол! — с гордостью провозгласила Лариса, открывая одну из дверей в многоэтажной коммунальной квартире, с двумя-тремя газовыми плитами на кухне. Да, действительно угол. Вернее, тринадцатиметровый «пенал». Вся обстановка — диван и шкаф, а на полу в банке цветы, врученные слушателями на концерте.

— Лариса! И сколько еще времени ты собираешься вести такую кочевую жизнь?

— А... пока пою. Значит, долго. Надеюсь, очень долго буду петь! Ты же знаешь, я все время в поездках, весь необходимый мне комфорт — это горячая вода. Мой дом там, где сцена, моя семья там, где «Эскорт», где зрители. Ну ты же знаешь... Только на сцене я чувствую себя по-настоящему в своей тарелке. Работаю много, жалуюсь, что устаю, но усталость — приятная...

Хотя Долина в нынешней своей программе поет эстрадные песни, она по-прежнему не отказывается в них от джазовых приемов. Сильный, большого диапазона голос, виртуозное владение всеми его оттенками, легкость и непринужденность импровизации плюс яркий темперамент —

вот, наверное, те главные качества артистки, которые побудили известного французского композитора Мишеля Леграна, недавно гастролировавшего у нас, назвать Долину «одной из лучших певиц, каких он когда-либо слышал».

Сейчас певица исполняет в основном песни молодых композиторов — В. Резникова, В. Севастьянова, А. Кальварского, В. Густава, А. Прокофьева, постоянно ищущих новые музыкальные формы. Как и раньше, ее песни относятся к «трудным», то есть их не подхватишь на лету, не будешь напевать, как любой шлягер, но они оставляют светлый след в душе, в памяти, потому что рассказывают о мире, о Земле, о том, что жизнь коротка и нельзя тратить ее попусту, о будущем наших детей, о счастье помогать людям...

После концерта я смотрю на нее, чуть усталую, однако добродушную, внимательную и приветливую, совершенно незнакомую со «звездной» болезнью, и думаю: «Все-таки какой же сильный характер надо иметь, какую целеустремленность, чтобы после стольких лет мытарств, «проб и ошибок», долгого замалчивания и безвестности сохранить вот такую совсем детскую незлобность, душевную открытость и вполне уверенную удовлетворенность жизнью».

— Все-таки у тебя сильный характер, — повторяю уже вслух, как бы подводя итог размышлений. Она понимает, о чем я говорю.

— Думаю, упрямый. Простое женское упрямство. Оно мне, конечно, и вредило, потому что, бывало, шла напролом, напрямик, без хитростей. Но, с другой стороны, упрямство подхлестывало, заставляло всю жизнь, что называется, «вкалывать». И только по-настоящему, и только там, где интересно. И еще я всегда верила: что-то должно произойти в моей судьбе. И вот сейчас...

— Ты стала известной. Теперь, когда твой голос все время звучит по радио, когда ты то и дело появляешься на голубом экране, когда уже снят телефильм «Поет Лариса Долина», короче, когда тебя знают, теперь ты уже не будешь утверждать, что ты «элитарная» певица?

— Ну, это когда как. Я ведь не могу окончательно расстаться с джазом и в любое свободное от гастрольей время — в любое время суток! — готова репетировать и выступать с великолепным московским музыкантом Леонидом Чижиком. Выступаем мы не как певица и аккомпаниатор, а как два соревнующихся солиста-импровизатора, и это великое наслаждение! А вот на такие концерты по-прежнему ходит только вполне определенная публика. И по возрасту тоже: не ниже тридцати, молодежи нет. Ну, а что касается эстрады, то я знаю свое место и хочу одного — много работать.

— А еще? Чего бы еще хотелось добиться?

— Еще? Вырастить четырехлетнюю дочь. Она, конечно, уже сейчас и поет, и танцует — ведь столько времени проводит за кулисами, слушает меня... Но если все же пойдет по моему пути, хочется, чтобы ее путь к признанию был легче моего. Короче. И наверняка так и будет. Ведь мы живем сегодня в такое время! Время открытий, время творческого поиска, как я ощущаю теперь, никем и ничем не сдерживаемого...

— Однако же выскажу крамольную мысль: если бы твой поиск никто и никогда не сдерживал, кто знает, стала бы ты той Ларисой Долиной, о которой я хочу рассказать читателям. Как думаешь?

Она рассмеялась. И ничего не ответила.

Доктор философских наук, профессор, автор книг и статей, посвященных проблемам личности и молодежи, Игорь Семенович КОН отвечает на вопросы корреспондента «Огонька» Новеллы Ивановой.

— Читатели, опираясь на свой опыт, тоже пытаются поставить диагноз. Я приведу строки из двух писем на тему нашей беседы. «Сейчас пошли толкования о необходимости посвящения молодежи в тайны секса. Бытует мнение, что ныне «не модно» быть невинной девушкой и прежде, чем пойти в загс, надо, мол, пожить, узнать, подходим ли друг другу... И что ж, думаете эта «новинка» помогает стать счастливыми? Ничуть! Я был на двух свадьбах: одна молодая пара распалась через три месяца, а другая... через три дня! Я прожил жизнь, воевал и считаю, что все эти разговоры о сексе и интимной жизни только подталкивают молодежь к распущенности!» (Л. И. Мостипан, г. Чернигов). «Мне 31 год, я окончила институт, мечтала о любви и, полюбив, вышла замуж за человека, который подошел мне по своим взглядам, привычкам, идеалам. Прожили мы всего два года, а теперь я на пороге одиночества: мой муж сказал, что «не устраиваю

главный сексолог Ленинграда, доктор медицинских наук Б. Малахов. При исследовании тысячи разводящихся пар третья часть назвала причиной неудачи в интимной сфере своей жизни, а при более тщательном исследовании эта цифра увеличилась еще на 20 процентов! Почему же в таком случае мы все еще замалчиваем эту важную сторону жизни человека? Правда, некоторые читатели журнала пишут, что, мол, раньше «наши деды и прадеды жили без секса, обойдемся и мы без него».

— Во-первых, о прошлом у нас представление подчас искаженное. Во всех древних обществах существовали специфические ритуалы посвящения мальчиков и девочек в сексуальную жизнь. Эта древняя, архаичная культура теперь забыта, но в большинстве обществ на ее месте созданы различные новые институты. У нас же осталась зияющая пустота, которую наука и практика до сих пор не заполнили. Во-вторых, наши деды и прадеды также обходились без радио, самолетов, телевизоров, а нам все это необходимо. Сексуальная грамотность нужна всем не потому, что люди развращены, а потому, что от нее во многом зависит качество брачно-семейной жизни, а следовательно — и устойчивость семьи. Об этом свидетельствуют как советские, так и зарубежные исследования.

исследования известных социологов А. Г. Харчева и В. Г. Алексеевой: от родителей — 10 процентов, от товарищей-одногруппников — 49,4, от соседей — 0,5, от родственников — 2,3, от учителей — 8,2, от старших товарищей — 35,8 процента. И это в том возрасте, когда, как вы, Игорь Семенович, пишете в своей книге «Психология старшенкласника», «интерес подростка к вопросам пола становится напряженным и личным!» По-видимому, семья не готова к этому важному диалогу на запретную тему.

— Думаю, возможности семьи в этом вопросе не стоит переоценивать. Она имеет решающее значение в раннем детстве, формируя стиль эмоциональных реакций ребенка, его коммуникативные качества, представление о половых различиях, отношении к телу и нагоде и к тому, о чем можно и о чем нельзя говорить. Что же касается полового просвещения подростков, то нигде в мире семья решающей роли не играет, это слишком напряженное поле для обеих сторон. Зарубежные исследования, а их было множество, показывают, что единственный эффективный канал семейного сексуального просвещения — линия мать — дочь. Очень многие гигиенические и другие сведения девочки получают от матери. С мальчиками, как правило, ни отец, ни мать на эти темы не беседуют. Их

которой участвуют молодежная печать, школа, семейные консультации, клубы для подростков. Может быть, этот опыт следует нам позаимствовать? Я знаю, Игорь Семенович, что вы представляли нашу страну на нескольких международных семинарах и симпозиумах по проблемам семейной жизни. Как решается эта острая проблема за рубежом?

— В последнее время здесь намечается некоторая общеевропейская стратегическая линия. Лет 10—15 назад в ряде стран Западной Европы половое просвещение было биологизировано; сосредоточив все внимание на технической стороне сексуального поведения, педагоги оставляли вне поля зрения вопросы морали. Затем стало ясно, что это плохо, половое просвещение стали увязывать, по примеру того, как это делается в Польше и ГДР, с нравственным воспитанием молодежи. Но моральное воспитание, в свою очередь, никоим образом не заменяет сексологической информации. Сегодня в некоторых странах школа дает старшеклассникам сведения также о средствах, регулирующих деторождение. Недавно была опубликована статистика за десять лет о рождаемости среди несовершеннолетних в Дании, Швеции и США. Характер сексуальной культуры в этих странах более

В почте нашей рубрики много писем о любви. Любви сегодня много позволено. Можно жениться по любви и разводиться из-за любви, а можно любить друг друга, не вступая в брак. В последние годы любовь, личная жизнь человека, его семейные отношения стали объектом пристального изучения социологов, демографов, этнографов, сексологов, юристов, педагогов. Все они пытаются поставить свой диагноз причинам тех серьезных болезней, которыми страдает современная семья: ранние, непрочные браки, рост малолетних и бездетных супружеских пар, множась число разводов

ОТКРОВЕННО О ЗАПРЕТНОМ

его как женщина». Кто мне поможет? Я многому училась, а тут оказалась безграмотной. Да разве только я одна?» (г. Краснодар, Мария М.). Игорь Семенович, так что же — по-прежнему «табу» на запретные темы, как предлагает черниговский корреспондент, или все-таки откровенно о запретном, чтобы помочь таким, как Мария М.?

— В разговоре на эту тему часто смешивают два разных вопроса. Сексуальные отношения и любовные переживания каждого человека являются интимными и не должны выставляться на всеобщее обозрение. Но из этого отнюдь не вытекает, что не существует объективных, научных знаний о биологических, психологических и социальных закономерностях пола и сексуальных отношений и что эти знания должны быть засекречены. Отсутствие необходимой информации может, как в случае с Марией М., принести человеку страдания. Кстати, пресловутые «табу» касаются не только подростков, но и взрослых. Когда у нас в стране открылись первые сексологические консультации, врачи оказались в затруднении. С детства усвоенные «табу слов» привели к тому, что люди оказались не в состоянии беседовать раскованно даже с врачом. То же самое происходит в семье. При возникновении сложностей, подобных тем, с которыми столкнулась Мария М., жена идет за советом к подруге, а муж — к приятелю, даже между собой они не смеют переступить через это «табу». Крупнейший специалист по женской сексopatологии профессор А. М. Свядощ рассказывал мне, что порой не в силах помочь сохранить семью, так как один из супругов наотрез отказывается прийти на прием, убежденный, что не нуждается в «подсказке», хотя проблема как раз в его сексуальной безграмотности!

— Кстати, на социальную важность этого вопроса обращает внимание

Анатолий Брат из Новосибирска вспоминает телемост, посвященный встрече советских и американских женщин, в котором, нажестя, вы, Игорь Семенович, принимали участие. Он пишет: «...американскую сторону интересовал в числе первых вопрос о том, как у нас решается сексуальная проблема. Одна из наших женщин, представительница старшего поколения, сказала: «У нас секса нет!», а молодая девушка ее поправила: «Секс у нас есть, но нет его рекламы». Понятно, она ратовала не за рекламу секса, а хотела сказать, что нравится старшим или нет, но проблема эта существует, и то, как было раньше, уже не получится. Стоит ли молчать в эру начавшейся гласности? Не просто признать, что мы не знаем и не умеем, как и что сказать по этому поводу детям. Может быть, целесообразнее ради себя, ради своих детей пойти учиться с ними вместе и начинать с детского сада!» Вы согласны с Анатолием?

— Я участвовал в другой передаче, где мне пришлось неожиданно для себя отвечать на вопрос Фила Доуха о том, как в нашей стране обстоят дела с контрацептивами, то есть, противозачаточными средствами. Проблема эта очень острая, мы к ней еще вернемся. А пока хочу поддержать Анатолия. Да, наша сексуальная культура недостаточна, и это серьезно тормозит половое просвещение и в семье, и в школе. Прав он в том, что пора гласности требует откровенного обсуждения этой проблемы. Однако публичное обсуждение деликатных вопросов требует не только смелости, но также такта и специальных знаний. Когда массовая пресса опережает научно-популярную литературу, это может лишь запутать читателей. Есть вещи, о которых должен рассказывать специалист-ученый.

— Может быть, журналисты порой торопятся потому, что почти полностью отсутствует половое просвещение и в семье, и в школе? Просветительская литература для юношества почти не выпускается, а учителя и родители сами в плену половой безграмотности. Откуда подросток черпает информацию на эту тему? По данным

главные «просветители» — друзья, улица, причем многие полученные здесь сведения односторонни и недостоверны.

— Вот тут-то и начинается закладка та самая ошибка, за которую человек расплачивается впоследствии. Кто и как должен вмешаться, чтобы это предотвратить?

— Систематическое половое просвещение должно быть, как я уже говорил, научным, и вести его должен специалист. Им может быть учитель, врач, словом, человек, обладающий познаниями в этой области и облеченный доверием. Подросток очень чувствителен к вторжению в его личную жизнь, и разговоры родителей на эту тему порой встречают «в штыхы». А родители, увы, часто полны страхов, их главное оружие — запреты, с каждым годом все менее эффективные. Иначе и не может быть. Если в 30-е годы девочки созревали к 15 годам, то сейчас средний возраст начала менструаций снизился до 13 лет. Этот сдвиг имеет важные социально-психологические последствия, заставив общество перестраивать стратегию полового воспитания. Если раньше взрослые стремились «уберечь» подростка от сексуальности, то теперь они понимают, что это не в их власти, и нужно научить подростка самостоятельно управлять этой сложной сферой личной и общественной жизни. А для этого необходимы специальные знания. Если мы их не даем, вакуум заполняют другие. Письма в редакции пишут преимущественно взрослые, а молодежь, если мы не учитываем ее запросов, выясняет все по-своему.

Разве это лучше прямого, откровенного диалога?

— Недавно в Праге я встречалась с учеными, педагогами, сотрудниками службы помощи семье и усылишала, что создана и успешно действует система полового просвещения молодежи и семейного просвещения, в

или менее одинаков, но в скандинавских странах существующая система школьного полового просвещения включала сведения о контрацептивах, а в США, стране более ханжеской и консервативной, эти сведения давались лишь в некоторых школах. Оказалось, что за последние десять лет рождаемость среди несовершеннолетних в Скандинавии резко сократилась, а в США — незначительно, причем количество аборт в этой возрастной группе в Дании и Швеции сильно снизилось, а в США — резко выросло. Приемлем ли подобный опыт для нас? Сегодня — нет. Во-первых, против этого высказалось бы большинство учителей и родителей, с мнением которых нельзя не считаться. Во-вторых, мы не имеем пока что достаточного числа профессионалов-педагогов, врачей и психологов, способных грамотно вести такую работу. Но именно эти данные имеют в виду следует. Программа нового школьного курса подготовки к браку и семье включает отдельные элементы полового просвещения, но делается это крайне робко и непоследовательно, причем даже то, что названо в программе, зачастую отсутствует в учебных пособиях. Не имеет необходимой информации и учительство. Главное внимание Академии педагогических наук СССР, как и прежде, сосредоточено на «этических и эстетических» аспектах полового воспитания. Но о каком нравственном воспитании может идти речь, если подростки не получают правдивой информации о закономерностях своего психосексуального развития? «Фигура умолчания» по самой сути своей безнравственна!

Прошлой осенью в Варшаве я был участником V Международного семинара сексологов стран социализма. Там было убедительно показано, что успех полового воспитания молодежи в таких странах, как ПНР, ЧССР, ГДР, во многом определяет большое коли-

чество разнообразных брачных и семейных консультаций, а также специальных центров для юношей и девушек.

— А как на фоне этой общей картины выглядит положение нашей страны?

— Прямо скажем, неважно. Правда, в последние годы произошли у нас положительные сдвиги — появились в Москве, Ленинграде, Вильнюсе, других городах консультации по вопросам семьи и брака. Но это только первые шаги. Многие женщины посещать подобные центры стесняются. Школьникам и вовсе пойти некуда. Главная же проблема — низкий профессиональный уровень, особенно в том, что касается сексологических аспектов брака. Лекции и консультации по этим вопросам зачастую проводят случайные люди, не имеющие специальной подготовки, да и получить ее негде. Отечественная психология много лет является практически бесполой; особенностей поведения и психики мужчин и женщин, не говоря уже о сексуальности, никто систематически не изучает. В массовом сознании сексология прочно ассоциируется с сексопатологией. В медицинских и педагогических вузах студенты не получают сведений о сексуальном поведении и его закономерностях. Сексологии как науки о здоровом, нормальном сексуальном поведении человека у нас до сих пор не существует!

— Какими же вам представляются пути развития этой области?

— Она может развиваться только комплексно, в тесной связи с другими науками о человеке. Нужны биологическо-медицинские, психологические, социологические, демографические, этнографические и культурологические исследования. Многие острые проблемы семейной жизни в рамках системы Минздрава не могут быть решены, так как они связаны не столько с физиологией, сколько с психикой и зависят от множества социальных и культурных условий. По данным московской консультации брака и семьи, 97 процентов проблем, с которыми сюда обращаются люди, — психологического характера. От 60 до 90 процентов пациентов специальных медицинских консультаций испытывают в основном психологические трудности. Врач без помощи психолога зачастую справиться с ними не может. А психологии пола и сексуальности в СССР нет!

— Выходит, наша психологическая безграмотность, незнание особенностей психологии мужчины и женщины напрямую связаны с сексуальной безграмотностью?

— Сексуальная безграмотность — часть психологической безграмотности. Чтобы ситуация изменилась, нужна такая же радикальная перестройка, как и в прочих областях нашей жизни. В медицинских вузах надо создавать кафедры сексологии, на которых вместе с врачами работали бы психологи и социологи.

Вопреки здравому смыслу усилия прилагаются не столько к распространению научных знаний, сколько к их «засекречиванию». Специалисты не имеют возможности участвовать в международных сексологических конгрессах (последний состоялся в Гейдельберге в июне 1987 года). Научная литература по сексологии из стран социализма несколько лет назад перестала поступать в книжные магазины. А ведь опыт этих стран для нас весьма полезен.

— Вы обещали вернуться к проблеме абортов и контрацептивов...

— Это яркий пример того, как пагубны отсутствие гласности и привычка принимать социальные проблемы за чисто медицинские или педагогические. Запугать население, включая практических врачей, действительными и мнимыми опасностями гормо-

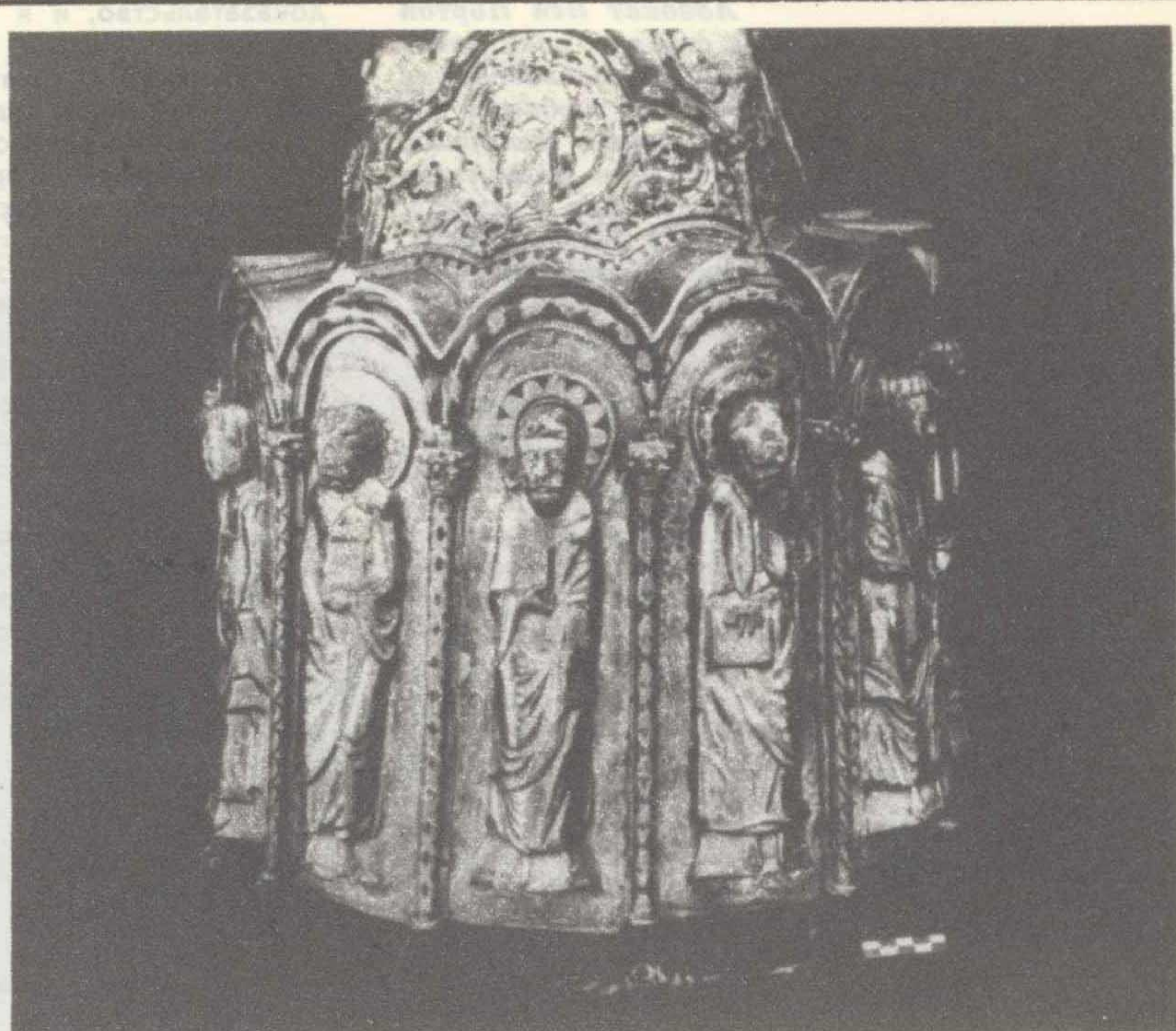
нальных препаратов было значительно проще и дешевле, чем обеспечить повышение квалификации гинекологов и эндокринологов и наладить производство современных средств контрацепции. В результате искусственный аборт остается в СССР одним из самых распространенных методов ограничения рождаемости. Для многих женщин он психологически более приемлем, чем контрацепция. Особенно страшно, что очень часто прерывается первая беременность, причем это делается, несмотря на легальность аборта, вне больничных условий, что многократно повышает риск всевозможных осложнений.

После моего ответа во время памятного телемоста на вопрос Доухаю, на который никто из аудитории (а она была, вы видели, довольно разговорчивой) не пожелал отвечать, меня обступили женщины и спрашивали: «Вы серьезно поддерживаете гормональные контрацептивы? Ведь они вредны!» Но не нужно быть гинекологом или эндокринологом, чтобы знать, что дело не в пилюлях, а в наличии достаточного их выбора и обязательно — индивидуального врачебного подбора и контроля. Есть у нас сегодня эти условия? Увы, нет! Недаром проведенное обследование Всесоюзным центром репродуктивной функции женщины более чем 3000 жительниц Москвы, Ворошиловграда, Баку и Средней Азии (город и село) установило, что более половины женщин пока пользуются традиционными местными средствами контрацепции, а доля современных средств незначительна. Не удовлетворяют и знания населения в этой области.

Так что же: скажем об этом вслух или лучше умолчим, чтобы не касаться «интимной» сферы? Социальные аспекты, которые необходимо учитывать, имеют и эпидемиология венерических заболеваний, и СПИД. Одни медики, без помощи общественных наук, этот тяжелый «воз» не вывезут.

— Игорь Семенович, я предвижу, что некоторые читатели после этой беседы напишут нам, как написала 40-летняя москвичка, просившая не называть ее фамилии: «Не обижайтесь, но мне кажется, что ваши публикации ничего существенного не изменят. Вот если при каждом загсе была бы психологическая служба и психологи проводили «ролевые игры», чтобы молодые люди реально представили себе, что ожидает их в браке, да если бы еще сюда подключили врача-сексолога — вот это было бы реальной помощью молодой семье, и тогда было бы разводов меньше и абортов, которые калечат наших женщин!»

— Важность решения этой проблемы в последнее время, кажется, осознана, и предпринимаются шаги по исправлению положения. Вопрос этот не только деликатен, его решение требует участия фундаментальных наук. Прикладные аспекты, которых мы с вами касались, — только верхушка айсберга. Быстрые результаты здесь невозможны. Если даже мы сегодня создадим идеальную систему полового просвещения, его плодами в полной мере воспользуются только внуки нынешних молодых людей. Да еще прибавьте время, необходимое для подготовки кадров... Заниматься же этим некому. Нужны совместные усилия Академии наук СССР, Академии медицинских наук, Академии педагогических наук, Минздрава, Минвуза и Минпроса. Однако руководство АН СССР не считает эту тематику своей (хотя какая может быть фундаментальная наука о человеке без учета пола и сексуальности?!), а прочие учреждения не могут охватить ее целиком, то есть смотрят со своих ведомственных колоколен. Разве что делом всерьез займется Госкомитет по науке и технике? Откровенность и гласность — это хорошо. Но без развития фундаментальной науки практика не получит реальной помощи.

ВОЗРОЖДЕННАЯ РЕЛИКВИЯ

НАСЛЕДИЕ

Наверное, эту конференцию, состоявшуюся во ВНИИ реставрации, можно было бы посчитать проходным рабочим мероприятием, если бы не странное волнение, исходившее от стоящего здесь же необычного предмета. Мерцающий благородной позолотой и серебром, он постоянно возвращал нас от обыденных «сделано» и «проведено» в мир сокровенных тайн истории и не менее увлекательный мир научных открытий. Все это неуловимо напоминало день рождения — цветами, приподнятостью настроения, радостной суетой. Но вот «новорожденного» погружают в автомобиль и отправляют на постоянную экспозицию в Оружейную палату. В Кремль, который он видел еще белокаменным.

Древнейшую дароносицу из Успенского собора не хочется называть скучным словом «экспонат». С виду это небольшая модель храма (есть мнение, что она напоминает первый каменный Успенский собор). Но и тонкая скульптурная работа, и искусная гравировка, и вся его возвышенная красота меркнут перед хранимой им памятью об ушедших веках.

Споры велись вокруг датирующей надписи, помещенной на памятнике: «В лето 6994 года сделан сей иерусалим повелением благоверного и христолюбивого Великого князя Ивана Васильевича господаря Всея Руси в 25 лето господарства его в церковь Успения Пречистая и ко гробу чудотворца Петра на Москве». Это послание из глубины веков не убеждало ученых еще в девятнадцатом столетии. 6994 значит по новому летоисчислению 1486 — пятнадцатый век. А некоторые части дароносицы больше походили на создание века двенадцатого. Самое авторитетное мнение, высказанное по этому вопросу, приписывало работу над памятником мастерам Фридриха Барбароссы, работавшим при дворе Андрея Боголюбского. А надпись, как предполагалось, появилась позже, при перделке, и

опять немецкими ремесленниками.

Но споры спорами, а перед реставраторами сектора металла ВНИИ реставрации (М. Гринкруг и М. Нацкий) задача стояла другая и вполне конкретная — возродить памятник, находившийся поистине в плачевном состоянии. Глядя на эти узорчатые маковки, трудно поверить, что почти каждая из 103 частей, на которые разобрали реликвию, была безнадежно помята, залита воском, разорвана. Некоторые отломанные детали хранились отдельно, все три яруса плохо состыковывались, и это вело к новым повреждениям. И всюду — следы непрофессиональной чинки. Процесс реставрации осложнялся еще и тем, что многие привычные методы применять было рискованно — могли повредиться чернь и позолота.

И все же эти трудности не заставили реставраторов ограничиться возрождением памятника. Уникальную возможность исследовать его в разобранном виде упустить было нельзя, научная работа пошла параллельно с восстановительной, и ответ на более чем столетний спор о дате и месте рождения памятника был наконец дан. Это детище пятнадцатого века, и рождено оно нашими мастерами: его связь с древнерусской иконописью и деревянным зодчеством очевидна.

1486 год. За шесть лет до этого — великое стояние на Угре, ознаменовавшее конец монголо-татарского ига. Одновременно происходит объединение под властью Москвы разрозненных русских земель. Говоря о культуре этого трудного времени, ученые привычно констатируют бедность русских ремесел, объясняя ее тяжестью нашествия и междоусобными войнами. Замечательное творение отечественных мастеров позволяет полностью переменить эту точку зрения. Возрожденный памятник не только дарит нам ослепительную красоту, но и говорит о том, что эпоха Андрея Рублева была вообще великой эпохой русского искусства.

Геллия БЕЛКОВА

Адвокат Бен Нортон на свой страх и риск ведет параллельно с полицией расследование убийства любимой им женщины Донны Хендрикс. Она приехала в Вашингтон к президенту Чарлзу Уитмору, от которого ждет ребенка. Однако Нортон вначале ничего не знает об этом. Он только замечает, что помощник президента Эд Мерфи, отрицая очевидные факты, пытается завести расследование в тупик, а когда это не удается, то стремится запугать Бена, а затем и подкупить, предлагая хорошую работу. Нортон остается в одиночестве, так как те, кто мог бы помочь ему, либо отказались от своих показаний, либо погибли. В это время в руки Нортон попадает пленка с записью разговора, во время которого была убита Донна Хендрикс. При встрече адвоката с президентом Уитмором они прослушивают пленку. Уитмор узнает, что в смерти Донны повинен его друг Ник Гальяно.

доказательство, и я сдаюсь. А в противном случае пошел к черту.

— Никаких доказательств у меня нет,— сказал Нортон.— Я лишь поднимаю вопрос. И, кроме него, еще полно неясностей.

— Например?— спросил Уитмор.

— Многие, мистер президент,— ответил Нортон.— Многие, что по отдельности может быть случайностью, но, взятое вместе, говорит о попытке укрывательства. Во-первых, кто-то неизвестный позвонил мне в то утро, когда обнаружили тело Донны. Во-вторых, Фил Росс сказал мне, что видел Эда с Донной, а потом, после разговора с Эдом, отказался от своих слов. В-третьих, Гвен Бауэрс получила большую должность после того, как взяла назад свои слова о ваших отношениях с Донной. В-четвертых, сенатор Нолан рассказал мне, что вы приезжали к Донне в Кармел, и после этого был убит. В-пятых, министерство юстиции сфабриковало против Филдса дело о наркотиках, вынудив его тем самым заявить, будто Донна забеременела от него, а потом, когда он решил сказать правду, его убили.

Кифнер и Мерфи встали. Эд злобно поглядел на Нортон, потом пошел к двери вслед за Кифнером. Президент поднялся, поглядел в окно и с каким-то изумлением повернулся к Нортону.

— А ведь сегодня выходной, Бен. Ну и выходной! Хочешь виски, сигару, чего-то еще?

— Нет, благодарю.

Уитмор сел снова.

— Работу ты проделал громадную, Бен,— сказал он.— Ты всегда был усердным работником. И упрямым, как мул. Донна вспоминала о тебе. Говорила, что такого надежного человека, как ты, не встречала. Жаль, что ты не женился на ней.

— Я собирался, но тут вмешались вы,— сказал Нортон и поразился собственной злости. Неужели он так ненавидит Уитмора? Может, Мерфи прав, может, он хочет мести?

Увидев благоприятную возможность, Уитмор тут же за нее ухватился.

— Понимаю твои чувства, Бен, и не осуждаю тебя. Но представь себя на моем месте. Я не прошу прощения за то, что сошелся с Донной. Черт возьми, я даже не могу объяснить этого,

ЛЮБОВНИЦА ПРЕЗИДЕНТА

РОМАН

Патрик АНДЕРСОН

Рисунки
Геннадия НОВОЖИЛОВА

Он прикрыл глаза, потом открыл и увидел, что президент ждет ответа на свой вопрос.

Нортон оглядел всех троих, стараясь увидеть их такими, какие они есть: Чарлз Уитмор, самый талантливый, самый целеустремленный политик, какого он знал, человек немало-го мужества и бесконечного коварства; Эд Мерфи, профессиональный сукин сын, чье грубоватое обаяние не могло скрыть его постоянной, возможно, и оправданной жестокости; Фрэнк Кифнер, молодой человек, поспешно делающий карьеру, видимо, не чета двум другим, но из-за стремления вверх готовый делать все, что может пойти на пользу его боссам и его будущему. И подумал, что понимает их лучше, чем себя. Ему было ясно, что они представляют собой; вопрос заключался в том, что представляет собой он. В памяти его всплыл знаменитый совет Сэма Рейберна одному молодому конгрессмену, фраза, которую он много раз слышал в Капитолии и считал, что ее нужно высечь там в камне: «Если хочешь жить в ладу с самим собой, уходи».

И они постоянно толкали его к уходу.

— Мистер президент,— сказал он,— кажется, мы слишком забегаем вперед. Забываем о многих вопросах, ответов на которые пока нет.

— Каких же, Бен?— спросил Уитмор.

— По записи на пленке мы знаем, что Ник убил Донну и ушел из того дома,— сказал Нортон.— Знаем, что кто-то — по словам Ника, Риддл — позднее явился в тот дом, стер все отпечатки пальцев и взял катушку с пленкой. Видимо, это действительно Риддл, потому что в конце концов пленка оказалась у него. Но вопрос в том, кто послал Риддла туда.

— Вопрос? Как тебя понять, черт возьми?— возмутился Мерфи.— Ник сказал нам, что он обратился к Риддлу за помощью!

— Я знаю, что сказал Ник,— ответил Нортон.— Но сомневаюсь в правдивости его слов. Я не уверен, что Ник в такой отчаянной ситуации, когда ему грозило обвинение в убийстве, а президенту — бог весть какие осложнения, обратился бы к кому-то вроде Риддла, которого едва знал. По моему, он обратился к тому, кому доверял полностью.

— К чему ты клонишь?— спросил Уитмор.

— Мистер президент,— ответил Нортон,— будучи полностью объективным, я подозреваю, что Ник обратился к Эду Мерфи или к вам.

Эд Мерфи подскочил.

— Сукин сын!..

— Сядь и замолчи!— прикрикнул президент. Мерфи повиновался.— Ясно, Бен, понимаю. Ты считаешь, что Ник обратился ко мне или к Эду и кто-то из нас решил послать туда Риддла. Это логично. Но могу твердо заявить, что Ник не обращался ко мне по поводу смерти Донны.

— Ко мне тоже не обращался!— крикнул Мерфи.— И я возмущен этим предположением. Подтверди его, Нортон, или помалкивай. Предъяви

Потом министерство юстиции затеяло игру со мной, и Уит Стоун тоже, целью этих игр было заткнуть мне рот.

— Поймай, поймай,— сказал Эд Мерфи.— Половина того, что ты сказал,— домыслы, другая половина — дело рук Риддла. Ты разве не слышал, что сказал Ник? Они с Риддлом действовали на пару.

— Я не удивлюсь, если это Риддл звонил мне в то утро, когда обнаружили Донну, чтобы навлечь на меня подозрения,— сказал Нортон.— Не удивлюсь, если это Риддл убил Нолана и Филдса. Но вопрос в том, действовал ли он по собственному почину или кто-то его направлял. А кое-что из того, о чем я упомянул,— получение Гвен должности или давление министерства юстиции на Филдса — от Риддла не зависело. Я хочу сказать, что все эти факты предполагают организованное в высших сферах укрывательство того, что Ник убил Донну и что президент состоял в связи с Донной.

— Ты ничего не сможешь доказать!— крикнул Эд Мерфи.— Ты хочешь только раскопать грязные подробности и погубить президента. И все из-за того, что подружка отвергла тебя.

— Я только хочу,— ответил Нортон,— нормального расследования смерти Донны с учетом всех обстоятельств. Сейчас складывается впечатление, что Ник хочет взять на себя вину вышестоящих, а прокуратура прячет голову в песок.

— Я возмущен этим предположением,— сказал Фрэнк Кифнер.

— Тогда vedi это дело, как и все дела об убийстве.

— Как и все дела об убийстве,— злобно повторил Эд Мерфи.— Почему не говоришь напрямую? Ты хочешь мести. Ты прекрасно знаешь, стоит репортерам узнать о нем и о Донне, этой администрации конец.

— Не знаю, конец ли,— ответил Нортон.— Если да, то ничего не поделаешь.

— Так спокойно говоришь об этом, гад,— прошипел Мерфи.— Ты...

— Успокойся, Эд,— сказал президент.— Может, вам с Фрэнком посидеть у тебя в кабинете, а мы с Нортон поговорим.

все произошло само собой. Но произошло с обоими, и всерьез. Несколько раз мы пытались разорвать связь, но ничего не получалось. Поэтому в январе я приезжал к ней — ты об этом знаешь. А два месяца спустя я узнал, что она беременна. Она даже не хотела сообщать мне об этом. Я как-то позвонил ей и понял: произошло что-то неладное. В конце концов она открылась мне. Я чуть с ума не сошел. Кончилось тем, что я уговорил ее приехать в Вашингтон и все обговорить вдвоем. Она собиралась родить ребенка и никому ничего не сообщать.

Нортон глядел под ноги; выслушивать это ему не хотелось, но выбора у него не было.

— Меня это не устраивало,— продолжал Уитмор.— Я боялся, что она выйдет замуж, что моего ребенка будет воспитывать кто-то другой. И не знал, что делать. Две недели перед ее приездом я места себе не находил. То подумывал развестись с Клэр, жениться на Донне и заявить всей стране: нравится тебе это или нет — глотай. То подумывал жениться на ней после первого срока. Только не знаю, согласилась бы она. Вот чем был вызван ее приезд. Она приехала. И Эд виделся с ней, обсуждал кой-какие детали. А в тот вечер, когда я собирался к ней, на той стороне улицы была демонстрация, и все сорвалось. Да еще я беспокоился из-за той книги, что она писала, это беспокоило и Ника, а остальное ты знаешь.

— Да, остальное я знаю.

— Я только хочу сказать, как бы ты ни относился ко мне из-за Донны, не руководствуйся этим в своих решениях.

— Я не руководствуюсь,— сказал Нортон.— Донна мертва, ее убил Ник. Речь не о ней. Речь о том, что после ее смерти кое-кто пытался прикрыть преступление.

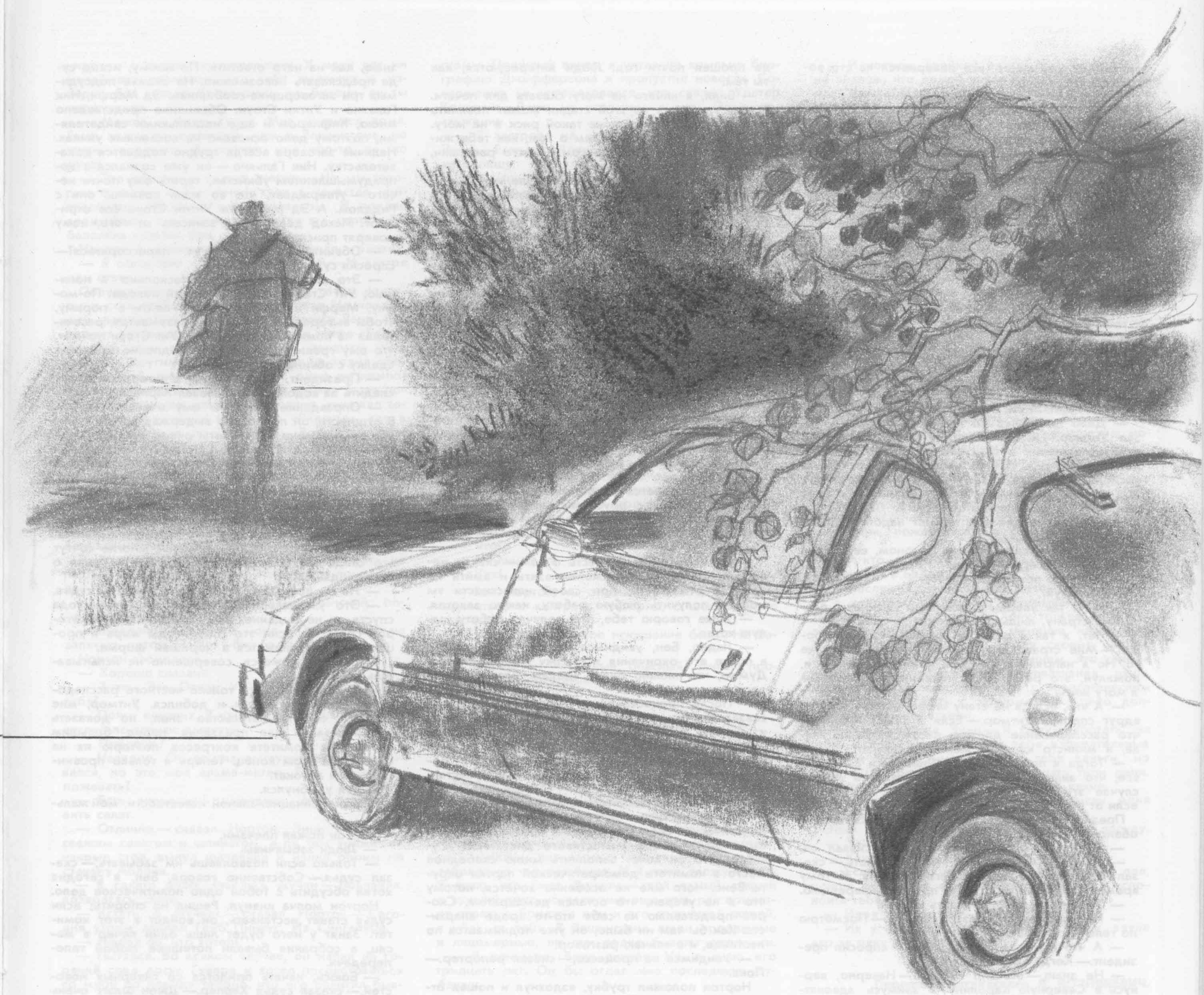
— Ладно,— сказал Уитмор.— Давай поговорим об этом. Ты считаешь, что Ник после убийства обратился к Эду, Эд обратился к Риддлу, и с тех пор Эд занимался укрывательством. Так?

— Думаю, что это вполне вероятно. Вероятно также, что к укрывательству были причастны и другие.

— Например?

— Например, Уит Стоун. Например...

Окончание. См. «Огонек» №№ 14—26.

Уитмор усмехнулся.

— Договаривай, Бен.

— Например, вы.

Уитмор еще с минуту сохранял усмешку, словно наслаждаясь, потом она увяла.

— Предположить можно все, Бен,— сказал он,— но я к этому не был причастен. Что касается Уита Стоуна, он, по-моему, вел собственную игру. Конечно, не исключено, что этот Риддл занимался двойной игрой, работая на Мерфи и на Стоуна. Я не знаю. Но главное, если Эд и был к этому причастен, доказать это будет чертовски трудно, покада Ник и он будут утверждать обратное. А если не сможешь ничего доказать, эта история будет очень неприятна для всех сторон. Я прав?

— Видимо, да.

— Тогда позволь задать тебе такой вопрос. Что, если Эд подаст в отставку? Сегодня же уйдет отсюда и больше не вернется? И мы покончим с этой историей здесь? Ник признаётся в непредумышленном убийстве, Эд уходит, и на этом конец.

Нортон покачал головой.

— Так не пойдет, мистер президент. Если Эд покрывал убийство, он совершил преступление. Если нет, он должен остаться на своей работе. Компромисс здесь невозможен.

— Это обычный способ улаживать дела.

— В политике да. Но не в законе.

— Закон для тебя так много значит?

— Это основное, что у нас есть,— сказал Нортон.— Либо у нас существует закон, либо мы снова живем в джунглях.

— У нас есть хорошие вакансии в министерстве юстиции,— сказал Уитмор.— Мы могли бы взять тебя туда.

Нортон поглядел в хмурое лицо Уитмора и понял, что говорят они на разных языках. Расстроенный этим, он ответил резче, чем следовало:

— Меня не интересует работа в министерстве юстиции.

Уитмор поглядел на свою сигару, зажег ее снова, с удовольствием пыхнул несколько раз, а потом с меньшим удовольствием обратил взгляд на Нортона.

— Значит, не интересует?— с презрением сказал он.— Ну вот что, мистер Праведник, позволь задать тебе такой вопрос. Интересует тебя мой законопроект о страховании здоровья? Интересует тебя моя школьная программа? Помнится, работая у меня в штате, ты ими очень интересовался.

— Интересуюсь и сейчас.

— Да? Так вот, если ты втянешь меня в скандал, им конец. Послушай, Бен, я многого добился, я многое делал для страны, но, если эта история получит огласку, мои противники дискредитируют меня и все, за что я стою. Тебе ясно? Ты играешь им на руку. В самом лучшем случае моя программа провалится. И, возможно, это еще не все. Конгресс в последние несколько лет чувствует свою силу и может использовать ее полностью. Я имею в виду импичмент.

Уитмор сделал паузу, чтобы его слова дошли. Нортон неловко заерзал в кресле.

— Ты знаешь, кто такой вице-президент и за что он стоит,— сказал Уитмор.— Я взял его, потому что он был мне нужен на выборах, но, если

он займет мое место, все повернется на сто семьдесят градусов.

Нортон беспомощно развел руками.

— Мистер президент, не исключено, что расследование убийства Донны приведет к этому. Я не знаю. Но поделаться ничем не могу.

— Ничего не можешь! — гневно сказал президент. — Для начала можешь спуститься на грешную землю. Нельзя заварить такую кашу и уйти в сторону. Ты должен отвечать за свои поступки.

— И вы тоже. В том-то и дело.

Уитмор поднялся и стал рассказывать по кабинету.

— Бен, когда это дело раскрутится, кое-кто заинтересуется твоими мотивами. Учти, тебя будут всячески обзывать.

— Ничего.

— И, судя по тому, что мне сказал Кифнер, у тебя могут быть неприятности за утаивание сведений от полиции.

Нортон чуть не рассмеялся.

— Хотя верьте, хоть нет, я старался оберегать вас. Не хотел без крайней необходимости рассказывать о вашей связи с Донной. Но это обвинение принять риску.

— Дело не только во мне и конгрессе, — сказал Уитмор. — Видишь глобус? Послушай, у нас есть осложнения в таких местах, о которых ты даже не слышал. И будь уверен, другая сторона воспользуется ими, видя, что дома меня режут под корень. А если они начнут теснить, я отвечу тем же. Так и начинаются войны. Подумай об этом. То, что ты делаешь, может надолго испортить судьбу страны.

— Если вы находитесь над законом, ее судьба испорчена навсегда, — ответил Нортон.

— Это твоё последнее слово?

— Пожалуй.

— И ты так уверен в себе, что рискнешь расколоть страну, лишь бы настоять на своем?

— Нет, я так в себе не уверен, — сказал Нортон. — Мне страшно до смерти, что я делаю не то. Но я напряженно думал, принял решение, и, пожалуй, это решение единственное, с которым я могу жить.

— А что, если я не стану играть в твою игру? — вдруг спросил Уитмор. — Если я скажу Кифнеру, что расследование должно касаться только Ника, и министр юстиции меня поддержит?

— Тогда я позвоню Гейбу Пинкису и расскажу все, что знаю, включая этот разговор. В любом случае эта история станет известна. Но лучше, если от вас.

Президент вздохнул, тело его, казалось, слегка обвисло.

— Для этого потребуется время, — сказал он.

— Двадцать четыре часа я буду молчать, — сказал Нортон. — До завтрашнего полудня. К тому времени вы успеете собрать пресс-конференцию.

— Ты хочешь присутствовать на ней?

— Не особенно, — сказал Нортон. — Посмотрю по телевизору.

— А что станет с тобой, Бен? — спросил президент. — Когда все будет позади?

— Не знаю, — ответил Нортон. — Наверно, вернусь в Северную Каролину и займусь адвокатской практикой.

Уитмор в изумлении поглядел на него, потом внезапно встал. Решение было принято, встреча была окончена.

— Ну что ж, кажется, все. Ты крепкий орешек, Бен. Жаль, что ты не на моей стороне.

— На вашей, мистер президент. Честное слово, на вашей.

Они обменялись рукопожатием, и секунду спустя Нортон покинул Белый дом, как ему казалось, навсегда. Когда он вышел из ворот и пошел по Пенсильвания-авеню, с одной стороны, ему, как жене Лота, хотелось оглянуться в последний раз, с другой — было страшно, и поэтому он шел, не оглядываясь.

32

Звонок раздался без десяти одиннадцать. Нортон неохотно снял трубку — он перестал давать интервью, — но репортер оказался его вашигтонским знакомым, Нортон с уважением относился к тому, что он пишет, и решил поговорить с ним.

— Бен? Как там дела?

— Все отлично, Билл.

— Ты занят?

— Не особенно. Чем могу быть полезен?

— На будущей неделе начинается суд, и я решил написать о тебе. Главный свидетель возвращается в Вашингтон и все такое. С твоего отъез-

да прошел почти год. Люди интересуются, как ты там.

— Билл, я ничего не могу сказать для печати. Всякая гласность на этой стадии может повлиять на ход процесса, пойти на такой риск я не могу.

— Давай тогда поговорим о том, как тебе живется. Без связи с процессом. Просто Расскажи, чем ты там занимаешься.

— Я адвокат в маленьком городке, вот и все. Контора моя находится на втором этаже старого дома, выходящего фасадом на здание суда округа Венс. Из окна видна площадь с цветущим кизилом, в центре ее памятник павшим конфедератам, на скамейке под ним целыми днями сидят старики, жуют табак, строгает ножами палочки и рассказывают небылицы. Во второй половине дня я выступаю на процессе по оскорблению личности. Потом встречаюсь с владельцем табачной фермы, желающим изменить завещание. Вот так и идут дела.

— И ты доволен такой жизнью?

— Доволен, как свинья в клевере.

— У тебя не возникает желания вернуться в Вашингтон?

— Билл, помнишь, что говорит Гек Финн в конце книги? «Мне этого не терпеть. Я уж попробовал». Такое же отношение у меня к Вашингтону. Я уже пробовал.

— Как Энни? Привыкает к деревенской жизни?

— Она от нее в восторге. Пишет роман. Кроме того, занимается садом и много ездит верхом. Мы играем с друзьями в бридж. По воскресеньям, если позволяет погода, ездим рыбачить на озеро. Простая жизнь — тут не о чем писать.

— По-моему, как раз есть о чем, — сказал репортер. — В твоём положении взять и выйти из игры. Черт возьми, при своей известности ты мог бы получить любую работу, какую захотел.

— Я же говорю тебе, что получил работу, какую хотел.

— Ладно, Бен, увидимся во время процесса, а после его окончания я съезжу навестить тебя. Думаю, что можно будет сделать материал для воскресного выпуска.

— После процесса было бы гораздо лучше, — сказал Нортон. Выглянув в окно, он увидел, что из здания суда вышел судья Харпер и быстро идет через площадь.

— Билл, я вынужден положить трубку. У меня встреча с человеком, которого нельзя заставлять дожидаться.

— Что-нибудь любопытное?

— Пока не знаю. Это судья Харпер, местная политическая сила. Насколько я помню, он всегда был чем-то вроде милостивого диктатора. Думаю, что он хочет заполнить мною свободное место в комитете демократической партии округа Венс. Чего мне не особенно хочется, потому что я не уверен, что остался демократом. Скорее представляю из себя что-то вроде анархиста. Как бы там ни было, он уже поднимается по лестнице, и я кончаю разговор.

— Увидимся на процессе, — сказал репортер. — Пока.

Нортон положил трубку, вздохнул и пошел открыть дверь судье Харперу.

— Здравствуйте, судья.

— Доброе утро, Бен. Выглядишь ты хорошо.

— Вы тоже.

Нортон не льстил. Судья был высоким, сухопарым, седовласым, за тридцать с лишним лет, что Нортон знал его, он не прибавил веса ни на фунт.

— А как твоя милая жена?

— Прекрасно, судья. Она шлет вам привет.

Они сели, и Нортон молча ждал, пока судья раскурит трубку. Ему нравился этот старик. Можно было сказать, что, помимо всего прочего, он реакционер и расист, но ему была присуща некая чистота и он был беззлобным. Сын его, погибший в 1965 году во Вьетнаме, был лучшим другом Нортон.

— Вот что, Бен, — сказал судья, когда трубка задымила. — Кажется, на будущей неделе ты едешь в Вашингтон на процесс.

— Да.

— Как думаешь, долго продлится суд?

— Говорят, что может затянуться на два месяца, — сказал Нортон. — Я надеюсь вернуться раньше.

— Но ты главный свидетель обвинения, так ведь?

— Видимо, да. Это — сложное дело.

— Чем, по-моему, оно кончится? Это допустимый вопрос?

— Допустимый, — сказал Нортон. — Только я не

знаю, как на него ответить. По-моему, исход суда предсказать невозможно. На скамье подсудимых три заговорщика-сообщника: Эд Мерфи, Ник Гальяно и Уитни Стоун. Обвинение представлено мною, Кифнером и еще несколькими свидетелями, поэтому дело основано на косвенных уликах. Наличие заговора всегда трудно поддается доказательству. Ник Гальяно — он уже сознался в непредумышленном убийстве, терять ему почти нечего — утверждает, что во всем повинны они с Риддлом. А Эд Мерфи и Уитни Стоун все отрицают. Исход дела будет зависеть от того, кому поверят присяжные.

— Обвиняемые не могут перессориться? — спросил судья.

— Это вполне возможно. Насколько я понимаю, Уит Стоун — джокер в этой колоде. По-моему, Мерфи и Гальяно готовы пойти в тюрьму, чтобы выгородить Уитмора — разумеется, рассчитывая на помилование, но если Уит Стоун поймет, что ему грозит тюрьма, то немедленно заключит сделку с обвинением.

— Президент, должно быть, с интересом будет следить за ходом суда, — сказал Харпер.

— Оправдание было бы ему очень на руку. В сущности, он прекрасно выдержал кризис, приняв во внимание все. Газеты очень снисходительно отнеслись к его связи с Донной. И поддержка миссис Уитмор очень помогла ему. Никаких свидетельств, что он знал об укрывательстве, нет. Может, и знал, но доказать это невозможно. Пока он виновен только в том, что завел любовную интрижку и слишком доверял кое-кому из друзей. Кампания об импичменте так и не началась. А если Эд Мерфи будет оправдан, многие сочтут это свидетельством того, что Уитмор не знал о происходящем.

— Но он пострадал как политик, — сказал судья.

— Это уж наверняка. Может быть, два года спустя он не выдвинет свою кандидатуру на второй срок. Но если это будут годы мира и процветания, он окажется в хорошей форме.

— Бен, ты, кажется, совершенно не испытываешь злости.

— Я хотел добиться только честного расследования убийства Донны и добился. Уитмор, мне кажется, об укрывательстве знал, но доказать это нельзя. Я дал показания перед большим жюри и в комитете конгресса, повторю их на суде, и на этом конец. Теперь я только провинциальный адвокат.

Судья улыбнулся.

— При всенациональной известности, мой мальчик.

Нортон пожал плечами.

— Люди забывчивы.

— Только если позволяешь им забывать, — сказал судья. — Собственно говоря, Бен, я сегодня хотел обсудить с тобой одно политическое дело.

Нортон молча кивнул. Решил не спорить; если судья станет настаивать, он войдет в этот комитет. Занят у него будет лишь один вечер в месяц, а собрания бывали потешнее любой телепередачи.

— Боюсь, начать придется со скверных новостей, — сказал судья Харпер. — Джон Флэгт очень болен. Я разговаривал с ним вчера. Переизбрать его в этом году нет никакой возможности.

— Жаль, — сказал Нортон. — Хороший был конгрессмен.

— Да, конечно, — сказал судья. — Но теперь те из нас, кому небезразличны партийные дела, должны подыскать кандидата ему на смену.

Нортон рассмеялся.

— Судья, когда я последний раз выглядывал в окно, на ступенях здания суда стояло трое или четверо молодых юристов, полагаю, любой из них согласится баллотироваться. И кое-кто окажется неплох.

— Неплох — этого нам мало, Бен. Нам нужен человек, который будет служить в Вашингтоне безупречно, добьется превосходства и, возможно, при удобном случае станет сенатором. Кажется, я знаю, кто нам нужен. Единственная задача — убедить его, потому что иногда он бывает упрямым.

— Не сомневаюсь, что убедите, — сказал Нортон. — Кто же этот счастливчик?

— Ты.

— Что? — Нортон чуть не свалился со стула.

— Можешь не давать сейчас ответа, Бен.

— Я потрясен, судья. Я не кандидат даже в собаководы, тем более в конгресс. И не так уж хорошо известен. Вернулся я меньше года назад.

— Ерунда. Ты один из самых известных людей в этой части штата. Многие помнят тебя еще школьником, и, конечно, недавняя слава напо-

нила им о твоём существовании. У меня нет ни малейшего сомнения, что тебя выдвинут и изберут. Вот только беспокоюсь, не будешь ли ты упрячиться.

— Может, и буду, судья. Мне нравится дома. Темп здесь помедленнее, чем в Вашингтоне, но жизнь хорошая. Вашингтон мне что-то не по душе.

— Это понятно, — сказал старик. — Но мы говорим о твоём возвращении туда в качестве конгрессмена. Независимым человеком. И трудно предсказать, куда может привести эта дорога. Ты баловень судьбы, Бен.

Нортон в нерешительности покачал головой.

— Я поговорю с Энни, — сказал он. — И завтра дам ответ.

Полчаса спустя Нортон вышел из своей конторы и стал оглядывать площадь. Миновал Национальный фермерско-торговый банк округа Венс, где лежала закладная на его новый дом, кафе «Белый дворец», где обедал за доллар двадцать пять центов с другими юристами, когда не ходил обедать домой, аптеку дока Хейса, одно из немногих оставшихся в мире мест, где можно было получить настоящее солодовое молоко, миновал заколоченный досками кинотеатр «Риальто», где в детстве смотрел по субботам Роя Роджерса, Джона Уэйна, Эббота и Костелло. Потом свернул на Оук-стрит и пошел мимо изящных викторианских домов с длинными верандами и громадными старыми деревьями, затеняющими их от солнца. В дни его юности на Оук-стрит жили городские лидеры — врач, банкир, три адвоката, судья Харпер, и Нортон летом стриг у них газоны, подрабатывая на карманные расходы.

Энни сидела за кухонным столом, уставясь на пишущую машинку. Нортон нагнулся и поцеловал ее.

— Как движется великий американский роман? — спросил он.

— Медленно, — сказала она. — Полдня ставлю запятую, потом полдня убираю ее.

Нортон засмеялся.

— Хорошо сказано.

— Знаю. Это Оскар Уайльд. Какие новости у тебя?

— Почти никаких. В школе просят, чтобы я выступил по случаю выпуска.

— Пойдешь?

— Наверно. От других выступлений я отказывался, но это моя альма-матер. Есть что-нибудь пожевать?

— Есть вчерашний цыпленок. Могу приготовить салат.

— Отлично, — сказал Нортон. Энни вышла за свежим салатом и шпинатом, а он тем временем накрыл стол, вынул цыпленка и налил обоим по стакану молока.

— В салате опять завелись жучки, — объявила, возвращаясь, Энни.

— Кстати, о жучках, — сказал Нортон. — Сегодня утром звонил Гейб Пинкус. Из Сингапура.

— Нашел он, что хотел?

— Пытался. Во всяком случае, он напал на горячий след досье Гувера и хотел посоветоваться со мной по поводу теории, что его похитил бывший партнер Уита Стоуна. Я сказал, что теория его нелепа, и теперь он считает меня участником заговора. В будущем месяце он может приехать к нам.

— Я на порог его не пущу.

— Он сочтет тебя антисемиткой. Слушай, съешь последнюю цыплячью ножку?

— Ешь сам.

— Спасибо. — Он взял ножку, откусил и отложил ее. — Послушай, Энни, сегодня у меня было серьезное дело. Судья Харпер нанес мне визит. Сказал, что конгрессмен Флэгг болен и больше не будет баллотироваться. А потом предложил баллотироваться мне. Он считает, что я могу победить.

Энни выронила вилку и уставилась на мужа.

— Что ты ему ответил?

— Что мне нужно подумать и поговорить с тобой.

— И что ты надумал?

— Пока не знаю. Я еще не опомнился.

— Но тебе этого хочется?

— Конечно, кто бы не хотел. Только...

— Что только?

— Я подумал, что мы решим это по-своему. Не станем участвовать в этих крысиных гонках. Будем жить спокойно. Это не так уж плохо. Может, здесь и скучновато, но развлечений у нас было достаточно, правда?

— Конечно, достаточно.

— Кажется, я уже изгнал политику из своей си-

стемы. Прошлый вечер я читал на крыльце биографию Джефферсона и пропустил новости. Совершенно не интересовался, что скажет Уолтер Кронкайт. Даже не вспомнил о нем. Это — достижение.

— Я застряла на середине романа, — сказала Энни. — Если ты уйдешь в политику, я никогда его не допишу.

— И нашим детям будет прекрасно расти в таком маленьком городке. Вашингтон — не место для детей.

— Не место и для взрослых.

— Было бы безумием пробиваться в конгресс, — сказал он. — Я знаю, как это дается. Наш дом бы распался. Наши дети превратились бы в чудовищ. Было бы полнейшим сумасшествием. Об этом не может быть и речи.

— Ни слова.

Нортон засмеялся и допил молоко.

— Даже смешно. Люди моего возраста по всей Америке лгут, плетут интриги и готовы заложить душу за такую возможность, а я отказываюсь от нее.

— Ты умнее их.

— Мне повезло, — сказал он. — У меня прекрасная жена, и я веду хорошую жизнь в славной, тихой, законопослушной общине, я вышел из этих крысиных гонок, и было бы безумием променять эту жизнь на политику.

— Значит, ты уже все решил?

— Бесповоротно. Завтра скажу судьбе.

С минуту они сидели молча. Нортон смотрел в окно на далекие холмы, Энни смотрела на него.

— Знаешь, что я думаю? — сказала она наконец.

— Что?

— Ты лицемер.

— Как?

— Бен Нортон, ты знаешь, что хочешь баллотироваться в конгресс. Наверно, с шестилетнего возраста.

— Я сказал, что такое искушение было. Но Вашингтон...

— Вашингтон — грязный, опасный, алчный, продажный и лицемерный.

— Да.

— Но там делаются дела.

Нортон захлопал глазами и уставился в окно.

— И наше место там, — сказала Энни. — Потому что мы вашингтонцы.

— Ну его к черту.

— Это наркотик. Хуже азартных игр. Хуже никотина. Он входит в кровь. Ты не избавился от него, потому что однажды вечером пропустил Уолтера Кронкайта. Бен, здесь ты сходишь с ума. Я вижу это каждый вечер, когда ты возвращаешься с тусклым взглядом и мямлишь, чья корова забрела на чье пастбище. И я тоже схожу с ума. Я знаю, что Билл Доусон — твой самый старый и лучший друг, но если мне еще хоть раз придется играть в бридж с ним и его спятившей женой, я уйду от тебя. В Вашингтоне люди продажные и лицемерные, но они редко бывают скучными.

— Я понимаю, Билл скучен. Но я знаю его тридцать лет. Он бы отдал мне последнюю рубашку.

— И костюм двойной вязки? Бен, неужели ты не знаешь, что домой возврата нет? Не читал Томаса Вулфа? Или если возвращаешься, это уже не дом, а грязный захолустный городишко, и вскоре ты начинаешь вспоминать, почему покинул его. Нортон уныло кивнул.

— Знаешь, что произошло на прошлой неделе? Я не хотел тебе говорить. Миссис Коуэн, школьная учительница, пришла и сказала, что не понимает, почему платит процентную ставку за свою новую машину. Короче говоря, я выяснил, что банк и торговец автомобилями заключили сделку и при покупке в кредит надувают покупателя долларов на двести, потом делят их пополам. Конечно, если станешь жаловаться, они заявят, что это случайная ошибка.

— И что ты намерен предпринять?

— Я поговорил с Биллингсли, президентом банка, естественно, он сказал, что это недоразумение, и очень возмущился моим предположением, будто он может участвовать в чем-то недостойном. Но суть в том, Энни, что Биллингсли, наш президент банка, наш церковный староста, наш сосед по Оук-стрит, — такой же мошенник, как Уит Стоун. Или мечтает стать таким же.

— Если хочешь посвятить жизнь борьбе с такими мошенниками, ты с таким же успехом можешь делать это и в Вашингтоне.

— Да, — сказал он. — Я хотел вернуться домой, сделать попытку. Хотел пустить корни.

— Зачем тебе корни? Ты не репа. Будь перекасти-полем, малыш, и ни за что не цепляйся. Возможно, когда-нибудь ты станешь президентом.

— Энни, пожалуйста, не говори этого. Даже в шутку.

— А кто шутит? Я буду пилить тебя, пока ты не окажешься в Белом доме.

— Послушай, Энни, кроме шуток, если я попаду в конгресс, то не хочу задумываться о сенате, Белом доме и прочем. Хочу только добросовестно работать, получать хорошие назначения в комитеты и приносить пользу своему округу. Конгресс будет большим испытанием. Это уже не черно-белая либерально-консервативная чушь. Дела очень сложные. Как быть с энергетическим кризисом? Как быть с экономикой? Кто-то должен предложить ответы.

— Бен, — сказала Энни. — Я буду работать на тебя. Я буду заполнять для тебя избирательные урны, я буду «отмывать» для тебя деньги, но будь я проклята, если стану слушать твои речи. Нортон принялся расхаживать по кухне.

— Извини, — сказал он. — Но эти мысли меня взбудоражили.

Энни встала и, пока он ходил, убрала посуду.

— У меня есть идея, — сказала она.

— Какая?

— Если у тебя нет срочных адвокатских дел, можно податься в спальню и попытаться успокоить тебя.

— Идея прекрасная, — сказал Нортон.

— Их у меня миллион, — ответила Энни, взяла его за руку и повела наверх.

Перевел с английского Д. ВОЗНЯКЕВИЧ.

О СЕБЕ РАССКАЗЫВАЕТ ХУДОЖНИК ГЕННАДИЙ НОВОЖИЛОВ, ИЛЛЮСТРИРОВАВШИЙ РОМАН ПАТРИКА АНДЕРСОНА «ЛЮБОВНИЦА ПРЕЗИДЕНТА»

Об английском поэте Томасе Элиоте говорилось, что все им написанное вдохновлено несколькими исключительными по силе видениями, явившимися ему еще в юности.

Так было со многими художниками. А в моем детстве «исключительными по силе видениями» были левитановская «Золотая осень», синие лесные дали за Волоколамском и картинки в книгах.

Родился в 1936 году. Москвич. Учился в московской средней художественной школе. Курсы при киностудии «Союзмультфильм», затем работа художником-мультипликатором и художником-постановщиком на «Союзмультфильме», «Грузия-фильме», «Мосфильме». Фамилия в титрах 20 фильмов.

Однако любовь к иллюстрации перетягивает, и потому за 30 лет тьма рисунков в 30 редакциях журналов. Более 200 проиллюстрированных книг. Вначале делал, что давали. Набрал опыта, осмеливаюсь рисовать и к русской классике, и к современным хорошим писателям и поэтам.

Очень люблю многих зарубежных мастеров, а все же сердце больше лежит к национальной школе живописи. Левицкий, Тропинин, Поленов, Репин, Валентин Серов, Нестеров — кто может быть лучше!

Однажды меня спросил молодой, но уже имевший жену и двух детей художник: «Обязан ли я ходить в магазин за картошкой, раз я художник?» Мне кажется, если художник будет считать себя обязанным уметь все, что умеет любой нормальный человек, то будет просто великолепно. Нашему брату, стремящемуся смолоту стать «свободным художником», не стоит забывать, что, став таковым, он, как солдат, расстанется с этой самой «свободой» навсегда.

Многое хотелось бы еще сделать. Суеверные люди часто начинают говорить так: «Если мне суждено, то...»

Очень хочется, чтобы это было... суждено.

С Марком Захаровичем Шагалом я познакомился заочно и при совершенно случайных обстоятельствах.

В 1969 году вышел в свет подготовленный мной большой альбом «Мартироз Сарьян». Я спросил у Мартироза Сергеевича, кому из его старых друзей послать это издание.

Он вздохнул, горестно развел руками и сказал: «В прошлом году похоронили Павла Варфоломеевича Кузнецова, и кажется, это был мой последний сверстник-художник.

Вот только во Франции живет Марк Шагал, когда-то мы с ним были хорошо знакомы». Я узнал адрес Шагала и послал ему книгу в Сен-Поль де Ванс, разумеется, не надеясь ни на какой отклик.

Но, к моему величайшему удивлению, я вскоре получил в ответ маленькое письмо, живое и острое, полное глубокого интереса к художественной жизни в Советском Союзе.

Так началась наша переписка. Она длилась почти до самой кончины Шагала в марте 1985 года.

Я рассказывал художнику о новостях нашего искусства и, разумеется, о том, что его помнят и любят в Советской стране; затем посылал статьи и главы книги о творчестве мастера (недавно я ее закончил).

Шагал писал больше всего о своих русских воспоминаниях и о неизменной любви к своей Родине.

Вот несколько отрывков из его писем:

«Я никогда не забуду мое пребывание в Москве, как будто я никогда оттуда не уезжал» (июль, 1973).

«Я был счастлив быть у себя на родине — видеть так много хороших людей, и пейзажи меня очаровали» (январь, 1974).

«Да, я всегда вспоминаю мой город, и он почти на всех моих картинах...

Я продолжаю работать и при этом продолжаю любить все, что в моей памяти и душе» (февраль, 1980).

«Я как всегда работаю — как же иначе. Но сижу в Сен-Поль и не выезжаю почти.

Но моя родина всегда на моих картинах.

Вы это всегда чувствуете» (июль, 1982).

«Я всегда думаю о Вас, о родине, и это, я думаю, отражается в моих работах. Вы все же один, кто мне пишет.

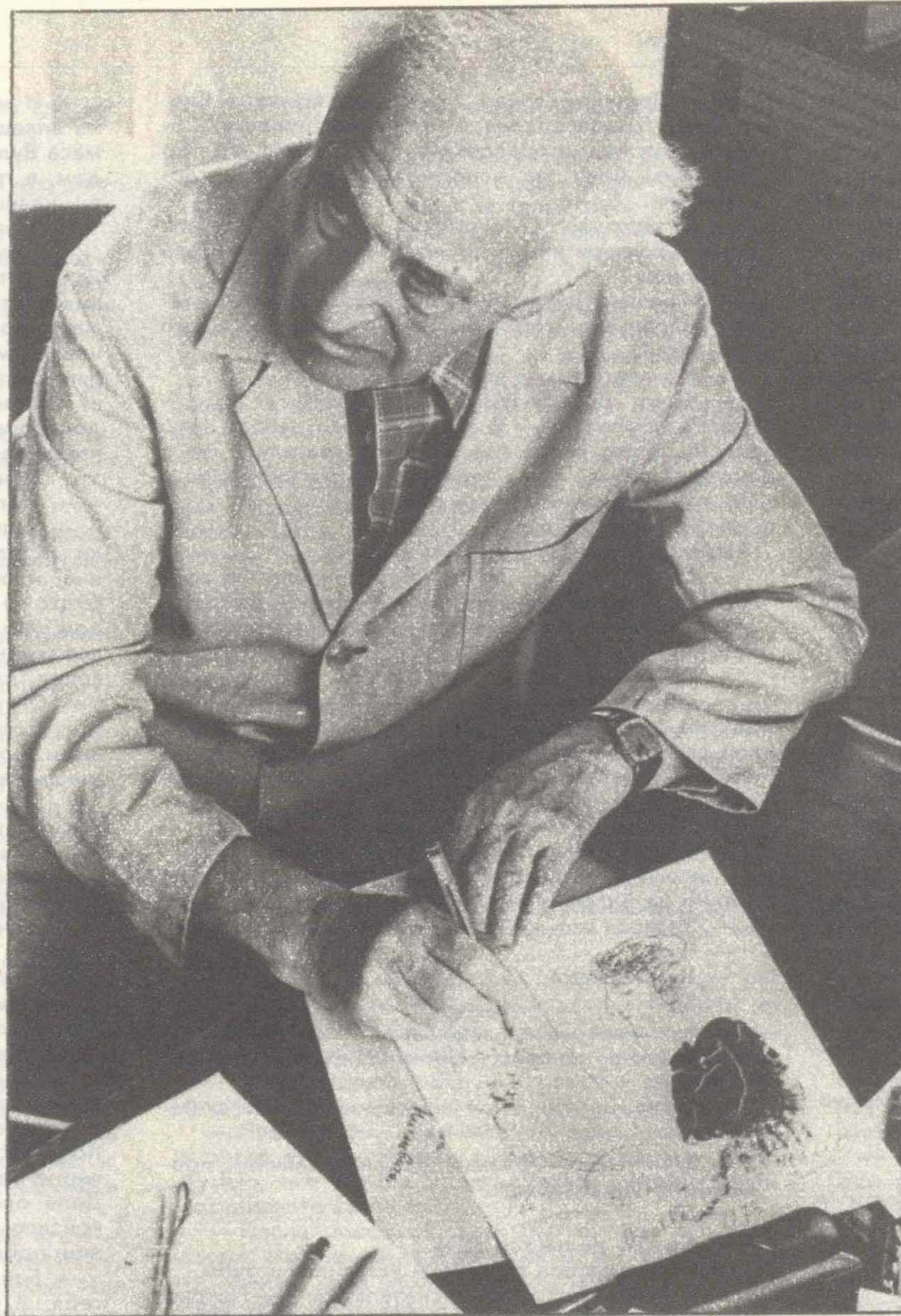
Я это сильно ценю. Продолжайте мне писать, чтоб я знал, что и как делается на родине» (сентябрь, 1983).

Александр КАМЕНСКИЙ

А. КАМЕНСКИЙ. Марк Захарович, вы прожили большую жизнь, так много видели и узнали, так много создали, что искусствовед может забросать вас вопросами, на которые и за целую неделю не ответишь. Между тем я понимаю, что ваше время для беседы со мной ограничено. Поэтому я хотел бы спросить вас только о том, что нахожу сейчас особенно важным и остроактуальным для советской аудитории.

М. ШАГАЛ. Разве вы хотите получить у меня интервью? Из нашей с вами переписки я составил представление, что вы — историк искусства, интересуетесь проблемами художественного творчества и хотите написать статью или какое-то другое сочинение.

А. К. Именно так. Но вместе с тем я очень хотел бы выступить в нашей

Марк Шагал в Москве. 1973 год.

«КРАСКА, ЧИСТОТА, ЛЮБОВЬ...»

Эта беседа советского искусствоведа А. А. Каменского с М. З. Шагалом состоялась в Москве в июне 1973 года. Публикуется впервые.

периодической прессе в связи с вашим приездом в Москву и выставкой ваших работ в Третьяковской галерее.

М. Ш. От души желаю вам успеха. Напишите все, что вы сами думаете обо мне, о моей выставке, о моих произведениях. Я не люблю давать интервью. Если я (очень редко) хочу высказаться, то пишу сам. А критик пусть опирается на собственные мнения...

А. К. Вы совершенно правы. А нашу беседу не будем считать за интервью. Ведь я просто хотел бы узнать, во-первых, ваши взгляды на некоторые проблемы художественной (да и не только художественной) жизни нашего века, а во-вторых, проверить справедливость своих суждений о вашей творческой личности и ва-

шем искусстве — с тем, чтобы затем использовать все это в своих статьях и книгах.

М. Ш. Я не могу утверждать, что вы правы или не правы. Я могу лишь сказать, согласен я или нет.

А. К. Пусть так... Марк Захарович, вы были современником нескольких войн и революций, вы жили в мире, который сотрясали трагедии и катастрофы, который видел Гитлера и Муссолини, переживал Хиросиму, Бабий Яр, Освенцим. Ваша собственная жизнь сложилась очень нелегко, очень сложно: сколько лет вы находитесь вдалеке от земли, где родились и прожили тридцать пять лет своей молодости, сколько близких людей вы потеряли... Ваши произведения сжигались на аутодафе в Мангейме — этим гнусным зрелищем руководил Йозеф Геббельс, который охотно сжег бы вас

самого вместе с вашими картинами. И все-таки, несмотря на все перенесенные вами в жизни драмы и страдания, ваши работы всегда пронизывает ощущение красоты и счастья бытия. Вы часто показываете мир странный, алогичный, парадоксальный, у вас встречаются трагические сюжеты — распятия, мученичество, навязчиво-печальные и гнетущие видения. Но и в этих случаях ваши работы своей живописью, формой, художественной материей, что ли, с величайшим душевным напором утверждают: мир прекрасен, несмотря ни на что, ему изначально свойственно и присуще быть прекрасным, а ужасное и безобразное — это искажение и извращение самой органической природы мироздания...

Правильно ли я вас понимаю?

М. Ш. Это не вопрос, а высказывание. Целая речь. Я выслушал ее с интересом.

В чем-то главном и существенном вы, очевидно, правы. Но вы говорите как искусствовед. Очень горячо говорите. Я как-то тоже вспыхиваю, когда у меня в руке кисть или карандаш. И при этом что-то мне подсказывает ощущение своей некоей правоты.

Но в разговоре и на людях мне труднее быть до конца самим собой. Все же скажу, что вряд ли мир сам по себе такой-то или такой-то. Он прекрасен, если его любишь. Я люблю любовь. Что бы я ни изображал, это о любви и о нашей судьбе. Любовь помогает мне найти краску. Можно даже сказать, что она сама находит краску, а я только наношу ее на холст. Она сильнее меня самого и идет от души. Так я вижу жизнь. И прекрасное, и страшное. И странное тоже. Может быть, потому и странное, что видишь жизнь глазами любви.

Гитлер, Освенцим... Да, да, это было, и это страшно. Это прошлое, но человеку и сейчас угрожает многое. У него хотят отнять любовь. Но она всегда оставалась, оставалась и ее краска. Про это мое искусство. С самых ранних лет, с юности. Это во мне заложено, это сильнее меня самого.

А. К. Простите, вы употребляете слово «краска» не в техническом смысле и даже не только в эстетическом, а в каком-то более широком, более сложном и масштабном значении. Для вас это какое-то особое понятие?

М. Ш. Конечно. В общем краска — это чистота. Краска — это и есть искусство. Вообще искусство, причем хорошее, чистое искусство. Или главная его интонация.

А. К. Вы сказали — и это прозвучало как символ веры — «я люблю любовь». Это и есть «главная интонация», «краска» вашего искусства?

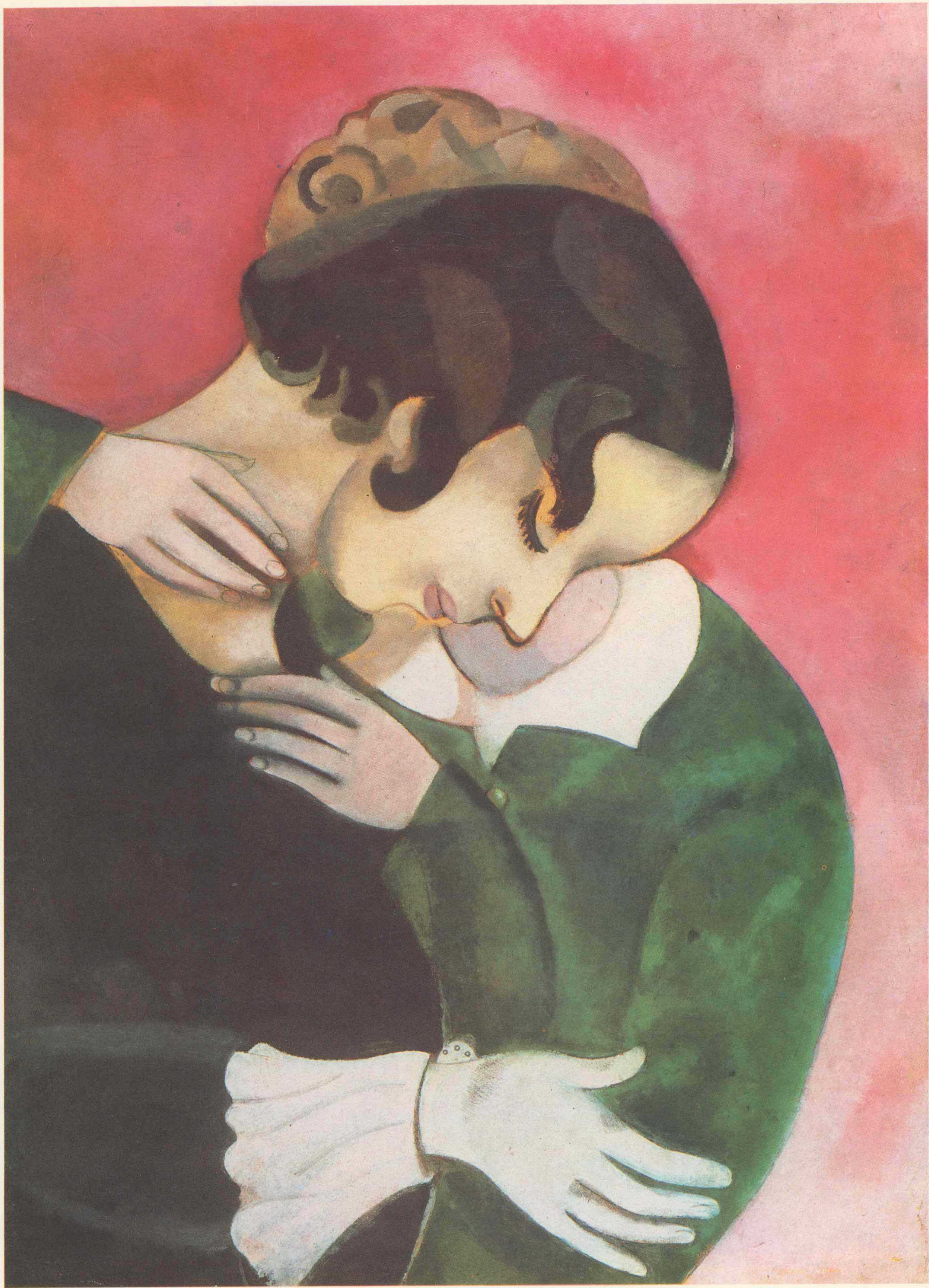
М. Ш. Может быть. Но надо, вероятно, родиться с этой краской. Я безгранично люблю свой родной Витебск не просто потому, что я там родился, но прежде всего за то, что там я на всю жизнь обрел краску своего искусства. Вы знаете, я после долгих колебаний отказался сейчас ехать в Витебск, хотя вспоминаю о нем всю жизнь. Потому и отказался, что вспоминаю. Ведь там, наверное, я увидел бы иную обстановку, чем та, которую я помню, иную жизнь. Это было бы для меня тяжким ударом. Как тяжело навсегда расставаться со своим прошлым!

Да, с краской надо родиться. Ведь краска — это еще и качество...

А. К. Как бы сложно ни развивалось ваше искусство, вы всегда ценили многие старые традиции живописи. Всегда стремились, как многократно уже говорили, любить любовь. В двадцатом году такие привязанности далеко не все ценили и уважали. И все же вас, по сути дела, не пытались отбрасывать с авансцены художественной жизни. Вас признавали и такие критики, теоретики, художники, которые яростно атаковали всякую лирическую поэзию и тем более старые традиции. Как, на ваш взгляд, объяснить такое противоречие?

М. Ш. Объяснить его можно только тем, что его не было вовсе. Как

РОЗОВЫЕ ЛЮБОВНИКИ. 1914.

ВОЙНА. ЖЕНЩИНА С РЕБЕНКОМ. 1943.

это вы говорите, что меня не пытались отбрасывать? Пытались, и не раз. Вы же сами вспоминали про нацистов и костер в Мангейме. Но столкновения у меня были и в кругу художников. Например, в начале двадцатых годов я был вынужден уехать из Витебска после того, как приглашенные мною в качестве профессоров в основанную мной академию Казимир Малевич и его единомышленники вступили со мной в резкую и нетерпимую полемику. Вот, я вижу, вы принесли с собой «Профили» Эфроса — там об этом рассказано (впоследствии я отыскал то место в «Профилях», которое имел в виду Шагал. Эфрос писал: «Малевич... обвинял Шагала в умеренности, в том, что он все еще возится с изображением каких-то вещей и фигур, тогда как подлинно революционное искусство беспредметно».— А. К.].

...В 1911—1913 годах в Париже на меня нападали Делоне и Метценге (что, впрочем, совсем не мешало мне дружить с ними). Они обвиняли меня в литературности... И они, и другие говорили, что я принадлежу прошлому, что меня скоро позабудут и так далее. И позже я слышал не раз нечто подобное.

А. К. Однако вы не опасались выглядеть старомодным и, может быть, одиноким.

М. Ш. Одиноким я себя никогда не чувствовал. Может быть, не было похожих, но были близкие по духу, по краске.

А. К. Я имею в виду европейское искусство последних десятилетий...

М. Ш. Ну и что же. И в нем были такие мастера, как, например, Матисс, Брак, Хуан Грис.

А. К. Теперь они тоже выглядят одиночками. А вместе с тем в Европе последних десятилетий было так много художников, которые изображали мир пустым, злым, жестоким. А также бездуховным, что противоречит самой сокровенной сути вашего искусства.

М. Ш. Я тоже часто видел жестокость и зло в мире. Я хотел только, как мог, победить их. Можно ли осуждать тех, кому это не удавалось? Тем более что я вовсе не уверен, что мне самому это удалось. Я вообще никому не хотел бы себя противопоставлять.

А. К. Стало быть, вы находите обобщенным, что в различных книгах и статьях вас порой рассматривают однопланово и одновременно с художниками, решительно не сходными с вами по духу?

М. Ш. А может быть, тут дело выглядит сложнее? Может быть, те, кто предпочитает мои вещи, любят в других то, что как-то сродни мне, что имеет близкую краску, качество, сходную «химию»?

А. К. И в абстракционизме?

М. Ш. В абстракционизме тоже есть иногда какая-то своя чистота. Например, в некоторых вещах Мондриана и Пауля Клее.

А. К. Вы не считаете, что вы и, скажем, Мондриан принадлежите к разным направлениям в искусстве?

М. Ш. Направление! Есть художники, и только. Направления — это скорее теоретические понятия. Большие художники — это те мастера, которые разрывают рамки направлений, оказываются выше их, не скованы правилами и нормами направлений. В рамках направлений полностью умещаются только посредственности. А иногда приверженность к системам стилей мешает и крупным мастерам. Курбе и Делакруа остро спорили между собой. Делакруа корил Курбе за натурализм формы и незначительность замысла некоторых его картин — перечитайте дневник Делакруа.

В спорах словесного рода он, Делакруа, пожалуй, побеждал — он был талантливым литератором и незаурядным мыслителем. Но когда спорят между собой не высказывания, а краски, то верх, пожалуй, берет Курбе. У него больше силы, напора, цвета. А Делакруа слишком поддавался направлению, и в его картинах встречаются легковесность, нарочитые эффекты в духе традиционного романтизма. Эти эффекты обедняли его индивидуальность, тянули к общим местам: «направление» подчиняло себе личность художника и мельчило ее.

Направление, как и мода, мешает тому, чтобы верно, без предвзятости оценить работу художников. Вспомню, как кое-кто иронизировал, когда лет 25 назад я говорил о том, что высоко ценю краски Клода Моне. Это были годы отката вкусов от импрессионизма в сторону иных стилевых систем. Потом вдруг Моне стали превозносить, но главным образом как предтечу абстракционизма, хотя он с его бесконечной любовью к впечатлениям от реальной природы никогда им не был, как мне кажется. Но не в этом дело. Ведь разве достоинства Клода Моне тем определяются, что он принадлежал к той или иной школе? Просто он замечательный мастер, у него самое острое чутье краски. И не все ли равно, каким словечком называть стилевую манеру художника? Раз он хорош — поймите, чем именно, в чем его сила...

А. К. Быть может, без понимания и пусть самой общей классификации направлений будет трудно построить историю искусства, она может лишиться четкой структуры. Но оставим этот спор для искусствоведов. А вот раз уж зашел разговор о направлениях, то скажите, как вы относитесь к тому, что вас очень часто называют одним из основателей и виднейших представителей сюрреализма? Даже его классиком?

М. Ш. Прежде всего оставим в стороне слово «классик». Это громкое звание, его может присудить только время.

Сюрреализм? Вам обязательно нужна какая-то этикетка? Не знаю. Сам я никогда не понимал, что имеют в виду, когда меня называли сюрреалистом, и слова этого не люблю.

Я действительно хотел отойти от приземленности, от некоей внешней манеры, от простого пересказа видимого в жизни. Я хотел строить свои работы при помощи духовных, психических элементов, воплощенных в краску...

Я не считаю себя принадлежащим ни к какому направлению. Мое дело — краска, чистота, любовь. Ничего иного мне не надо. Но это не направление, а убеждение.

А. К. Вы часто показываете алогичность многих событий или, точнее сказать, их отклонение от обычной, одномерной логики.

М. Ш. Может быть. Но при чем тут направление? Художник так или иначе чувствует жизнь, воспринимает мир. Это художническая, поэтическая логика.

А. К. И время в ваших картинах чаще всего не обычно-текущее, а условно-поэтическое.

М. Ш. В искусстве любого времени оно условно-поэтическое.

А. К. Но в прошлом веке чаще всего изображали то, что как бы на глазах происходит.

М. Ш. Во-первых, не всегда, а во-вторых, были еще более ранние примеры.

А. К. Ну, это так. Ваши картины у меня порождали иногда очень далекие ассоциации. У вас есть полотно, которое называется «Разделанная туша» и имеет несколько вариантов. Там голова туши, висющей на крюке,

как бы оживает и пьет воду из бо-чонка! Глядя на эту картину, я вдруг вспомнил диалог у Лукиана, где один собеседник говорит другому, что для него вовсе не удивительно, когда он слышит, как мычит мясо быков, наполовину уже изжаренное и вздетое на вертела. Очень сходное ощущение динамики жизни!

М. Ш. Ну, это случайное совпадение. Хотя Лукиана я люблю и не раз его читал. И я мечтал бы достигать такого единства, такой естественности ощущения мира, которое было у античных авторов. Это же мечта многих современников, но, наверное, неосуществимая мечта. Видеть мир целостным и нераздельным, видеть его сразу, его разные качества, его текучесть, его начала и концы — это так захватывает, это такая чистота! Между прочим, она была в русской иконе. Я ее люблю и многим ей обязан. Иконописцы — поэты, у которых краска показывала сразу всю жизнь, всю вселенную. Их искусство было насквозь духовно, оно не знало пристрастия к приему, которое уничтожает чистоту.

Время. Я всегда хотел угадать тайну времени, уловить его магию. Еще довольно давно, когда я начал изображать человека и его воспоминания, его размышления как что-то одновременно существующее и видимое, мои картины иногда считали чудачеством. Но ведь это время человека, каков он есть на самом деле. Разве память — это не форма времени? А память всегда с человеком, его прошлое всегда с ним. И его мысли. Это как бы одно существо. И я его изображаю. Это помогает мне понять человека...

А. К. В таком чувстве времени, о котором вы говорите, есть еще и условность зрелища, которое может как угодно уплотнять и расширять время. Мне вообще ваше искусство кажется очень зрелищным — в том смысле, что в каждой из ваших работ жизнь предстает как некая арена сценического действия, а нередко как мистерия.

М. Ш. Может быть. Но я не хотел бы быть театральным. Я очень люблю театр, я работал в нем целые годы. Но одно дело — театр, другое — театральность. Театральность — это искусственность, это утрата чистоты. Часто это можно было видеть в начале века. Да и сейчас тоже.

Да, но театр я очень люблю. И цирк. Цирк — это великое искусство. Быть хорошим клоуном — это страшно трудно. Для этого надо быть и артистом, и художником, и философом. Нигде так замечательно, так естественно не соединяются эксцентричность и наивная простота, как в цирке. Вы говорите, что мои картины напоминают вам театр. Но уж если так сравнивать, то, наверное, цирк они напоминают больше. Не всегда, конечно, и не в прямом смысле слова, но по приему, по поискам краски и чистоты...

А. К. Вы очень любите Рембрандта...

М. Ш. Очень. Наверное, это мой самый любимый художник во всей истории искусства, хотя я люблю многих и очень разных мастеров, в том числе и русских.

А. К. Марк Захарович, в вашем искусстве много любовных сюжетов — я говорю о любви не в широкофилософском смысле слова, а о самой обычной человеческой любви. Говорят, что сейчас и в ней многое меняется, что на нее как бы ложатся рефлексии от красок века. Как вы воспринимаете такие суждения?

М. Ш. Пусть любят, как хотят. Нелепо тут устанавливать правила. Тем более человеку, которому вот-вот стукнет 86 лет. Я только об одном в этой связи думаю. Любимый человек, даже если он в жизни не брал в руки кисть или карандаш, не написал ни одной стихотворной строчки, в любви — художник. Будет горько, ес-

ли сникнет и ослабеет художественное начало в любви. Люди сами себя обворуют. Поблекнет и тонкость, и сила любви. Все может огрубеть. Это было бы печально.

Искусство должно помочь любви. Они родственно связаны между собой. Искусство может противостоять грубости и бездуховности в любви. И той нарочитости, театральности, о которой я говорил, — она бывает и у плохих художников, и у людей, не умеющих или разучившихся любить.

А. К. А искусство любить искусство? Оно не ослабевает, как вы думаете?

М. Ш. Оно не может ослабеть, ибо это коренная человеческая потребность. Но зрителя можно сбить с толку, привить ему дурные и глупые вкусы. Словом, восприятие искусства может быть извращено, и это, к сожалению, нередко приходится наблюдать в нашу эпоху. К слову сказать, критика в этом смысле может сыграть и полезную, и самую роковую роль.

А. К. Мне рассказывали, что вы побывали в Музее изобразительных искусств имени Пушкина. И его экспозиция вам понравилась.

М. Ш. Очень. И экспозиция, и вообще весь музей... Мне все было как-то вновь. Великолепная коллекция, замечательные вещи Рембрандта, импрессионистов, Матисса. Все в превосходном состоянии. В этом музее очень хороший воздух.

А. К. Световая среда?

М. Ш. Не только. Освещение там действительно отличное, очень естественное. И в экспозиции все как-то просто, нет бьющих в глаза эффектов, которыми часто щеголяют в больших музеях и которые только мешают восприятию, душевному родству с художником, с его краской.

Но вообще там хороший воздух искусства, в этом музее.

А. К. Дирекция музея хотела бы, чтобы ваши произведения висели где-нибудь по соседству с Матиссом и другими прославленными мастерами...

М. Ш. Это не простой вопрос. Было бы странно, если бы картины, которые я написал в России, висели бы рядом с Матиссом или кем-нибудь еще из западных художников. Такие картины со всех точек зрения должны находиться в музеях русского искусства, искусства России начала XX века...

Я только хочу сказать, что всегда чувствовал себя художником из России. Когда в 1922 году я оказался за рубежом, то почувствовал себя деревом с вырванными корнями, висющим в воздухе. Правда, я раньше, с 1910 по 1914 год, жил в Париже, но тогда у меня такого ощущения не возникало и не могло возникнуть, ибо я в любой день мог сесть в поезд и поехать на Родину, с которой был все время связан своими мыслями. В двадцатых годах я утратил возможность возвращения. Я испытывал тяжкие мучения. Я выжил и даже — если сравнивать меня с деревом — не переставал расти только потому, что никогда не порывал духовной связи с Родиной. Я очень многим обязан Франции, где прожил более полувека, французской культуре, с которой связан тысячами нитей. Во Франции ко мне были добры, меня поддерживали и чествовали. Но моя душа всегда впитывала соки из русских воспоминаний, из русского воздуха. Я очень благодарен всем, кто помог мне в мои 86 лет побывать в России, увидеть Москву, свои работы в Третьяковской галерее. Я долгие годы мечтал об этом и счастлив, что моя мечта осуществилась...

«ДЕТИ АРБАТА»

ственным и политическим! — от глыбы правды, каким является для меня Ваш роман «Дети Арбата». Цепная реакция мыслей и чувств, постоянная работа сознания — все это не прекращается ни на секунду.

Одна из самых больших трагедий мирового революционного движения связана с именем И. В. Сталина. Почему и как произошла эта трагедия — вот главные вопросы, которыми «болеет» каждый человек, кому небезразлична судьба этого движения. К сожалению, строки официальных документов скупы, противоречивы, иногда неглубоки, порождают массу вопросов, ответов на которые нет. Святая обязанность литературы ответить на эти проклятые «почему» и «как», особенно на вопрос «почему?». Скажу больше, только литература, в силу ее способности проникнуть в психологию человека, может дать глубокий, художественно убедительный ответ на вопрос, что произошло с Иосифом Виссарионовичем Сталиным, соратником Ленина и в то же время его полным антиподом, участником революционного движения в России, объективно сделавшим столько для поражения его, движения, сколько не сделали наши классовые противники, вместе взятые.

Вы первым из известных мне писателей предприняли серьезную попытку проникнуть в суть этого человека и явления, выявить его корни, родословную того, что расцвело пыльным цветом после 1929 года.

Правда возвышает, и правда, конечно же, болезненна. Но если не только цитировать, а быть действительно убежденным в правоте Ленина — «...гласность есть меч, который сам исцеляет наносимые им раны», то я глубоко убежден в справедливости и необходимости того, что Вы сделали. Это писательский и человеческий подвиг, и мне очень хочется сказать это Вам.

Почему Ваш роман, который, конечно же, вызовет общественную бурю, так необходим нам сейчас, после XXVII съезда партии, особенно сейчас? Потому что в те «уроки правды», о которых говорилось на съезде, входит и расчищение всех завалов на нашем пути — в этом смысле роль и возможности литературы трудно переоценить. Потому что ускорение, о котором мы сейчас говорим, в том числе и духовное ускорение, станет действительно возможным, если мы сбросим до конца тяжкий груз наслоений той эпохи, которую Вы так блистательно описали.

Я убежден в глубоком соответствии, созвучии Вашего романа тому, что принес в нашу жизнь XXVII съезд КПСС.

С уважением

Михаил ШАТРОВ

Уважаемый Анатолий Наумович!

Я всегда был почитателем Вашего таланта. Но эта книга произвела на меня особое впечатление. Здесь показан целый мир того времени, за судьбами героев следишь с волнением, и, начав читать, уже трудно оторваться.

Если роман будет напечатан, это означало бы серьезный шаг в нашей политике, в оценке того времени, ошибки которого сказываются и по сей день. Нам дан ориентир, что считать хорошим, что плохим. То, что Вы это создали, есть художественный и гражданский подвиг.

Желаю Вам здоровья.

Олег ЕФРЕМОВ

Уважаемый Анатолий Наумович!
Благодарю Вас за роман «Дети Ар-

бата». Публикация его для нашей страны мне кажется необходимой.

Чтобы двигаться вперед, надо без страха и стыда оглянуться на свое прошлое — это поможет не повторять роковых ошибок.

Мечтаю поставить Ваш роман на грузинской сцене — для нас это особенно важно.

Ваш

Роберт СТУРУА

Дорогой Анатолий Наумович!

Благодарность мою Вам как автору «Детей Арбата» — примите прежде всего от меня как читателя: до и помимо всяких серьезных вещей, о которых я, само собой, помню, — я эту тысячу страниц прежде всего проглотил просто душою и даже несколько по-детски: «что дальше будет?» Качество немаловажное в наш глубокомысленный век. Это написано точно, ярко, с великолепной стилистической упрощенностью (при внешней жесткости языка), с прекрасной увязкой мотивов, с пронизательностью человека, горький опыт которого научил его отличать кажущееся от истинного и видеть реальность в хитросплетении честных заблуждений и искренних лукавств.

Что выносите из книги? Прежде всего портрет Арбата: московской улицы, которая в 20—30-е годы стала местом сотворения новых легенд, которая дала поколение мальчиков великой державы, и Вы — по судьбе — из тех железных мальчиков, из первой шеренги детей социализма, чья судьба вызвала, чтобы они вынесли на своих горбах войну. В романе дан психологический генезис этого поколения, его корни, его душевный рай и душевный ад.

Но это лишь первый пласт, рожающий у читателя ощущение художественного открытия. Есть еще и второй. Не знаю, было ли в вашем замысле — разрешить загадку психологии тогдашнего руководителя, вожака, вождя, — или по замыслу высший эшелон власти должен был в романе оставаться фоном, — но теперь, в прочитанном мною тексте — этот эшелон представляется мне художественным открытием.

Хочу подчеркнуть: Вы нашли в этой драме ее внутреннюю логику, что есть огромной важности, принципиальное решение, художественное, этическое и какое хотите. Сталин — человек, настолько много вобравший в себя из времени, настолько много в себе сконцентрировавший и хорошего и плохого из ситуации, что найти правильный тон в размышлении о нем почти невозможно, а Вы — нашли. Вы видите и границы внутренней необходимости действия этих людей, и то, как, где и почему они переходят эти границы.

Рано или поздно эту правду о Сталине придется сказать, потому что история этого так не оставит, она к этому вернется, она эту дырку в памяти не потерпит — слишком опасно. Так вот: когда она к этому вернется, страшно подумать, сколько может быть написано дури и спекуляции! Сколько славословий рабских и сколько ярости — мстительной, тоже рабской! — может излиться на эту фигуру, как уже изливалось. Так я предпочитаю, чтобы о Сталине была сказана такая правда, как у Вас. Я не колеблюсь сказать, что эта правда — шекспировская, и только прошу судьбу об одном: чтобы у нас сейчас хватило сил выслушать эту правду.

Ваш Лев АННИНСКИЙ

Публикацию готовил К. АНДРЕЕВ.

БЕСПОРЯДКИ ИЛИ ЗАБОТА!

Лидия Анатольевна Кибальник из города Ельца с хорошим настроением ехала в Таганрог: как же, у нее путевка в дом отдыха «Имени Красного десанта», что расположен на берегу моря. День был жаркий, приятной прохладой встретил тенистый парк. Однако радость была преждевременной. В неприбранной комнате с паутиной и пауками по углам ползали... гусеницы. Не отвечало элементарным требованиям и постельное белье. А на другой день выяснилось, что и уборку комнат должны делать сами отдыхающие. А заодно организовывать и игры с детьми. «Многие родители оплачивали за детей полную стоимость путевки как за взрослых. Куда же ушли наши доплаты?» — справедливо спрашивала она в своем письме.

Факты, обнаруженные «краснодесантниками», бледнеют перед теми, с которыми соприкоснулись отдыхающие в доме отдыха «Дмитриадский», расположенном по соседству,

«КОМУ ПРИСУДИТЬ ПРИЗ «ОГОНЬКА»?» — С ТАКИМ ВОПРОСОМ РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА [№ 30, 1986 г.] ОБРАЩАЛАСЬ К ЧИТАТЕЛЯМ, ПРИГЛАШАЯ ПРИНЯТЬ УЧАСТИЕ В ОБСУЖДЕНИИ РАБОТЫ ПРОФСОЮЗНЫХ ПАНСИОНАТОВ И ДОМОВ ОТДЫХА. НАПОМИНАЕМ: ЦЕНТРАЛЬНЫМ СОВЕТОМ ПО УПРАВЛЕНИЮ КУРОРТАМИ ПРОФСОЮЗОВ, ЦК ПРОФСОЮЗА МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ И РЕДАКЦИЕЙ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК» БЫЛО НАЧАТО ЕЖЕГОДНОЕ СОРЕВНОВАНИЕ ЗДРАВНИЦ СЕМЕЙНОГО ОТДЫХА. СЕГОДНЯ ПОДВОДЯТСЯ ИТОГИ ПРОШЛОГО ГОДА.

в том же Неклиновском районе Ростовской области.

«Со дня заезда в душевых не было ни разу горячей воды, только холодная, и то не всегда. Такие условия, в которых негде вымыть ребенка после пляжа, иначе не назовешь, как варварскими, — говорилось в коллективном письме Ващенко, Коньковой, Харченко... всего 17 фамилий. — Завтраки, обеды, ужины задерживаются и всегда холодные. Омлеты и запеканки, которые приносили детям, ниже всякой критики. Ножей и в помине нет. Официанты реагируют на замечания криком и грубостью... По следам этого письма работала комиссия, подтвердившая, что «...изложенные в нем факты имели место». На директора, шеф-повара и сестер-хозяек были наложены в прошлом году дисциплинарные взыскания.

И все же по степени так называемого бытового и культурного «обслуживания» ростовчан превзошли работники пансионата имени Акакия Церетели.

Представьте себе живописное ущелье реки Чихура. Высота над уровнем моря 600 метров. Чудесный воздух, тишина, причудливые очертания гор. Словом, экзотика, Кавказ! В проспекте говорится: «Отдыхающие размещаются в трех благоустроенных корпусах... Имеются аэро-солярий, бассейн для купания...» Сошлемся, однако, на характеристику очевидцев, увидевших все это своими глазами, — О. Г. Корсаковой, Т. Ф. Кузьменко и других авторов коллективного письма, бывших там прошлым летом.

«В комнатах и столовой грязно и сыро. Горячей воды (это в благоустроенном-то корпусе!) нет, холодная только во время завтрака и ужина и только на первом этаже, на третьем ее сутками не бывает. В корпусе живут... крысы. На территории разгуливают свиньи и бродячие собаки. Что же касается бассейна для купания, то в его вонючей воде резвятся... жабы». И далее: «Детских снарядов нет. За двенадцать дней только два раза по-

казывали мультфильмы. Некоторые работники частенько в нетрезвом виде. По территории разъезжают машины, не имеющие отношения к пансионату. Мы были тут в июле, когда в Грузии, да и везде, полно свежих овощей и фруктов, но здесь мы не видели их ни разу... Многие семьи уезжали отсюда досрочно...

Комментарии, как говорят, излишни. Заместитель председателя Грузинского совета по управлению курортами профсоюзов И. Кацитадзе сообщал, что «факты... в основном подтверждались. Директору пансионата Э. Коладзе указано» и т. д. Мы поинтересовались, почему такое мягкое, либеральное к нему отношение. Оказывается, «молодой, еще недавно работает. Испугается и уйдет. А кто вместо него будет?».

В такой постановке вопроса кроется дилемма. С одной стороны, у работников профсоюзных здравниц действительно невысокие оклады, и на это ВЦСПС давно бы следовало обратить внимание. С другой, существуют десятки находящихся в таких же условиях пансионатов и домов,

отдыхаешь с детьми! Столовая в «Карачарово» уютная и очень чистая. Пиблок сумел перестроиться на работу с трехразового питания на четырехразовое и даже обеспечить для малышей до 3 лет специальные детские порции, а для маленьких (до 1 года) совсем особое, по всем правилам питание. Большое спасибо администратору столовой Нине Петровне Ничволодиной, официантке Надежде Горячевой, всегда быстрой и веселой».

Много благодарных слов адресовано широко известному пансионату «Лиелупе», что в Латвии, в городе Юрмале. Содержатся они в письме Ковалевых из Риги. Но вот на что обратили они особое внимание, заранее оговорившись, что их замечание относится не только ко всем домам отдыха, но и к санаториям и даже к больницам, — на злоупотребление громко звучащей музыкой. Аналогичные замечания содержатся и в других письмах, независимо от того, отрицательного или положительного они характера: «На территории так громыхают динамики, а по вечерам телевизоры, что дети не могут спать днем и не засыпают до глубокой ночи

путевки. Причем во всем заезде не нашлось ни одного медицинского работника. Викторас Вайнорас, директор дома отдыха, пояснял, что на летние месяцы путевок им обычно не достается. Виноваты в этом облсвопрофы, профкомы, завкомы, месткомы... Зато предостаточно примеров иного рода. Вот хотя бы такой. Из колхоза «Паласарис» Пасвальского района приехали Дайва Шакенайте и Юлюс Банис. Согласно семейной путевке, которая у них была, их следовало поселить вместе. Но ведь были они чужие друг другу люди. Видимо, путевки «горели», и их надо было быстренько реализовать...

Вероятно, случайность в распределении путевок — явление если не типичное, то довольно распространенное, и у многих, многих семей есть все основания требовать наведения порядка. Обойденными оказываются не единицы — группы людей.

В то же время в зимние месяцы картина тут другая: недоезды, незаполненные отдыхающими здравницы. А ведь «живут» они с того, что заработают от реализации путевок. Напрашивается такой вывод: летом надо отдавать предпочтение семьям с детьми школьного возраста, а зимой — с дошкольниками, малышами, тем более что с ними могут поехать нередко и бабушки с дедушками... Разумеется, для этого нужна кропотливая повседневная работа распространителей путевок, знание своего коллектива, информированность о том, кому и что предлагать. Работа такая ведется плохо, и некоторые совпрофы отказываются брать зимние путевки вообще.

«А ЕСЛИ НАС ПЯТЕРО!»

Еще одна проблема — отдых многодетных семей. Не первый год, как

она возникла и у Волковых, приславших письмо из Новосибирска.

«У нас трое сыновей, которым 13, 5 и 4 года. Очень хотелось бы отдохнуть всем вместе, но есть ли путевки на пять человек? В наших областных домах отдыха, слышала, есть путевки на семью из трех и четырех человек. А в южные дома отдыха — только на двоих. Почему? Я работаю на Западно-Сибирской железной дороге. По долевому участию нам дают путевки в профсоюзный пансионат «Гизель-Дере», что под Туапсе. И предупреждают: «Только на двоих». Мы поехали туда с мужем и видим: все семьи с детьми. По одному, по двое. Оказывается, докупали путевки на месте, но все — трое или четверо — живут каким-то образом в одной комнате. А она рассчитана на двоих. Нам стало обидно, — пишет Людмила Владимировна, — все дети целыми днями плещутся в море, а наши остались в душном городе. Пансионат нам очень понравился. Все тут хорошо. Организовано специальное питание для детей, игровые площадки, корпус благоустроенный... Но как же нам быть?»

Да, проблема давно назревшая. Мы попросили прокомментировать это письмо А. А. Соколюк, заведующую отделом профилактических и детских учреждений Центрального совета. Вот что она сказала:

— Семейная путевка выпускается на 2, 3 или 4 человека, в зависимости от количества мест в палате. Кроме того, профсоюзным комитетам объединения, предприятий и организаций при отсутствии путевок на семейный отдых разрешается выдавать две льготные путевки в дома отдыха и пансионаты отдыха за счет средств государственного социального страхования (одну для члена семьи, работающего на другом предприятии).

Что же касается многодетных семей, и в частности такой, как у Волковых, то следует приобретать две семейные путевки с размещением в двух или трех палатах.

ВАШУ РУКУ, ТОВАРИЩ ОТДЫХАЮЩИЙ!

работники которых сумели окружить отдыхающих заботой и вниманием. Мы уже рассказывали о «Коблево» (№ 40, 1986 г.), отсюда тоже шли коллективные письма, но совершенно другого характера: с благодарностями и цветными фотографиями, сделанными родителями.

Из Грузии, из той же республики, в которой находится пансионат имени Акакия Церетели, пришло письмо от В. П. Третьякова. Он делится своими впечатлениями о доме отдыха «Агудзера» и считает, что «его коллектив достиг хороших результатов по всем восьми пунктам, перечисленным в условиях соревнования здравниц, и может претендовать на призовое место. Особенно подробно читатель описывает работу с детьми. Возглавляла ее Наталья Карманова. Шесть воспитателей и культорганизаторов вели различные кружки по возрастным группам, устраивали конкурсы, веселые старты, костюмированные представления в клубе «Солнышко». Тут же, в магазине, в «Агудзере», можно было купить школьную форму и другую детскую одежду. Для удобства отдыхающих работали сберкасса, различные мастерские по ремонту, можно было приобрести билеты на обратную дорогу». Третьяков отмечал изобилие в меню фруктов, овощей и соков.

Или вот письмо, поступившее в редакцию из Киева, от сотрудников Украинского НИИ торговли и общественного питания В. Мавриной и Е. Шалит.

«Мы отдыхали в пансионате «Карачарово» Калининской области. Признаться, ехали с опаской: добираться до Москвы, затем два с половиной часа езды электричкой и, наконец, автобусом до самого места отдыха. И в такое тревожное для нас то лето... Но напрасно мы беспокоились. Сотрудники этой здравницы сделали все, что могли, и, может быть, даже чуть больше...

Бытовые условия в пансионате отличные, обслуживающий персонал внимательный и сердечный. К услугам отдыхающих — хозрасчетная поликлиника, прекрасный аптечный киоск. А ведь все это так важно, когда

вечером. Просим тишины в положенные часы! По-видимому, назрела необходимость внести коррективы в распорядок дня и правила для отдыхающих.

А КТО В ТЕРЕМЕ БУДЕТ ЖИТЬ!

Красиво стоит «Гинтарас»: его невысокие из светлого кирпича корпуса возникают в лесу, как в сказке. Прыгают по соснам белки, ожидая протянутых с лакомствами рук.

Интересно, а кто приезжает в этот чудесный терем Паланги? Кто был здесь летом? Задуматься над этим вопросом нас заставило гневное письмо из Ленинграда. Нет, не по поводу беспорядков — здесь их нет.

«Моя дочь, Наталья Николаевна Некрасова, медсестра-анестезиолог отделения реанимации и вот уже двадцать лет работает в НИИ скорой помощи имени И. И. Джанелидзе, — писала Татьяна Николаевна Витковская, участница Великой Отечественной войны, блокады Ленинграда, ветеран труда. — У нее двое детей. За это время ей ни разу не предоставили семейной путевки в пансионат или дом отдыха. Сама я на пенсии. 37 лет проработала на одном и том же предприятии. Обращалась в профком, но и мне отказали. Невольно напрашивается вопрос: как же распределяются путевки, кто же отвечает на курорты летом? Прошу ответить».

Вот с этим письмом наш корреспондент и побывал в Паланге, памятуя о давнишнем эпизоде, когда в одной крымской здравнице безуспешно разыскивали для фотографирования рабочую семью с детьми... В «Гинтарасе» картина по социальному составу в августовском заезде была такая: рабочих семей было в десять раз меньше, чем служащих: 25 и 220. Арифметика явно не в пользу организаций, распределяющих

Недавно жюри подвело итоги соревнования здравниц семейного отдыха в 1986 году.

Первой премии — переходящий приз журнала «Огонек», Почетная грамота Центрального совета и ЦК профсоюза медицинских работников, денежная премия 600 рублей, два комплекта литературных приложений к «Огоньку» — удостоен пансионат отдыха «Лиелупе» Латвийского республиканского совета по управлению курортами профсоюзов.

Вторая премия — выпел «Огонька», Почетная грамота Центрального совета и ЦК профсоюза медицинских работников и один комплект литературных приложений к «Огоньку» — присуждена объединению пансионатов зоны отдыха «Коблево» Молдавского республиканского совета по управлению курортами профсоюзов.

Персональные премии — диплом, Почетная грамота и денежная премия, комплект литературных приложений к «Огоньку» — будут вручены:

Ф. В. ГОДЛЯУСКЕНЕ — воспитателю пансионата «Гинтарас» Литовского республиканского совета по управлению курортами профсоюзов;

А. М. КАКОШВИЛИ — культорганизатору пансионата «Затока» Одесского областного совета по управлению курортами профсоюзов;

В. П. ПАВЛЫГИНУ — инструктору ЛФК объединения пансионатов на курорте Очаков Николаевского областного совета по управлению курортами профсоюзов.

Центральный совет по управлению курортами профсоюзов и ЦК профсоюза медицинских работников сочли необходимым отметить Почетными грамотами работу еще девяти здравниц: дома отдыха «Логойский» Белорусского республиканского, пансионата «Мисхор» Ялтинского, пансионата «Затока» Одесского областного, пансионата «Шепси» Краснодарского, пансионата «Днепропетровский» Днепропетровского областного, дома отдыха «Лампеджай» Литовского республиканского, пансионата «Карачарово» Калининского областного, дома отдыха «Вишкиль» Кировского областного и пансионата «Красный бор» Смоленского областного советов по управлению курортами профсоюзов.

Почетных грамот удостоены также:

Л. И. ИВАНОВА — воспитатель пансионата «Кавказ», Г. Г. КУРОПЯНИК — старший воспитатель пансионата «Южный», Л. П. ЛЕОНТЬЕВА — воспитатель пансионата «Полушкино», Л. А. БАЖАН — воспитатель дома отдыха «Мирный», А. И. ШИНКАРЕНКО — культорганизатор дома отдыха «Ворскла», А. С. КЕСТЕР — инструктор по лечебной физкультуре пансионата «Лиелупе», И. Л. БЕЛОВА — инструктор по лечебной физкультуре дома отдыха «Монино».

В этом юбилейном году, ознаменованном подготовкой к достойной встрече 70-летия Великой Октябрьской социалистической революции, соревнование продолжается.

Пишите нам, сообщайте о своих предложениях по улучшению семейного отдыха, пожеланиях и проблемах. Помогите вскрывать недостатки! Вашу руку, товарищ отдыхающий!

Отдел коммунистического воспитания
редакции журнала «Огонек»

Борис СМЕРНОВ

СЕБЕ В УСЛУГУ

АВТОСЕРВИС:
РАБОТАТЬ ЧЕСТНО
ИЛИ «ГАСИТЬ» ЖАЛОБЫ?

«Огонек», как большинство органов печати, далеко не в первый раз обращается к проблемам автосервиса; но, к сожалению, мало что меняется в этой мощной, но невероятно инертной сфере обслуживания людей. Мы говорим о столичном объединении «Мосавтотехобслуживание», но можно утверждать, что те же проблемы, к сожалению, характерны и для автосервиса других районов нашей страны. Многое зависит от оборудования станций, от наличия запчастей, от подбора специалистов, но еще больше от того, кто и как ими руководит.

«М»ы оказались зимой проездом в Москве: на своей машине возвращались домой во Ржев. Мой муж, Голубев Владимир Геннадьевич, инвалид I группы, без обеих ног. С нами был еще один мужчина, за рулем. Так вот, у нас сломалась машина. С большим трудом мы узнали телефон техстанции...

Чтобы не цитировать все письмо, я постараюсь его пересказать. Вообразите обстановку, в которой развивались события: морозные сумерки, чужой город с суетой предвыходного дня и трое людей в застывшей машине, один из которых — инвалид... На московской станции техобслуживания (СТОА) № 15 в помощи им отказали, грузовик буксирует пострадавшую машину на другую станцию техобслуживания, в мотель на Варшавском шоссе, и здесь — о, радость! — нашлись люди совсем иного плана: «Москвичи» тут же затащили в цех, подняли на подъемнике, убедились в поломке полуоси, но сколько ни искали — увы! — таковой у себя не нашли. Тогда «гостям поневоле» предложили места в гостинице, где они могли бы дождаться понедельника, но гости, оставив машину, все же поехали на поезде домой, во Ржев. Там, дома, напуганные московским дефицитом на запчасти, владельцы «Москвича» быстренько достали дорогостоящий задний мост и на чьей-то машине (мир не без добрых людей!) уже во вторник вернулись в мотель, к своей бедной машине. Оказалось, перестраховались: работники мотеля уже заменили полуось, с понедельника готовая машина ждала своих хозяев...

Почему я пересказываю это письмо, пришедшее в редакцию? Ведь мы получаем куда более «страшных» письма, где автовладельцы говорят о незадавленных оскорблениях, об обманах и об обмане. О разграбленных и изуродованных неумелым ремонтом машинах. Да мало ли жутких историй гуляет по стране о так называемом автосервисе! Но я выбрал это письмо вот по какой причине: в нем как бы два примера — негативный и позитивный. Выходит, и в автосервисе не все однозначно! Почему?

Здесь по логике журнального материала можно было бы и перейти к теоретическим обобщениям, но я не могу удержаться, чтобы не дополнить историю невезучих ржевских автопутешественников еще одной деталью. Стал я наводить справки, и выяснилось: оказывается, Голубевы мучились зря! Вернее, их зря мучили: на той самой 15-й станции, откуда пострадавшую машину «завернули» якобы из-за отсутствия необходимых запчастей, эти самые запчасти были! Да, склад разве что не ломился и от дорогостоящих москвичевских задних мостов, и от более дешевых полуосей, но ни у мастера, ни у приемщика машин в тот момент не возникло желания просто снять телефонную трубку, не говоря уже о том, чтобы сходить за двадцать метров на склад. Куда проще оказалось поступить так, как они поступили, — просто сказали шоферу тягача: «Тащи-ка ты этих отсюда куда подальше»...

Я не стал выяснять фамилии этих «достойных» представителей СТОА-15: что толку валить всю ви-

ну на «стрелочников», когда за их спиной стоит «диспетчер»? А факт говорит вот о чем: недавно со своего поста ушел директор СТОА-15 объединения «Мосавтотехобслуживание» (МАТО) А. Н. Смирнов. «Ушел» — не то слово: работавшая на станции комиссия городского комитета народного контроля выявила здесь массу нарушений, среди которых были обсчет клиентов, завышение платы за ремонт, приписки на 12 тысяч рублей только за пять месяцев, ремонт «левых» машин, манипуляции с планом и т. д. и т. п. Кажется, виновного во всем этом надо не просто увольнять, а отдавать под суд, ведь каждое из таких нарушений совершается отнюдь не бескорыстно. Но руководство Главмосавтотранса рассуждает иначе, и выгнанного за развал работы директора вновь принимают на работу — на еще более высокую должность. Почему-то вспоминается басня о щуке, которую в наказание бросили в реку. Но дело ведь не только в личности бывшего директора. Как он появился на «не своем» месте, куда смотрело его непосредственное (к тому же весьма многоступенчатое) начальство — вот в чем вопрос!

Ситуацию, возникшую на 15-й станции, в значительной мере следует считать закономерной. Нет, из этого утверждения не следует, что каждого работника автосервиса можно брать и сажать в тюрьму, не надо быть экстремистами! В той же системе Мосавтотехобслуживания много честных и добросовестных работников, прекрасных специалистов — и это не дежурная фраза. Есть такие станции, где, например, за прошедший год не поступило от клиентов ни одной жалобы на плохую работу, но нельзя утверждать, что таких станций большинство. К сожалению, наоборот! Да, это очень сложная отрасль, здесь заказчик из своего кармана должен выплатить за работу сотни, а подчас и многие сотни рублей, здесь сталкивается сложная технология ремонта автомобилей с технической малограмотностью большинства клиентов, здесь хронически плохое снабжение запчастями, что почти на каждом шагу порождает конфликты, тупиковые ситуации, соблазны легкой наживы... И закономерность провалов (который случился, например, на СТОА-15) в том, что и сейчас автосервис притягивает к себе людей нечестных, недостойных, некомпетентных на самых разных исполнительских уровнях.

Все эти беды возникли не сегодня и не вчера, и среди журналистов стало считаться даже чем-то неприличным готовить критические материалы по автосервису: уж больно уязвимая тема. Но вот в Москве за последние два года, судя по печати, страсти вроде бы поутихли. Руководство автосервиса в значительной мере заменено, и новый генеральный директор МАТО Е. С. Копылов охотно давал интервью представителям прессы, обещая навести порядок в своем обширном хо-

зяйстве. Надо ли говорить, как хотелось ему верить... В интервью шла речь о засевших в автосервисе жуликах и взяточниках, о низкой квалификации и высоком проценте жалоб на ремонтников — обо всем, с чем без должного успеха боролось прежнее руководство. Одной из мер оздоровления генеральный директор избрал переход под флаги автосервиса многих работников Московского автозавода имени Лихачева — представители этого знаменитого рабочего коллектива должны привнести в среду авторемонтников свои давние рабочие традиции...

И автосервис действительно «озилился», как шутили называли этот процесс в объединении. Началось это с того, что курировать дела МАТО стал новый заместитель начальника Главмосавтотранса В. А. Красильников, бывший зиловец. Около двух лет назад его подчиненным — генеральным директором МАТО — был назначен переведенный с ЗИЛА Е. С. Копылов, и после этого один за другим стали заменяться директора СТОА, главные инженеры, начальники служб — вплоть до заместителей генерального директора. В общей сложности за последние месяцы в автосервис с ЗИЛА пришло свыше сорока человек — в основном на руководящие должности, частично мастерами, совсем мало рабочими. Такую массовую миграцию можно было бы только приветствовать, если бы... если бы оздоровление действительно наступило. Но факты говорят о том, что многие из пришедших сменили работу не совсем по своему профилю, что кое-кто и на прежних своих должностях лучшими не считался, есть даже такие, кто в свое время наказывался за пьянку...

К чему ворошить прошлое? Да и тому, что в результате вместо обновления произошел раскол большого коллектива на «наших» и на «прежних». Моральный климат только ухудшился, этого в МАТО не отрицает уже никто. Опытные, знающие, всеми уважаемые работники стали уходить. При мне не раз с сожалением говорили о бывшем заместителе генерального С. П. Михлине, о ветеране объединения В. Е. Ермишанцеве, о бывшем главном механике В. Б. Самсонове, бывшем начальнике бюро Г. С. Рысине, и еще, и еще вспоминаются те, кого за собственные суждения генеральный директор называл и называет «оппозицией».

Не нам судить, кто там прав, кто виноват, но пока в «высших эшелонах» продолжают распри, в проигрыше остаются ни в чем не повинные клиенты автосервиса. Можно, конечно, предположить, что перестройка в автосервисе не происходит из-за активного внутреннего сопротивления «прежних», которым любые прогрессивные новшества, как здесь говорят, «перекрывают кислород», то есть возможность легкого обогащения. Так давайте посмотрим, каковы же эти новшества. Начнем с кадров — с них, кстати, и начинал новый генеральный.

Возьмем ту же самую СТОА-15. Станцию построили семь лет тому назад по самому современному проекту, она должна была стать образцовой в объединении и скоро стала такой: молодые, деятельные ее прежние руководители, что называлось, дневали и ночевали на станции еще с периода стройки, тщательно подбирали рабочий коллектив и сумели наладить четкую, ритмичную работу всех звеньев производства. Но нас сейчас интересует период, когда приказом генерального директора Е. С. Копылова руководителем СТОА-15 стал А. Н. Смирнов — тот, о котором уже говорилось вначале. Этот человек когда-то работал на ЗИЛЕ, был мастером ОТК техцентра на Варшавском шос-

се, где «не сработался» ввиду пристрастия к алкоголю, имел серьезное взыскание по партийной линии. Из руководителей «новой волны», назначенных Копыловым, он был первым... К чему привела деятельность этого директора СТОА-15, мы уже знаем. Но — странное дело — до последнего времени тов. Смирнов слыл в объединении едва ли не передовиком. Никаких взысканий, только премии, только поощрения, все попытки «снизу» разобраться в положении на СТОА-15 воспринимались как «выпады против авторитета Смирнова». Но жалоб слишком много, и первая же проверка выявляет многочисленные нарушения. На заседании парткома МАТО принимается решение, что директор Смирнов «...ЗАСЛУЖИВАЕТ ИСКЛЮЧЕНИЯ ИЗ РЯДОВ ПАРТИИ, НО, УЧИТЫВАЯ ЕГО НЕПРОДОЛЖИТЕЛЬНЫЙ СРОК РАБОТЫ НА ЗАНИМАЕМОЙ ДОЛЖНОСТИ И ПОЛОЖИТЕЛЬНУЮ ИНИЦИАТИВУ ПО ПРОВЕДЕНИЮ КОНКРЕТНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ ПО ОГРАЖДЕНИЮ ТЕРРИТОРИИ СТОА, ЧТО ВЛИЯЕТ НА СОХРАННОСТЬ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ СОБСТВЕННОСТИ, ТОВ. СМІРНОВУ ОБЪЯВИТЬ СТРОГИЙ ВЫГОВОР БЕЗ ЗАНЕСЕНИЯ В УЧЕТНУЮ КАРТОЧКУ». Вот так — построил забор, значит, из партии исключать не надо. А через два месяца станцию проверяет уже городской народный контроль, и Смирнов приказом генерального срочно, за три дня до подведения итогов работы комиссии, увольняется.

Что это — просчет кадровой политики, пена «оздоровительной волны», во всеуслышание объявленной Е. С. Копыловым? Выходит, так. Потому что и сам генеральный директор за непринятие мер по пресечению и искоренению грубых нарушений в своем хозяйстве получает строгий выговор. Но и после случившегося Е. С. Копылов хлопот об устройстве уволенного Смирнова на новую должность (это по материалам уже другой комиссии, о которой разговор впереди). Трогательная забота о бывших кадрах! А как же с принципиальностью?

...Будем считать, что один пример погоды не делает. Возьмем другой пример. В начале прошлого года заместителем генерального директора МАТО назначается П. С. Николайчук — переводом с ЗИЛа. Он же назначается директором техцентра «Кунцево»...

Ах, что это за объект — техцентр «Кунцево»? Говорят, другого такого нет во всей Европе. Кажется, совсем недавно министр перерезал красную ленточку при открытии корпуса-красавца, газеты тогда называли этот комплекс «дворцом автосервиса»... Огромные залы-цеха, новейшее, «с иголочки» оборудование с марками лучших зарубежных фирм, просторные кабинеты администрации, кафе, магазин запчастей... Но как-то не сложилась судьба техцентра. Производственные планы то и дело не выполняются, машины странным образом теряются в просторах цехов, а находят их уже разворованными; тянется и тянется «период освоения» прекрасного оборудования, в коллективе распри и склоки, постоянно кого-то снимают, кого-то сажают... Создалось мнение: техцентр неуправляем!

Да, нелегкое наследство досталось новому директору П. С. Николайчуку, спору нет, но вот уже многие месяцы прошли, а тенденций к улучшению на техцентре что-то незаметно. Схема изменений все та же: прежнее руководство техцентра в основном заменяется, ключевые посты занимают зилоты, но производственные планы по-прежнему «горят». Ситуация, прямо скажем, парадоксальная: клиенты, то есть автолюбители, месяцами ждут очереди поставить свои машины на ремонт в техцентр, техцентр работает на полную мощность, а планы... не выполняются! В чем дело? Различные проверки дали диагноз болезни: в техцентре неразбериха, ремонтники слишком много работают «налево», деньги уходят мимо государственного кармана... Казалось бы, самое время заняться научной организацией труда, дисциплиной, но из всех методов следуют одни директорские «разносцы». К тому же к моменту подведения итогов Николайчук обычно заболевает, тогда исполнять его обязанности назначается кто-то из «старичков» объединения — и вдруг оказывается, что техцентр вполне управляем, надо только четко разделять требования, строго спрашивать, вовремя реагировать на конъюнктуру — короче, грамотно руководить. Но с возвращением Николайчука техцентр снова начинает лихорадить... Я видел в одном из финансовых документов: поквартальные премии за 1986 год на общую сумму почти в 500 рублей Николайчук тем не менее получал регулярно. Явные упущения в работе техцентра почему-то сочли достоинством директорской деятельности: как следует из приказов по МАТО, тов. Николайчук к административной ответственности ни разу не привлекался.

А у москвичей-автолюбителей свой расчет — боится оставить в «Кунцево» машину хотя бы на одну ночь. Вот документ, составленный совсем недавно, это служебная записка на имя генерального директора от тех, кто в очередной раз заменяет болеющего Николайчука, — от главного инженера МАТО В. М. Лобанова и заместителя генерального директора М. Р. Кубатаева. К апрелю 1987 года на «Кунцево» 256 просроченных машин (тех, что стоят на техцентре уже месяцами), из них

40 разукомплектовано на общую сумму 12 тысяч рублей (читай: разворовано). Причем более 100 машин еще не окрашено (значит, пока неизвестно, что и на сколько украли с этих машин). «Из-за длительности непринятия мер... установить конкретное виновное лицо в настоящее время не представляется возможным». Видимо, записке предшествовал приказ генерального — срочно отремонтировать «застрявшие» машины, так Лобанов и Кубатаев докладывают: приказ нереален, задача невыполнима. В служебных записках вопросы задавать не положено, но здесь вопрос читается ясно: кто будет отвечать, кто будет платить за разворованное?

Пока что платит государство — премии за отличную работу.

Нужны ли еще примеры «оздоровления» кадров? Они есть, но, боюсь, читателям наскучат стереотипные истории. О том, как вторым лицом в отделе капитального строительства стал человек, ранее со строительством почти не связанный; о том, как председателем профкома многотысячного коллектива объединения избирается человек, который проработал в этом коллективе всего... три дня! Разумеется, читатели догадались, что речь идет о зилотцах.

Так и слышу вопрос: при чем тут ЗИЛ? Да ни при чем, вместо этого предприятия здесь по воле случая мог бы фигурировать, скажем, столь же известный завод малолитражек или менее знаменитый «АРЕМКУЗ» — общего с автосервисом у любого из них столь же мало. Вот и настораживает та легкость, с которой один руководящий работник, меняя кресло, ведет за собой десятки подчиненных.

Вообще странное это явление, и вряд ли стоит приветствовать подобную трансплантацию с объекта на объект целого руководящего ядра. Может, был такой подпольный клич: «Освоим целину автосервиса»? И, если вдуматься, сама идея придать службе ремонта промышленный характер звучит красиво, но лишь на первый взгляд.

Что, например, получится, если попытаться поставить на поток пошив костюмов по индивидуальным заказам? Брак, наверное, получится. А ведь машины, сданные в ремонт, — те же яркие индивидуальности: как нет среди людей двух одинаковых больных, так и в механизмах, да еще изрядно изношенных, не найдешь двух совершенно схожих неисправностей. Разве можно такой ремонт заранее спланировать, поставить на конвейер? Выйдет, что заранее запланирован брак...

Все это уже из области технической политики, которой не в пример политике кадровой за последние месяцы в МАТО уделялось гораздо меньше внимания. По сути дела, ничего не изменилось: как раньше работали, так работают и сейчас.

А в чем-то даже заметно хуже...

Была, например, когда-то создана в объединении автоматизированная система управления, работала она в общем без сбоев. «Перестройка», проведенная здесь генеральным директором, оказалась значительной: уволен начальник, при сильном нажиме «сверху» подали заявления об уходе еще 27 человек — почти четверть коллектива. Ушли такие специалисты, что теперь трое заменяют одного... Зато обновленное руководство сразу начинает получать надбавку к зарплате (как выяснилось, незаконно), введена новая должность, которая, по сути, дублирует функции начальника... Ну, ладно, пошло ли это на пользу делу? Наоборот, дела пошли плохо. Разработали комплекс для управления цехом крупнокузовного ремонта — комплекс не действует, нет нужных плат и дисплеев; пытались обеспечить задачи учета материальных ценностей и наделали столько ошибок, что пришлось учинить целое следствие...

А то возникла идея ввести систему контроля за каждой из ремонтных операций, но идея скорее всего так и останется мертворожденной: представьте, что слесари крутят гайки, а почти за каждым из них ходит контролер и проверяет качество работы. Сколько же это контролеров потребуется? И как возрастет для заказчика стоимость ремонта? Нет, здесь что-то не так. Конечно, красиво звучит на словах проект создания в автосервисе какого-то подобия госприемки, но такие сложные проблемы нельзя, наверное, решать с ходу, без тщательной подготовки; да эти проблемы, собственно говоря, пока в МАТО и не решаются.

Но, может быть, автосервис столицы собираются резко шагнуть вперед в вопросах технической оснащенности уже в ближайшем будущем?

Еще несколько лет назад было заключено соглашение с польскими коллегами о поставке в Москву двенадцати — пятнадцати небольших станций срочного авторемонта; их предполагалось разбросать по разным уголкам города, по районам новостроек — такие станции нужны нашему автосервису просто позарез! До сих пор из Польши прибыло только один комплект для такой стан-

ции. Он третий год «благополучно» гниет рядом с мотелем на Минском шоссе, все не могут «привязать» эту станцию к конкретному месту. А для остальных станций и места-то нет, вернее сказать, места были, но пока автосервис «раскачивался», площадки оказались уже занятыми. Сейчас, кажется, подбираются новые площадки... Такие вот перспективы.

Нельзя не сказать о верном направлении, взятном московским автосервисом уже давно, — на расширение сферы услуг с помощью гаражно-строительных кооперативов. Конечно, очень удобно, когда ремонтники буквально соседствуют с твоим гаражом. Но много ли в Москве таких счастливых? Скажем прямо, единицы (всего 225 ГСК — и сотни тысяч автовладельцев), так что рассчитывать на скорую революцию в области автосервиса нереально.

Возможно, во все эти подробности скучно вникать тем, кто далек от забот автолюбителей, кому не приходилось мыть машину на морозе голыми руками или тащить ее, заглохшую, на буксире к «ближайшей» станции через весь город. Но, поверьте, от этих и многих других подобных мелочей прямо зависит не только удобство четырехсот тысяч московских автолюбителей, но и опрятность нашей столицы, чистота ее воздуха, безопасность ее граждан, нормальная работа тысяч и тысяч служащих нам автомобилей, которые, как на них ни смотри, все же существуют и будут существовать. Вот что стоит за словами «техническая политика автосервиса», уровень которой, к сожалению, никого сегодня устроить не может.

Не устраивает нас не только технический уровень, но только качество автообслуживания, но и, образно говоря, то, как нам его преподносят. Зря говорят, что сервис у нас ненавязчивый, бывает и наоборот. Все чаще автолюбители, которым удалось все-таки заехать в цех, стали замечать: заказывают они две-три ремонтные операции, а мастер убеждает их, что надо еще какую-то деталь заменить, что-то заказать дополнительно... И очарованный вниманием клиент не всегда понимает, что сплошь и рядом за всем этим стоит не забота о нем, клиенте, а тревога о плане. А как участились случаи прямых приписок к заказ-нарядам тех работ, которые вообще не выполнялись! Посмотрите внимательнее на свои квитанции: там что-то невразумительно вписано — якобы в моторах — корявым почерком... Деньги, деньги давай! По статистике, сейчас такие приписки — на рубль, на десять, на тридцать — находят в каждом пятом заказ-наряде. И все потому, что так диктуют планы работы станций — раздутые, необоснованные, составленные без должного экономического анализа. Принцип старый — «от достигнутого». И не случайно новому заместителю генерального директора по экономике С. К. Люзиной указали на партсобрании, что экономическая политика уже не может быть волюнтаристской, силовой!

Политика кадровая, политика техническая, экономическая... Придется сказать и еще об одной характерной особенности нынешнего автосервиса — назовем ее условно «политикой очередей». Представьте себе длинную очередь, ну, скажем, за цветами. По одну сторону прилавка — продавец, по другую — все прочие, среди которых, возможно, есть и заслуженные специалисты, и популярные артисты, и видные ученые, и ответственные работники — словом, люди известного положения в обществе. А продавец (если это человек не слишком высоких нравственных качеств) знает все это и всячески старается показать, что сейчас эти достойные люди — только очередь, что все они зависят от его воли и он над этой очередью хозяин. Знакомая ситуация, не так ли? Ну, а в автосервисе очереди побольше и посерьезнее, и не цветочков здесь ждут месяцами и даже годами, а возможности сложного ремонта своей машины, или покупки нового кузова для состарившегося «Москвича», «Жигулей», «Волги», или приобретения совсем нового автомобиля... Увы, все это пока что пресловутый дефицит, и нет надежды, что в ближайшие годы его не станет. Выход один — набраться терпения и честно ждать своего часа.

Но ждать-то не хочется... И вот в угоду самым нетерпеливым руководителям МАТО создаются всевозможные внутренние инструкции, поправки к правилам и приложения к поправкам, в результате которых рядом с очередью образуется вторая — уже поменьше, еще более короткая третья очередь, а уж четвертые вообще напрямую идут за прилавком.

Политикой эту негласную систему льгот и называть-то неприлично, но, как бы то ни было, она все же существует. И в совершенствовании этих льгот автосервис достиг за последнее время немалого — к сожалению! — совершенства.

Недавно газета «Московский комсомолец» опубликовала письмо (и журналистский комментарий к письму) молодого инженера производственно-диспетчерского отдела МАТО Михаила Левина. Дело в том, что через руки Левина проходит много служебных документов, и в этих бумагах он, разобравшись, стал замечать несоответствия. Почему многие станции МАТО берут в ремонт государственные автомобили, хотя этого не положено делать, а машины индивидуальных владельцев (для которых и создан автосервис) ждут своей очереди месяцами? Левину объяснили — с организациями иметь дело выгоднее, они за государственный счет на любую приписку согласны, а мы с их помощью легче план выполним... Потом в руки Левина попали и другие документы: из них следовало, что сотни «Волг», «Жигулей», «Москвичей» ремонтируются вне очереди, в обход правил, но по личным распоряжениям руководства. Нет, речь идет не об инвалидах войны, для которых государство установило особые льготы, тут все понятно; но когда некий работник мясокомбината просит ускорить ремонт его машины из-за того, мол, что ему надо возить ребенка на дачу, а начальство МАТО ставит на этом, так сказать, заявлением свою разрешающую подпись, тут уж любой усомнится в законности подобных льгот. И Левин усомнился. Особенно, когда увидел еще и накладные на кузова «Волг», проданных с нарушением правил, в то время как в законную очередь на эти кузова записано 350 человек. И когда подсчитал заявления с просьбой ускоренного ремонта индивидуальных «Волг» от руководящих лиц самых различных рангов (включая даже непосредственных руководителей автосервиса), то лишь за 1986 год таких заявлений с разрешающей визой генерального директора и его заместителей насчиталось около пятидесяти штук. Еще сотни машин, судя по отчетам со станций, попали туда «прямым ходом», минуя производственно-диспетчерский отдел. Попросту говоря, с черного хода, но, разумеется, с ведома руководства. Правда, специальным распоряжением руководство разрешает (само себе) поступать так в исключительных случаях, но когда «исключений» набираются сотни...

Как же неудобны такие вот настырные служащие! Нет бы перекладывать бумажки из папки в папку, а они вчитываются, сопоставляют. А что хуже всего — пишут. Вот и Левин, убедившись, что контрольные проверки внутри объединения не дают практических результатов, сообщил о своих выводах в Московский городской комитет КПСС. Что же, это право каждого гражданина — обращаться в самые высокие инстанции, если нет доверия к собственному руководству! Была создана комиссия, ее возглавил комсорг МГК ВЛКСМ по Главмосавтотрансу, член городского штаба «Комсомольского прожектора» В. Сугробов. И очень симптоматично получилось, что проверку «взрослых» дел поручили именно комсомолу, что комсомолец Левин взял на себя смелость заняться проблемами, которые, по сути, вот уже сколько лет никак не могут преодолеть ни сами работники автосервиса, ни их многочисленные кураторы.

«Да как он посмел!» «Кто-то стоит за его спиной!» «Знают наши болевые точки и бьют только по ним!» — так примерно реагировало на новый поворот событий руководство МАТО и Главмосавтотранса, не особенно заботясь о логике своих доводов (если знают свои болевые точки, почему их не обезболивают?). И что меня, как журналиста, больше всего удивило, когда я побывал у Левина в производственно-диспетчерском отделе, — это наглядность ситуации. Сюда, в ПДО, стекаются все жалобы, и совершенно необязательно быть тонким аналитиком, чтобы сделать какие-то выводы. Раскрой очередную папку — и вот она, картина дел на СТОА, отраженная в жалобах клиентов, а что может быть объективнее оценки потребителей? Я порылся в папках часа два и легко определил для себя «чемпионов» по жалобам... Новому генеральному директору надо было, наверное, очень старательно закрывать свои глаза, чтобы за полтора года не разглядеть лидеров безобразий! Кстати, в формулировке выявленного ему выговора так и говорится: «За неприятие мер...»

— Зато разработана как бы система борьбы с жалобами клиентов автосервиса, — поясняет Левин. — Видите, резолюции начальства: как только человек начинает настойчиво жаловаться, его тут же в очереди на ремонт передвигают вперед. Как бы в виде исключения. Выходит, станции все плохие, а генеральный директор хороший. И не надо что-то на станциях менять, проще найти контакт с директором. Все зависит от воли конкретного руководителя: хочу — разрешу, не захочу — не дам согласия...

И эта «политика очередей», — иначе говоря, система поощрения нужных людей за счет государственных благ, — распространилась в МАТО не только на ремонт машин, но и на их продажу. Я убедился в этом, когда через несколько дней побывал в исполкоме Советского района Москвы, где комиссия МГК КПСС разбирала одно из положений жалобы Левина:

«В конце 1986 г. Советский райисполком выделил объединению 65 автомашин. Однако вместо того, чтобы распределить автомобили среди лучших работников объединения и обсудить канди-

датуры на собрании месткома, был быстро составлен список, куда вошли работники магазина «Жигули» и управления, большинство из которых сменили уже по 3—4 автомобиля. Благодаря отсутствию гласности в этот список попали недостойные люди».

Многие читатели, наверное, удивятся: при чем здесь магазин, ведь речь идет о ремонте автомобилей? Далеко не все москвичи знают, что в Москве продажей автомобилей «Жигули» всех марок ведает не торговое управление, а МАТО. И здесь много своих малоизвестных тонкостей.

Заместитель председателя райисполкома А. С. Таксир выложил на стол несколько пухлых папок. Все это — ходатайства, в которых различные московские организации и предприятия просят продать их работникам автомобили «Жигули» в личное пользование. Исполком должен следить, чтобы ходатайства были оформлены правильно. Что же, все так и есть — письма подшиты, пронумерованы, все подписи и печати на месте. Только вот... не читает никто содержания ходатайств! «Нам и не требуется их читать, мы лишь контролируем очередность», — объясняет Александр Семенович. А в ходатайствах куда как много интересного — вернее, они сами по себе совершенно неинтересны, просто образец казенщины: такой-то столько-то времени работает, общественник, пользуется уважением в коллективе, просим продать ему машину... В одних ходатайствах упоминаются еще какие-то грамоты, заслуги, в других ничего этого нет, словно о человеке, кроме общих фраз, и сказать-то нечего — поди догадайся, что там за фигурой умолчания! Где-то подчеркивается, что прежде человек никогда личной машиной не владел, где-то о таком обстоятельстве ни слова — может, этот человек только и делает, что меняет машины одну за другой? Выходит, таким документом легко обзавестись любому желающему, если он не распоследний прогульщик и лодырь.

Итак, вернемся к работе комиссии, которой руководит В. Сугробов. Ее члены из всех ходатайств отбирают те, что касаются работников МАТО, — и складывается странная картина: из купивших машины — очень немногих рабочих, несколько мастеров, есть представители администрации автосервиса, в том числе и высшие. И... целая вереница работников магазина «Жигули»! Да, да, того самого магазина, в котором эти машины и продаются. «Обслуживали» самих себя более тридцати продавцов, заведующих отделами и секциями, товароведов, кладовщиков... Левин объясняет это тем, что информация руководства МАТО о записи в очередь была несвоевременной и неточной, чем оперативно воспользовались самые информированные люди — те же продавцы... Похоже на этакое массовое, но неформальное поощрение работников торговли!

Все эти чрезмерные сложности так замутили ситуацию, что тут же появились ловцы «золотых рыбок»... Иначе говоря, сейчас в магазине ведется следствие о хищении автомобилей. Подробности оглашать пока рано, одно можно сказать: тех, кого сейчас подозревают, ходатаи тоже называли «исполнительными, добросовестными и т. д.». Вот чего стоят иные рекомендательные письма!

...Листаем подшивки ходатайств. Вот одно из них: секретарь парторганизации и председатель профкома магазина «Жигули» просят продать автомобиль старшему администратору магазина А. П. Галаевой — «ударник коммунистического труда, показывает образцы в работе». Читаю — и глазам своим не верю: документ подписала... сама же председатель профкома Галаева! А вот еще письмо: точно так же, сама за себя, ходатайствует секретарь партбюро Азарова. Да, надо было бы им в этих «автохарактеристиках» дописать: «образец скромности».

Нет, я не возьмусь отразить здесь все приемы в борьбе за получение вожделенных автомобилей — для этого нужны люди более опытные и, как говорится, более компетентные. Только об одном еще не могу не сказать — об «опережении». Появился в последнее время и такой термин в распоряжениях МАТО. Вы записаны в очередь на «Жигули»? Вам не хочется бесконечно долго ждать? Что же, пишите письмо (с подписями «треугольника») такого содержания: «Прошу продать товарищу такому-то (назвать себя) автомобиль с опережением очереди, так как он...» Дальше можно пороть любую чепуху — о том, что, например, «автомобиль необходим, так как он используется не только в личных, но и в служебных целях». Так пишут девяносто процентов всех «опереженцев». Можно сослаться на то, что человека отправляют в длительную заграничную командировку — этим, например, мотивировали просьбу товарищи из инспекции Госпожнадзора станции Москва-Белорусская, хлопоча о своем сотруднике В. Э. Анопджанове; непростая, надо сказать, жизнь у наших стражей огня. А вот еще: срочно потребовалась новая машина «убывающему в длительную командировку» сотруднику районного отделения милиции С. Г. Азимову... Можно сослаться на болезнь любимого дяди, можно назвать себя главврачом поликлиники, будучи лишь техническим секретарем... Впрочем, не стоит давать рецептов — полет фантазии безграничен. Как безгранично и доверие

генерального директора, который на каждой из этих опережающих воображение бумаг поставил резолюцию: «Оформить из неиспользованных по свободной продаже». Что такое «неиспользованные» машины?.. Нет, достаточно, просто не хочется описывать и этот «автотроик», в результате которого генеральный директор сам себе дал возможность раздавать автомобили тем, кого он в одной из бумаг туманно назвал «лицами, пользующимися льготами на внеочередное обслуживание». Что это за лица и что за льготы, станет ясно из такого примера.

Быть может, кто-то запомнит один из сюжетов телевизионной программы «Время», где говорилось о безобразиях в Кунцевском центре? Там человек бросался на телеобъектив с растопыренной пятерней — не надо снимать! Потом появился еще один сюжет — уже в более благостных тонах. Тема вроде бы оказалась исчерпанной. А среди просьб в «опережении», обращенных к генеральному директору Е. С. Копылову, я нашел такие: главная редакция информации ЦТ «Время» просила за своих сотрудников А. Н. Карпова и И. Н. Елухина. Их записали в мае прошлого года в очередь на машины под номером «16.902» и «16.903». В июне они машины уже купили. Кстати, сейчас, через год, очередь еще стоит на цифре «7.330». Опережение налицо... Мне говорили, что «Время» тогда «купило» точно так же не две, а больше машин, но у меня просто не было времени разыскивать эти данные среди сотен (!) подобных. Да, здесь нет, наверное, уголовного преступления, никто из тех, о ком шла речь, не подосуден. Нет пока, увы, упреков на тех, кто привык повсюду лезть без очереди! Но есть ведь и еще одна оценка этим невинным ухищрениям — этическая...

Меня могут спросить: при чем здесь генеральный директор? Да при том, что он — генеральный! Отдавая распоряжения, подписывая бумаги, руководитель такого ранга должен предвидеть дальнейший ход событий; за это он, простите за банальность, и получает свою зарплату. Можно один раз ошибиться в своем подчиненном, можно однажды в чем-то просчитаться, но, когда мы видим целую цепь непродуманных, необоснованных, а порой и просто порочных мер, невольно делаем выводы о некомпетентности (если не сказать больше) того человека, который эти меры предпринимает.

Могу добавить, что подобное мнение не только у автора этих строк — человека в общем-то постороннего (насколько журналист может стоять в стороне от волнующей общественность проблемы). Через день после того, как газета «Московский комсомолец» опубликовала письмо М. Левина, на все московские СТОА была отправлена телефонограмма от генерального директора: провести в коллективах обсуждение газетной статьи! Собрание состоялось в Кунцевском техцентре, принята резолюция: отстранить от работы директора Николаичука, выразить недоверие руководству МАТО. Еще одно собрание успели провести в отделе АСУ (помните, там сменилось очень много сотрудников, пришли новые люди), и резолюция была такой же: статья правильная, руководство некомпетентно. И тогда произошло нечто совсем уж смешное: на всех станциях стали надирать телефоны, требуя остановить уже начавшиеся собрания и дальнейшее обсуждение статьи прекратить! Вот так закончился опрос «в духе сегодняшних веяний».

«Ну, решили «оторвать голову» Копылову!» — снова слышу я недовольный голос. И повторяю то, о чем уже говорил вначале: как и тысячи других москвичей, я с большой надеждой ждал все эти месяцы от нового генерального директора решительных перемен в автосервисе. Но дождался перемен лишь те, кто шел «с опережением». Пусть это нескромно, но считаю нужным добавить, что автору этих строк принадлежали критические материалы о прежнем положении в автосервисе, и заподозрить меня в какой-то внезапной заочной нелюбви к Е. С. Копылову было бы просто нелогично.

Наоборот, поначалу я с удовольствием фиксировал для себя все то хорошее, что появилось в автосервисе: что-то новое построено, что-то изменено, наводится порядок, работники автосервиса вроде стали вежливее, начальство — доступнее... Но вслед за этими косметическими — хотя и очень нужными! — мерами — не последовало ничего более существенного. А потом пошло: разговоры о качестве остаются разговорами, растет «левая» клиентура, деловые принципы попали в зависимость от того, кто с кем ходит в баню. И стало ясно, что надежды на новый автосервис так и остаются надеждами.

Написав этот материал, я не спешил сдавать его в редакцию: хотелось узнать, как будет реагировать на выводы комиссии и на выступление «Московского комсомольца» руководство Главмосавтотранса. Стало известно, что этому вопросу посвящена очередная коллегия главка, и она, действительно, состоялась, причем тоже «в духе времени»: заседание прошло непосредственно на месте, в большом и красивом конференц-зале МАТО на Варшавском шоссе, куда руководитель

главка Е. К. Купреев, как он сам сообщил, приехал впервые.

Вступительное слово начальника главка прозвучало строго и убедительно: столько было названо «негативных явлений» последнего времени, столько приведено фактов разболтанности, бракодельства, халатности работников МАТО по отношению к клиентам, что зал буквально замер. Было отчетливо: Е. К. Купреев как пример прочитал строки из всего лишь нескольких жалоб, потоком поступающих на МАТО (была названа цифра 2054 — жалобы только за прошедший год!). Факты приводились просто убийственные. Атташе дружественной нам страны сообщает, что в его машине в задний мост насыпали металлическую стружку, сняли ряд «родных» деталей и поставили что-то постороннее, часть деталей испортили вообще и вдобавок украли динамик радиоприемника. Дипломат делает в письме горький вывод: не зря представители западных стран автосервисом Москвы предпочитают не пользоваться. Что же говорить о своих, отечественных клиентах — их обдирают как липку. Отдал человек в окраску один кузов, без мотора — ему вписывают в счет, среди прочего сумму... за чистку карбюратора. Другой клиент ждет свою машину шесть месяцев сверх срока. Наконец, машину сделали, но тут же... уронили ее с подъемника! «Проклинаю тот день, когда решил купить автомобиль!» — в отчаянии пишет один из жалобщиков.

«Мы хотим услышать ваше мнение о том, сможет ли руководство МАТО справиться со своими подчиненными», — говорил Е. К. Купреев в зал. Вопрос конкретный и резонный. Но его словно никто не услышал, либо не захотел услышать: когда начались прения, сам же Купреев то и дело призывал выступавших говорить о планах, о перспективах, о мнении людей по конкретным вопросам, но не о конкретных руководителях.

Нет, нажима не было, но... Знаете, как можно повести собрание в нужную сторону умелыми репликами? Когда секретарь парторганизации Ю. Логутков стал, например, говорить о том, что он слишком передоверился новому генеральному директору в вопросе подбора кадров, что он, секретарь парторганизации, считает себя виновным в создавшейся сложной ситуации, что надо... Но ведущий коллегию начальник главка остановил выступавшего: «Об этом давайте поговорим завтра у меня в кабинете». Зал безмолвствовал...

Что говорить, если с самого начала Купреев дает работе МАТО такую оценку: «За последнее время существенных улучшений в работе объединения не произошло», и тут же словно бы раскрывает причину: «Есть люди, которые подливают масло в огонь». Это уже — напрямую о жалобах в высшие инстанции, причем несколько раз начальник главка употребил слово «кляузы», хотя тут же извинялся за оговорку. Только оговорка ли это?

О справке, поданной комиссией Сугрובה в горком партии, из президиума собрания говорилось с легкой иронией как о сочинении зарвавшихся школьников: «Их попросили подготовить справку, а уж выводы делать их никто не просил». Ох, не по душе, видно, этот документ руководителям главка... Но, обильно его цитируя, Купреев все же не смог ни один из конкретных пунктов справки назвать ошибочным. Больше того, почти каждое выступление в прениях косвенно подтверждало выводы комиссии, приводило новые и новые факты развала работы в МАТО, но, повто-

ряю, косвенно. Лишь только выступающий начинал высказывать свое мнение о работе комиссии, Купреев очень мягко просил: «Давайте говорить о деле». И скоро о работе комиссии, о письме Левина, о статье в газете все вроде и забыли, растворялась эта проблема в обсуждении складских проблем, строительных вопросов...

Кстати, газетной статье все-таки «попало»: ее в прениях назвали «несерьезной» — и все тут. Мол, что с комсомола взять. «Это сведения личных счетов!» — определенно высказался очередной выступавший, приемщик машин Голоноук, о письме Левина в МГК КПСС. «Почему Левин, прежде чем писать, не пожелал подойти ко мне, посоветоваться?» Ведущий заседание внимательно слушал. «Все теперь пишу. Писатели! — продолжал выступавший. — Я лично считаю — это безобразие...» Дальше все продолжалось на той же ноте — ни единого контраргумента, ничего конкретного. И что странно: кое-кому в зале такой способ обсуждения (не положения в МАТО, а «жалобщиков») пришелся по душе. «Где этот Левин, давайте его сюда!» «Что, нашкодил, а показаться боится?» — выкрикивали сидевшие неподалеку от меня дюжие молодцы — каждый едва вмещался в полтора кресла. Требовали «подать» автора статьи в «Московском комсомольце» — его в зале не оказалось. «Пусть пишут, — успокаивал всех Купреев, — мы не очень на все это обращаем внимание. К чистому грязь не липнет». Чистое — это все то, что выплескивалось в зал около пяти часов подряд? Факты технической безграмотности, некомпетентности руководства, примеры воровства, вымогательства, приписок, бескультурья... О какой чистоте речь, — возможно, о чистоте мундира?

Зато сколько правильных, красивых слов было сказано о перестройке! Так и начала свое выступление старший администратор магазина «Жигули»; помните, та самая, которая в письме о покупке машины ходатайствовала сама за себя: «Слово «перестройка» мы впервые услышали от Копылова. Все старое активно сопротивляется перестройке, использует все методы, чтобы помешать работе». Это — о письме Левина, которое администратор магазина назвала «плодом мук бедного борца». Да, выступавшая лучше знает, как надо бороться за свои интересы.

Как же сквозило желание — пятна счесть за пятнышки, да и на те, мол, не под тем углом надо смотреть... Дали слово председателю комиссии В. Сугробову. «Почему коллегия, собравшись для обсуждения письма в МГК, от этого обсуждения уклоняется? Я прошу конкретно сказать, в чем не объективна комиссия, я хочу знать мнение коммунистов, будучи сам коммунистом с десятилетним стажем...» «Не надо указывать руководству коллегии, как ее надо вести!» — с явным металлом в голосе парировал начальник главка. «Слишком много на себя берете, товарищ Сугробов!» — и тут же голос смягчился: «Это я вам не как начальник главка, а как товарищ советую...»

Все ждали: что же скажет о своем хозяйстве генеральный директор? Он сказал, что в принципе критику принимает. «Надо признать, факты, приведенные в статье, имели место...», но тут Е. К. Купреев поправил выступавшего: «Мы же договорились — отчета о работе делать не надо. Что собираетесь предпринять в ближайшее время?» Зал шевельнулся — снимать Копылова не будут, теперь это ясно. Ясно это было и выступавшему — он уже уверенно винул во всем нехватку запчастей, развращенность легкими заработками ремонтников, плохую работу «среднего звена». О жалобах сказал, что, мол, если приглядеться, то их не так уж и много, что к жалобщикам (!) приписали и просителей, а потому цифра большая, что разобрались уже во всех жалобах, признанных обоснованными...

«Признанных обоснованными? Удобная формулировка: хочу — признаю, хочу — не признаю...» — не удержался от реплики Купреев.

«Жалобы были, есть и будут!» — бодро пообещал

Копылов, как бы намекая, что движение к идеалу — это лишь тенденция, вечное, но неосуществимое желание. И о жалобах больше не говорил; этот вопрос тоже словно бы растворился... Говорил же Копылов о необходимости возращения в делах МАТО роли парторганизации, комсомола. А я видел издали поникшие плечи секретаря парткома Логутова, который, кажется, впервые хотел сейчас сказать при народе о чем-то наболевшем, да осекся на жесткой реплике. И видел я комсомольского секретаря объединения Сергея Комарова, который, возможно, переваривал в этот момент начальственный окрик по адресу Сугрובה: «Слишком много на себя берет!»

Сугробов сидел бледный, с остановившимся взглядом, — наверное, про себя договаривал не произнесенное с трибуны. Не позавидуешь ему: получилось так, что он предстал перед всеми в образе какого-то выскочки, замахнувшегося не на свое дело. А ведь он вместе с молодежью главка только за последние три года провел пятьдесят четыре комсомольских рейда, по их материалам выявлено и осуждено несколько групп расхитителей, четыре раза собирались коллеги главка... Вот и на этот раз: десять дней напряженной работы, опрошены десятки людей, подняты кипы документов, и ведь ни одного факта из представленной справки никто не попытался опровергнуть, но... Даже элементарного слова «спасибо» в зале не прозвучало.

В общем, на открытой коллегии был дан наглядный урок. Только чего именно, не возьмусь судить. Начальник главка ведь ясно дал понять свою позицию по отношению к журналистам — беда с ними, да вот не отбиться... Жаль, нельзя запретить... Впрочем, такой оценки заслужили, наверное, только критикующие журналисты; есть, возможно, и «свои», как иначе объяснить тот факт, что зачитывал Евгений Кириллович письма, присланные клиентами автосервиса в редакции центральных газет, но попавшие не на газетные полосы, а на стол начальника главка. Нет, тот их не спрятал, он даже обнародовал на своем собрании эти кляузы — простите, жалобы. Теперь можно и рапортовать: меры приняты!

Что же в итоге? Выговор генеральному директору Копылову, обещание убрать (без объяснения, с какой формулировкой, позже выяснилось — «по собственному желанию») директора техцентра «Кунцево» Николайчука, а об остальном — доложить, разобраться, усилить, обеспечить... Я выключил диктофон — такое можно и не записывать.

Что вы предлагаете? Критиковать-то все мастера! — так и слышу я реплику тех работников автосервиса, которые, вчитываясь в эти строчки, уже заранее были с ними не согласны. Во-первых, критиковать мастера далеко не все, иначе не возникло бы того молчаливого трусливого согласия, при котором у всех на глазах развивались и множились безобразия. И тогда не молодой Левин, а опытные и заслуженные столпы автосервиса должны были встать и в полный голос обличить виновников порока. Но не встали, рта не раскрыли. А что до предложений... Я, как человек посторонний, предложил бы настоящим патриотам автосервиса, пусть даже с запозданием, сказать, как того требует элементарная порядочность, — сказать тем же Левину и Сугробову «спасибо» — и с этого начать подлинную перестройку.

ПОЧЕМУ НАДО СТЫДИТЬСЯ МНОГОДЕТНОСТИ?

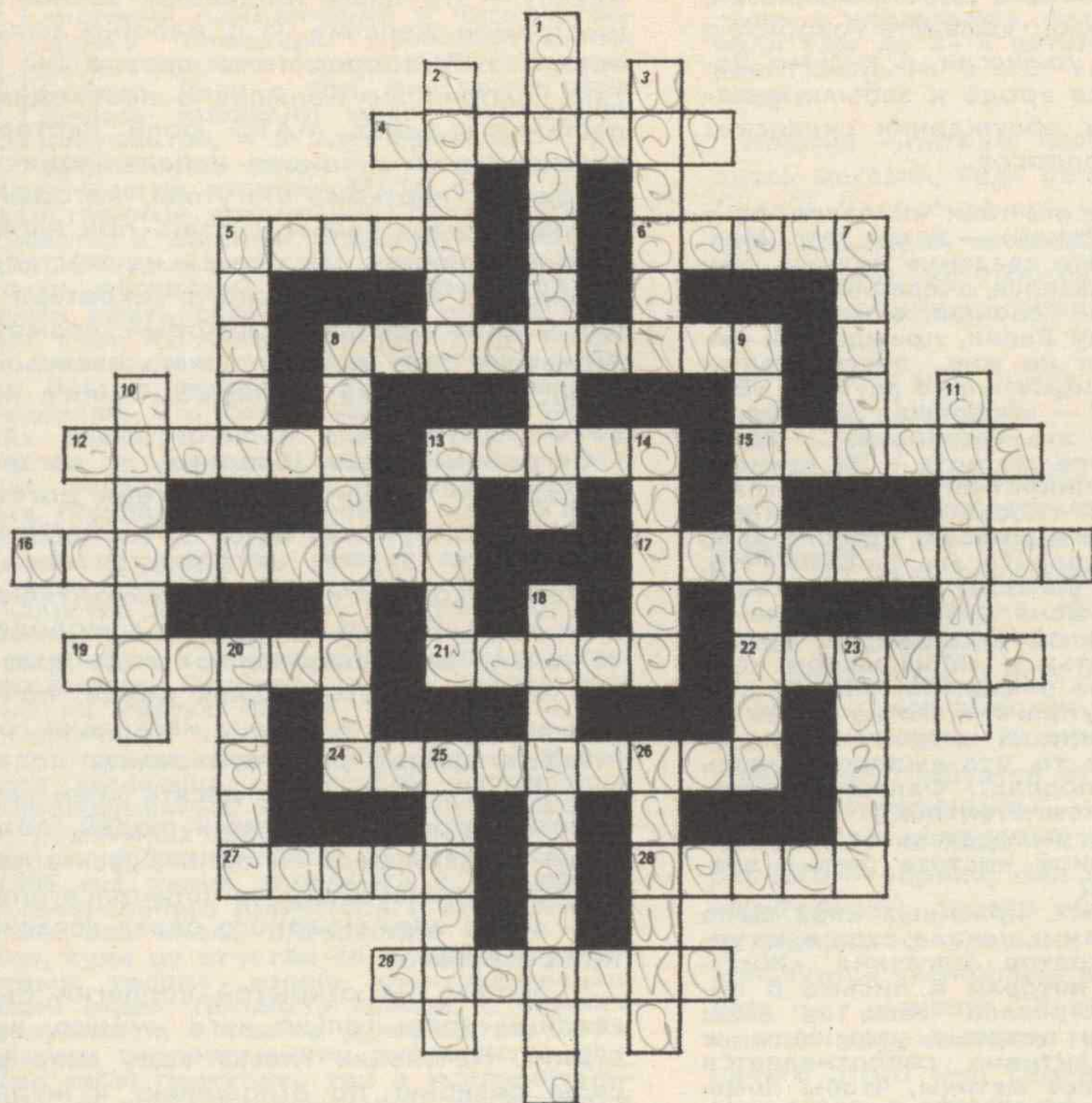
Давайте знакомиться — Волкова Нина Ивановна, мне 25 лет, 9 из них я замужем; у нас 7 детей, что еще не предел. Окончила десятилетку, сейчас работаю в санатории эвакуатором.

В вашей статье «Давайте знакомиться» в № 41 за прошлый год задан вопрос: отчего растет число однопотных семей? Он меня задел за живое. А где вы видели, чтобы поощрялась многодетность? Я могу об этом говорить не понаслышке. Один ребенок — это как бы и есть дети, и в то же время нет. До полутора лет дома, затем ясли, потом детсад, школа с продленкой, всевозможные кружки и секции. Время для общения, воспитания и прочего сжато до двух часов по вечерам, а в остальное время можно заняться своей карьерой, своим культурным уровнем, друзьями, внешностью и т. д. А когда детей трое, четверо или больше, им же душу отдавать нужно, силы и время. Какая уж тут карьера, какая внешность! Передовик производства всем известен, а многодетную семью разве что

улица знает. О награждении отличников производства, отличившихся на пожаре или при спасении утопающих можно прочесть на первой полосе почти любой центральной газеты. Но разве часто встретишь статьи о матерях-героинях? Сколько таких женщин в нашей стране? Как они живут? Какие у них проблемы? Кто об этом знает? Непрестижно иметь много детей, невыгодно: не прославишься, зарплату и премию не платят, карьеру не сделаешь, да еще на несколько лет будешь исключен из общего течения жизни. Не готовят девочек к этому. К карьере общественной и производственной — с раннего детства и в школе, и дома, а к семейной — нигде. А это должны делать и семья, и школа, и пресса, и телевидение, и общественное мнение.

А я, наверное, в свое время поступила вопреки воспитанию в школе и дома, вопреки общественному мнению. И еще ни разу не пожалела об этом! Хотя самое трудное оказалось не нехватка денег и жилплощади, не недосыпание и прочие нагрузки, а неприятие нашей семьи общественным мнением. Своеобразная изоляция. Даже у людей старшего поколения я не встретила ни поддержки, ни понимания. А уж о сверстниках и говорить не приходится! Смотрят как на нищету, как на ненормальных. Недавно мне сказали, что таких, как я, нужно стерилизовать, чтобы не было дурного примера. Вот так! Кто-то это же воспитал! Это, а не противоположное. И это, по-моему, надо исправлять быстрее.

КРОССВОРД

По горизонтали: 4. Судно для ловли рыбы. 5. Выдающийся польский композитор и пианист. 6. Шотландский поэт XVIII века. 8. Дикая птица отряда куриных. 12. Озеро на севере Прикаспийской низменности. 13. Крупный яркий метеор. 15. Государство на юге Европы. 16. Киноактриса, народная артистка СССР. 17. Советский журнал для женщин. 19. Рыболовная снасть. 21. Одна из четырех стран света. 22. Стихотворение А. С. Пушкина. 24. Хоровой дирижер, Герой Социалистического Труда. 27. Вид спортивной борьбы. 28. Специалист по вопросам права. 29. Промысловая морская рыба.

По вертикали: 1. Город в Латвии. 2. Специалист по подготовке спортсменов. 3. Восточный фруктовый прохладительный напиток. 5. Обожженная огнеупорная глина, каолин. 7. Промысловая лососевая рыба. 8. Согласованное звучание, один из важнейших элементов гармонии. 9. Один из бакинских комиссаров. 10. Полуостров на юго-востоке Северной Америки. 11. Курорт в Армении. 13. Способ спортивного плавания. 14. Немецкий живописец и график XV—XVI веков. 18. Поэма А. А. Блока. 20. Небольшая болотная птица. 23. Официальное посещение. 25. Приток Енисея. 26. Специальная палка для игры в хоккей.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 26

По горизонтали: 3. Акватория. 7. Софа. 8. Скetch. 9. Трап. 10. Фарватер. 11. Референт. 14. «Баку». 16. Огранка. 18. Лавр. 19. «Иоланта». 20. Гуттузо. 21. Июнь. 23. Палитра. 24. Кант. 28. Сетчатка. 30. Гераклит. 31. Лист. 32. Майор. 33. Ухта. 34. Синекдоха.

По вертикали: 1. Танкер. 2. «Костер». 3. Абакан. 4. Ястреб. 5. Бобр. 6. Газета. 10. Фабрициус. 12. Термостат. 13. Гамалия. 15. Умань. 16. Остап. 17. Аруба. 18. Лютик. 22. Натрий. 25. «Аэлитка». 26. Мартос. 27. Палуба. 29. Алазья. 30. Гроздь.

Многие люди, глядя на мои фотографии, нередко относят автора к пессимистам. «Копание в грязи...», «Жизнь и так печальна, хочется светлого, красивого» — эти и подобные высказывания мне приходилось и приходится выслушивать часто. Может, несколько парадоксально и неубедительно кое для кого прозвучит признание: я отношу себя к оптимистам. С первых шагов в фотографии я поставил себе задачу: заставить всех, именно всех людей задуматься о своей жизни, ее цели. О том, что в суете будней мы теряем очень важные человеческие качества: чувство общности людей, любовь друг к другу и, может быть, какую-то всеобщую жалость к себе подобным. А взамен — равнодушие и самое страшное: человек становится разменной монетой, вещью.

Преувеличиваю! Возможно. Но я не хочу, чтобы это случилось со всеми людьми, поэтому и снимаю то, что, на мой взгляд, служит отражением жизни, ее самых важных сторон. Конечно, звучит спорно. Я даже слышу возражения: «Уж слишком субъективно ты отражаешь жизнь, не видишь светлого, красивого».

Вижу. Только уж часто в последнее время свет от светлого, прости-те за каламбур, мешает прямо смотреть на окружающий мир и в глаза друг другу.

Хочу сразу успокоить и поборников красоты. Я не против красоты. Только что подразумевать под этим понятием? Умение показать игру света, цвета, линий, фактуры материала, экзотику, удивить ракурсом и тому подобное? Или проникновение в духовный мир человека, богатый или убогий? Я за проникновение в человека. По-моему, увидеть в нем доброе, красивое (я имею в виду не внешние данные) превратилось в тяжелый труд, и не каждый на него решается. Маска, которую люди добровольно или в силу каких-то обстоятельств надевают на свое лицо и даже ложатся спать с нею, — вот что зачастую мешает нам разглядеть других людей и себя. Снять маску, по-моему, одно из главных условий успеха в творчестве фотографа. Я и пытаюсь так делать. Понимаю, не всегда мне удастся ее снять, но не стремиться к этому не могу...

С уважением
Анатолий МАТЮШКИН.

ОТ РЕДАКЦИИ: Когда верстался номер, мы получили известие о том, что водолаз и фотохудожник Анатолий Александрович Матюшкин при исполнении служебных обязанностей погиб в возрасте неполных тридцати восьми лет...

НЕТ ПРОБЛЕМ?

Рисунок Виктора СКРЫЛЕВА

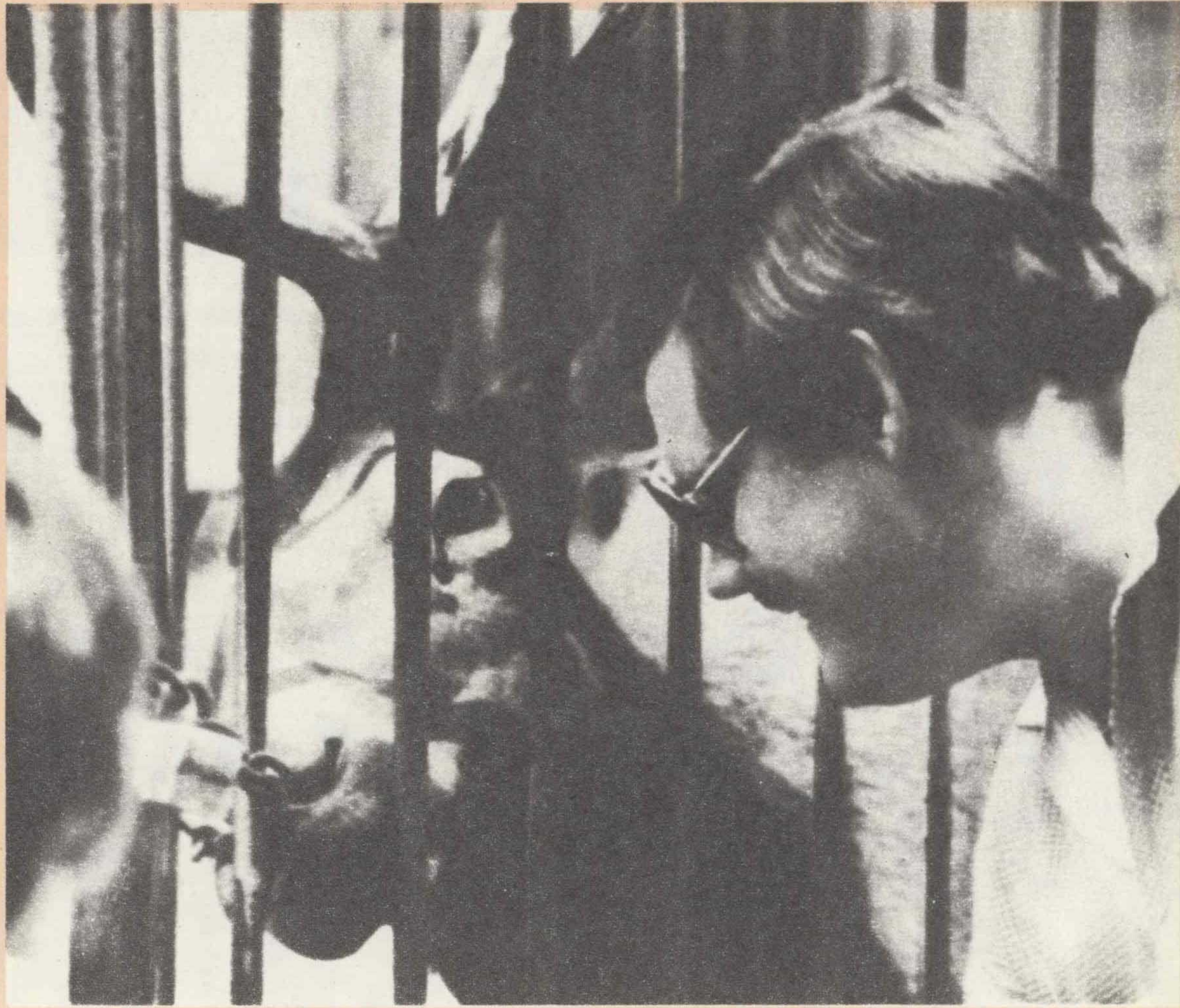

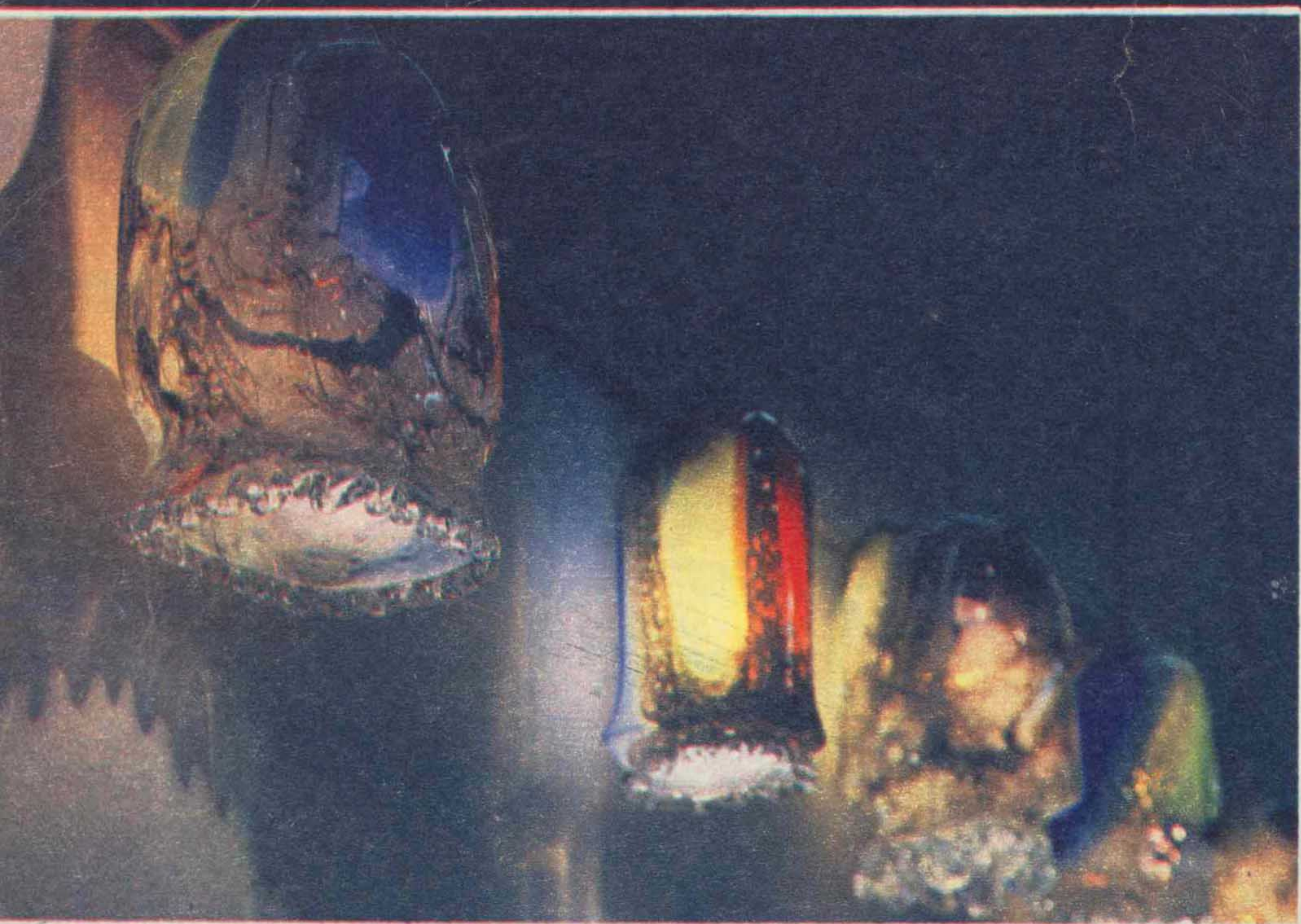

ФОТОВЕРНІСАЖ «ОГОНЬКА»

СНЯТЬ МАСКУ

ОГОНЁК

ISSN 0131—0097

Цена номера 40 коп.

Индекс 70663

ЧАРОДЕЙКА ГУТНОГО СТЕКЛА

Доброту, сердечную щедрость излучают работы мастера художественного стекла Евгении Шимоняк-Косаковской из Львова. За два последних десятилетия ее произведения украшали экспозиции свыше пятидесяти отечественных и зарубежных выставок. Работает Евгения Ивановна в технике гутного стекла.

Не все знают, что гутное стекло — это художественные изделия, получаемые способом свободного выдувания при помощи самых нехитрых инструментов: трубки для набора стекломассы, пинцета, ножниц. Эта техника даже при желании не позволяет в точности повторить образец, делая тем самым каждое произведение уникальным. Новый качественный взлет этой древней и трудоемкой техники достигнут художниками, объединившими свои усилия в цехе гутного стекла Львовской экспериментальной керамико-скульптурной фабрики Художественного фонда СССР. Выполненные Шимоняк-Косаковской великолепные люстры и бра, витражи и декоративные ансамбли ваз украшают интерьеры многих общественных зданий во Львове и других городах, а выпущенные фабрикой по образцам художницы разнообразные изделия вошли в быт тысяч семей.

Анатолий ПОПОВ.

Фото Михаила МЕЗЕНЦЕВА

